ОГОНЁК

№ 3 ЯНВАРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Тридцать лет назад, в январе 1920 года, Красная Армия завершила разгром армии Колчака, ставленника Антанты в Сибири.

Сибирь ныне — край передовой индустрии, механизированного сельского хозяйства, быстро растущей науки и культуры.

На нашем снимке: активный участник разгрома Колчака, бывший командир партизанского корпуса Игнатий Владимирович Громов, депутат Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся (см. очерк «С берегов Оби») вместе со своими товарищами по большевистскому подполью — А. И. Галуновым (в центре) и Л. В. Решетниковым (справа).

Фото М. Савина

На первой странице обложки: **Герой Социалистического Труда, звеньевой колхоза имени Ворошилова (Янги-Юльский район, Узбекская ССР) Назарали Ниязов с дочерью Аширбу и внуком Рахимберды.**

Фото Г. Зельма

На последней странице обложки: **автомобильная дорога в горах Памира.**

Фото О. Кнорринга

ОГОНЁК

3 (1180) 15 ЯНВАРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

За успешное выполнение заданий правительства по выпуску тканей для нужд народного хозяйства и в связи с исполнившимся 150-летием Президиум Верховного Совета СССР наградил хлопчатобумажный ордена Трудового Красного Знамени комбинат «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского орденом Ленина и отметил высокими наградами—орденами и медалями—большую группу рабочих, работниц, инженеров, техников, служащих «Трехгорки». 5 января в Кремле Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. М. Шверник вручил орден Ленина делегации комбината «Трехгорная мануфактура» и ордена и медали работникам комбината. На фото: Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Н. М. Шверник вручает орден Ленина стригальщице тканей ситценабивной фабрики Е. И. Комиссаровой.

Фото А. Гостева

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Беседа с председателем Совета Министров Узбекской ССР тов. А. АБДУРАХМАНОВЫМ

Национально-государственное размежевание, проведенное в Средней Азии в 1924 году, осуществило вековую мечту узбекского народа о воссоединении в единое государство. Освобожденный Великим Октябрем от двойного гнета — царских сатрапов и собственных эксплоататоров — баев и ханов, — узбекский народ стал сплоченной социалистической нацией.

Благодаря проведению ленинско-сталинской национальной политики Узбекистан из бесправной колонии русского царизма превратился в социалистическую республику, стал подлинным маяком социализма на Востоке. В то же время народы сопредельных стран: Ирана, Турции и Афганистана,— эксплоатируемые помещиками, капиталистами и иноземными колонизаторами, продолжают влачить нищенское, полуголодное существование.

По сталинскому плану индустриализации в Узбекской ССР построено много крупных промышленных предприятий. Объем промышленного производства за годы советской власти увеличился в 28 раз, причем уже в 1948 году производство средств производства составило 42% общей промышленной продукции республики.

Ярко горят огни первенца черной металлургии Узбекистана, работают предприятия сельскохозяйственного машиностроения, текстильный комбинат в Ташкенте, шелкоткацкий комбинат и другие предприятия-гиганты, оснащенные первоклассной техникой. В Узбекистане растет добыча угля, нефти и других полезных ископаемых. Построены гидроэлектростанции. На реке Сыр-Дарье работает одна из крупнейших в СССР — Фархадская ГЭС.

Преобразилось и сельское хозяйство. Колхозный строй позволил перейти от феодального способа обработки земли к крупному социалистическому производству, основанному на широкой механизации, на применении всех достижений передовой, советской агробиологической науки. Небезынтересно сопоставить это с данными о сельском хозяйстве соседних капиталистических стран. В Иране две трети крестьян вообще не имеют земли, более 60% всей обрабатываемой площади принадлежит помещикам. В Турции один плуг приходится на шестнадцать хозяйств, и основным сельскохозяйственным орудием до сей поры остается деревянная соха — «караспан». Одним караспаном пользуются, как правило, два хозяйства. На полях же каждого узбекского колхоза работают 3—4 трактора и 40—50 прицепных сельскохозяйственных орудий.

Сельское хозяйство Узбекистана все более механизируется. Минувшей осенью на полях республики появились первые сотни хлопкоуборочных машин, созданных промышленностью по указанию товарища Сталина. В 1950 году количество этих машин возрастет во много раз. В сравнении с дореволюционным временем производство хлопка в Узбекистане увеличилось в 3½ раза.

Партия и правительство, товарищ Сталин неустанно заботятся о развитии хлопководства в республике. Принятое в феврале 1949 года Советом Министров СССР постановление является для нас развернутой боевой программой дальнейшего увеличения производства хлопка.

Хлопкоробы Узбекистана вырастили в минувшем году неплохой урожай. Хлопка сдано больше, чем в 1948 году, на 175 тысяч тонн, превзойден уровень самого высокоурожайного 1941 года. За выращивание высоких урожаев хлопка и других культур 113 колхозникам Узбекской ССР присвоено звание Героя Социалистического Труда, около 6 тысяч передовиков сельского хозяйства награждено орденами и медалями.

В республике насчитываются сотни колхозов-миллионеров. Колхоз «Сталинчи», Ленинского района, Андижанской области, сдав с каждого гектара по 30 центнеров хлопка, получил 12 миллионов рублей дохода, в том числе одних премий-надбавок 7,5 миллиона рублей. Колхоз имени Сталина, Янги-Курганского района, Наманганской области, получил за сданный хлопок 7 миллионов рублей, в том числе премий-надбавок 3,5 миллиона.

Узбекистан — основной производитель шелковичных коконов в Советском Союзе — дает их сейчас в три с лишним раза больше, чем в дореволюционное время. Хорошо известен своими качествами узбекский каракуль. Узбекская ССР дает стране также немало риса, фруктов, винограда.

Узбекистан — родина замечательного патриотического движения трудящихся за широкое развитие ирригационного строительства методами народной стройки. Вслед за Большим Ферганским каналом имени Сталина в короткие сроки были завершены многие другие народные стройки: сооружены каналы общей протяженностью около 3 тысяч километров. Началось орошение Голодной степи. Шаарихан-ская степь, пустынные урочища Буз, Мамахан и другие превращаются в плодородные пашни. В этих местах возникают новые колхозы.

Узбекский народ безгранично признателен великому Сталину, партии большевиков, своему старшему брату — русскому народу. Когда над советским государством нависла грозная опасность, узбеки плечо к плечу с русскими и армянами, украинцами и казахами, белоруссами и таджиками грудью встали на защиту Родины от врага. Наряду с Уралом и Кузбассом, Москвой и Ленинградом, Казахстаном и Закавказьем, Узбекская ССР в дни Великой Отечественной войны была одним из арсеналов Советской Армии. За доблесть и мужество, проявленные на фронтах, 65 воинам-узбекам присвоено звание Героя Советского Союза, десятки тысяч человек награждены боевыми орденами и медалями.

Советский строй обеспечил неуклонный подъем культурного уровня трудящихся узбеков, которые прежде были обречены на темноту и невежество. Сейчас в 4650 школах республики обучается свыше 1200 тысяч человек. Вслед за уже осуществленным всеобщим начальным обучением в ближайшее время будет осуществлено всеобщее семилетнее обучение на селе и десятилетнее — в городах. Десятки тысяч студентов обучаются в 36 вузах республики. 93 техникума ежегодно выпускают много квалифицированных специалистов.

Созданная по инициативе товарища И. В. Сталина Академия наук Узбекской ССР объединяет 25 институтов, научных лабораторий и научных станций. Кроме того в республике работают 95 других научно-исследовательских учреждений.

В Узбекистане выросла своя национальная советская интеллигенция. В ее среде много талантливых инженеров, педагогов, агрономов, врачей, деятелей науки, литературы, искусства.

А в соседнем Иране до сих пор 85% населения неграмотно. В Афганистане имеется всего лишь 11 средних школ. Так идут вперед социалистические нации в Стране Советов и отстают в своем развитии страны Востока, порабощенные империалистами.

Узбекский народ читает на родном языке великие творения классиков марксизма-ленинизма. Все основные произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина изданы на узбекском языке. Уже выпущено пять томов Сочинений В. И. Ленина и восемь томов Сочинений И. В. Сталина. Развивая свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию, узбекский народ приобщается к общей культуре народов нашей страны. Сочинения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, В. В. Маяковского, творения великого поэта Грузии Шота Руставели, азербайджанского классика Низами близки и понятны узбеку так же, как и произведения родоначальника узбекской литературы Алишера Навои. Тираж книг, выпущенных в Узбекистане за 25 лет, доходит до 200 миллионов экземпляров.

Советская власть, партия большевиков помогли узбекскому народу создать национальное оперное и драматическое искусство. В республике работают 29 постоянных театров, на сцене которых наряду с произведениями национальных авторов идут переведенные на узбекский язык лучшие произведения русских и западноевропейских драматургов и композиторов.

В республике создана кинематографическая промышленность. Поставленные узбекскими мастерами кинофильмы демонстрируются по всему Советскому Союзу и во многих зарубежных странах.

Ничем подобным в области искусства не отмечена последняя четверть века в зарубежных странах Востока. Кинопромышленности там нет до сих пор, несколько частных театров в Иране и Турции влачат жалкое существование. Афганистан не имеет ни одного театра.

Могучим проводником культуры является созданная в республике сеть культурно-просветительных учреждений. У нас работают около тысячи библиотек, около 3 тысяч клубов и домов культуры, 16 музеев и т. д.

Огромны достижения Узбекистана в области здравоохранения. До Октябрьской революции здесь было всего 128 врачей, а сейчас их тысячи. Трудящиеся получают бесплатную медицинскую помощь в поликлиниках, больницах, лечатся и отдыхают в санаториях и домах отдыха.

Женщины-узбечки, совершенно бесправные до революции, ныне активно участвуют в государственной и общественной жизни республики. Свыше 13 тысяч женщин избраны депутатами местных Советов, 106 женщин — депутатами Верховного Совета республики и 14 — депутатами Верховного Совета СССР.

Около 17 тысяч узбечек работает в качестве педагогов, врачей, заведующих клубами, библиотеками и т. д. Высок процент женщин среди студенчества и научных работников.

Неузнаваемо преобразился облик городов и сел республики. В столице ее — Ташкенте — на месте кривых улочек и тупичков проложены широкие проспекты, насажены бульвары, выстроены многоэтажные дома. В Самарканде появился трамвай, в Андижане осуществлена газификация. Возникли новые города с многотысячным населением: Чирчик, Беговат, Ангрен, Янги-Юль.

Величественны перспективы дальнейшего развития нашей республики. Поставленная товарищем Сталиным задача — в ближайшие годы вдвое увеличить производство хлопка — требует комплексного развития всех отраслей народного хозяйства республики. Предстоит осуществить грандиозную программу нового ирригационного строительства, увеличить число машинно-тракторных станций. Будут сооружены новые машиностроительные заводы и предприятия, производящие минеральные удобрения, что в свою очередь потребует расширения топливной и энергетической базы, увеличения производства металла и т. д. Большие работы предстоят по развитию гидроэнергетики, увеличению добычи угля, нефти.

Серьезные мероприятия намечены по дальнейшему подъему культуры, подготовке кадров, благоустройству быта трудящихся, строительству городов и реконструкции кишлаков.

Велики и беспримерны в истории преобразования, происшедшие за четверть века в жизни узбекского народа. Они могли произойти лишь благодаря мудрой ленинско-сталинской политике, благодаря помощи великого русского народа, благодаря гениальному руководству и отеческой заботе родного и любимого товарища Сталина. Ему, величайшему гению всех времен и народов, узбекский народ приносит свою безграничную благодарность.

МОЛОДОСТЬ РЕСПУБЛИКИ

А. СТАРКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

«КОВРОВЦЫ»

Необозримые хлопковые поля не могут существовать без оросительных каналов, несущих им живительную влагу. Сколько нужно кетменей, чтобы прорыть хотя бы один такой канал! И сколько раз надо высоко занести над головой и с силой вогнать в грунт каждый из этих кетменей! А приползет на гусеницах тяжелая, неуклюжая с виду машина, медленно опустит и поднимет длинный свой хобот, снова опустит и поднимет — и, глядишь, нарыто уже земли, будто человек двадцать весь день трудились. Экскаватор! Страна из глубины России, из города Коврова, за тысячи верст посылала узбекам экскаваторы. Их требовалось все больше и больше, потому что не только каналы прокладывал узбекский народ — он возводил гидростанции, создавал водохранилища, углублял и выпрямлял реки.

Решено было начать в республике выпуск экскаваторов. И еще решено было отправить в Ковров пятьдесят молодых узбеков: там подготовят из них отменных рабочих-экскаваторщиков.

Они ехали в вагоне, увитом красными шелковыми лентами. Поезд назывался скорым, но казалось, что он еле движется. Это ощущение возникало, наверно, от того, что в течение трех суток за окном почти не сменялся пейзаж: все степь да степь. К мосту через Волгу поезд подошел на исходе третьих суток, поздним вечером. Юноши, с волнением поджидавшие встречи с великой рекой, прильнули к окнам, всматриваясь в темноту. Воды не было видно, но она угадывалась по колеблющимся отблескам фонарей, по узенькой лунной дорожке, которая бежала от берега к берегу, по огням бакенов. Юноши стояли у окон притихшие, задумчивые. Там, позади, на другой стороне реки, осталась степь, а за степью, совсем далеко, родной город, который они впервые покинули и в который вернутся только через год.

...Вот уж не ожидали они, что в Коврове их встретит столько народа! На перроне играл оркестр. После короткого митинга гостей усадили в автобус и повезли в общежитие. Это был новый одноэтажный дом с палисадом, с широкими резными наличниками. Внутри пахло смолой, свежей краской. Чьи-то заботливые руки уже расставили в просторных комнатах мебель, застелили кровати, натерли полы, повесили на окнах узорчатые занавеси. Войдешь в такой дом — и сразу почувствуешь, что здесь тебя ждали...

Утром к ним пришел главный инженер завода и пригласил на экскурсию. Они шли из литейной в кузницу, из механического в сборочный и видели, как рождается экскаватор. Потом их распределили по цехам, по бригадам.

Рашида Хамракулова, высокого, стройного юношу из Булунгура, зачислили в «знаменитую бригаду товарища Коробкова», как выразился начальник отдела кадров. Товарищ Коробков оказался рыжеволосым пареньком, ровесником Рашида. Он представился запросто: «Вася». Но, подумав прибавил для солидности: «Михайлович». Так его Рашид и величал: Вася Михайлович.

Бригада Коробкова собирала важнейший узел машины — механизм управления. Узнав, что Рашид работал уже в слесарной мастерской при сахарном заводе, бригадир поставил его к верстаку и дал пришабрить несложную деталь. И получилось так, что с первых же минут новичок неприметно для самого себя включился в рабочий ритм бригады и почувствовал, что он тут нужен и полезен. А это очень хорошее чувство! Подошел мастер участка, протянул руку, назвался: «Матвеев, Андрей Васильевич», — постоял рядышком, посасывая трубочку и улыбаясь каким-то своим мыслям. И Рашиду показалось, что он уже давным-давно знает и Васю Коробкова, и его бригаду, и вот этого старого мастера.

То же ощущали и его товарищи: Абсагад Аскаров — в инструментальной, Нигмат Абдуллаев — на сборке дизелей, Вахаб Каримов — на испытательной станции, словом, все пятьдесят; ковровцы приняли их в свою семью, как родных.

Год прожили они в этом славном городке: работали в бригадах, учились на специальных курсах, которые открыла для них дирекция завода. Сколько друзей приобрели они! Рашид и Вася были просто неразлучны. Каждое утро, по дороге на завод, Коробков заходил за приятелем, который уже ждал его на крыльце. Шли, не торопясь, и толковали. Правда, говорил больше словоохотливый Вася. Рашид предпочитал слушать. А послушать было что: в васиной голове умещалось неисчислимое количество всяких технических сведений. Юноши проходили мимо маленького зеленого домика, в котором жил знаменитый конструктор Дегтярев. Вася рассказывал о том, как этот человек из простого подмастерья слесаря стал прославленным изобретателем. И при этом в карих васиных глазах загорались огоньки: изобретать, конструировать было его страстью... Она, эта страсть, постепенно передавалась и Рашиду.

Был у молодого узбека еще один друг: мастер Матвеев. Собственно, это был больше, чем друг. Рашид со свойственной ему поэтичностью называл мастера отцом. И в самом деле, Андрей Васильевич относился к нему с отцовской нежностью. Дома у Матвеева была крошечная комнатушка, куда никому из домашних нельзя было заглядывать: там стоял верстачок, за которым Андрей Васильевич мастерил по вечерам. И вот Рашид был допущен в эту «святая святых». Старик подарил ему чудесный набор инструментов. Слесарь-виртуоз, он щедро, от души, делился с полюбившимся ему юношей всеми премудростями своего искусства.

Когда Рашид первым из ташкентцев был удостоен пятого разряда, Матвеев устроил в честь этого события семейную вечеринку. Собралась молодежь: бригада Коробкова в полном составе. Абсагад, Нигмат, Вахаб и другие товарищи Рашида. Среди приглашенных была и Верочка Смирнова, краснощекая табельщица из сборочного цеха, которая с некоторого времени начала уделять повышенное внимание коробковской бригаде: она все чаще и чаще забегала на этот участок то за срочно понадобившимися устными сведениями, то с какими-то табличками, требующими немедленного заполнения, но, странное дело, предпочитала обращаться не к бригадиру непосредственно, а к его помощнику — Рашиду Хамракулову.

Уже немало тостов прозвучало на этой вечеринке, когда раздался такой: «За дружбу Коврова с Ташкентом!». Тост этот, провозглашенный Андреем Васильевичем, так всем понравился, что его пришлось повторить несколько раз.

Минул год. Пора было возвращаться домой. Двойное чувство испытывали молодые узбеки: сердца их тосковали по родному краю, но и с Ковровым, ставшим им родным, жаль было расставаться. Снова играл на перроне оркестр. Снова был митинг. Директор завода сказал, между прочим, что он с превеликим удовольствием оставил бы у себя этих славных ребят. Кирим Шаниязов передал глубокую благодарность русскому народу от узбекского народа за братскую помощь. Уезжающих провожала до Москвы заводская делегация. В ее состав

Ташкентский текстильный комбинат имени И. В. Сталина. Комсомолка Муатар Юлдашева, работающая на 10 машинах, выполняет норму на 130 процентов.

Фото Б. Кудоярова

входили Коробков и Матвеев. На Казанском вокзале, перед самым отходом ташкентского поезда, Андрей Васильевич улучил минутку и сунул своему другу в карман пакетик. Развернув его в вагоне, Рашид обнаружил новенький, сверкающий микрометр...

В Ташкент они подоспели в самую пору: завод разворачивал массовый выпуск экскаваторов. Как нужны были в то время опытные, умелые руки! Почти всех «ковровцев» — это имя так и укрепилось за ними — назначили бригадирами. Рашид получил бригаду на участке, где собирались механизмы управления — уже знакомое, близкое ему дело. Он написал об этом Васе и осторожно намекнул: не пожелает ли Вася Михайлович соревноваться со своим недавним помощником? Коробков не заставил себя долго ждать. Прислал письмо с текстом договора: подписывай! Они обменивались письмами каждую неделю. Поддерживали связь со своими бывшими бригадирами, мастерами, начальниками цехов и остальные юноши. Некоторые из них даже отпуск проводили в Коврове. Ездил туда отдыхать и Рашид. Вернулся он не один. Не так уж трудно догадаться, с кем он вернулся. Ну, конечно же, с Верочкой Смирновой, только теперь она была Верой Хамракуловой.

...На заводском дворе стоят железнодорожные платформы с машинами, подготовленными к отправке. На бортах платформ значится: «В Тбилиси», «В Тамбов», «В Астрахань». Как это примечательно, что теперь Узбекистан обеспечивает экскаваторами не только себя, но шлет их и в другие города страны!.. В сборочном цехе висит плакат: «Здесь работает лучшая бригада сборщиков». У верстака, под этим плакатом, стоит высокий юноша в темной вельветовой куртке с молнией. Это Рашид Хамракулов. Мы знакомимся. Он говорит, что сейчас очень занят, и приглашает нас в гости.

И вот вечером мы сидим в его небольшой уютной комнате в новом заводском доме, и Рашид рассказывает нам историю своих поездок в Ковров. Узнав, что мы собираемся в Москву, он быстро набросал почтовую открытку и протянул ее с просьбой опустить где-нибудь поближе к Коврову. Рашид поздравлял «родного брата Васю Михайловича» с выполнением месячного плана на 250 процентов и, словно извиняясь, сообщал, что у него, Рашида, «получилось в этот раз на 10 процентов больше». И еще сообщалась новость: дочка родилась, Галочка... Было еще несколько фраз о чертежах, которые Рашид высылает отдельно и о которых он просит дать отзыв. Речь, видимо, шла о каком-то рационализаторском предложении Рашида.

А заканчивалась открытка так: «Ну, когда же вы с Андреем Васильевичем сдержите свое обещание и приедете в гости?»

АДОЛЯТ-АБАД

В Ферганском обкоме партии нам посоветовали:

— Непременно побывайте в Адолят-абаде.

— Что это? Город? Поселок?

— Кишлак.

Мы подошли к карте.

— Не ищите. На карте нет такого наименования. Оно бытует в народе, который назвал этот кишлак Адолят-абадом в честь одной смелой женщины. Адолят — ее имя.

И нам рассказали, чем прославилась эта женщина.

Адолят родилась в Каптархане, неподалеку от Ферганского хребта. Каптархана — «Голубиное гнездо». Предание гласит, что в древние времена некий предприимчивый феодал устроил в этой местности заповедник крылатых почтальонов... Ныне Каптархана знаменита своими наездниками. Славный наездник был и отец Адолят. Рассказывают, что когда ей было пять лет, она забралась каким-то чудом на горячего отцовского карабаира, вцепилась ручонками в гриву, властно дернула ее, и конь, к ужасу сбежавшихся на дорогу людей, понесся через поле. Вот-вот, казалось, смахнет он девочку на землю. Но умная лошадь перешла вдруг на осторожную рысцу, опустилась на передние колени и склонила голову, как бы уговаривая маленькую всадницу слезть. На лице Адолят не было и тени испуга. Темные глазенки-вишенки сверкали от удовольствия.

Она росла непохожей на подруг. Девичье ли дело «улак», это любимое народное игрище узбеков, в котором могут участвовать только самые смелые наездники на самых быстрых конях?! Адолят — первая девушка в республике, которая вышла, наравне с мужчинами, играть в «улак». И не раз побеждала. Был случай, когда она победила даже храбрейшего и искуснейшего наездника по имени Сатар. Он уже схватил добычу, и конь уже вынес его на простор. Но Адолят ринулась в погоню, догнала, опередила и, резко осадив своего коня, загородила сопернику дорогу. Лошадь Сатара взмыла на дыбы и опрокинула всадника. Пока он падал в траву, Адолят успела выхватить из его рук добычу...

Она еще и великолепный охотник. Трудно сыскать равных ей в охоте на диких кабанов. Сколько их взяла она в горах!

Но только ли наездничеством и охотой отличалась Адолят? Нет. Знали ее в области и как звеньевую, которая дает замечательные урожаи хлопка.

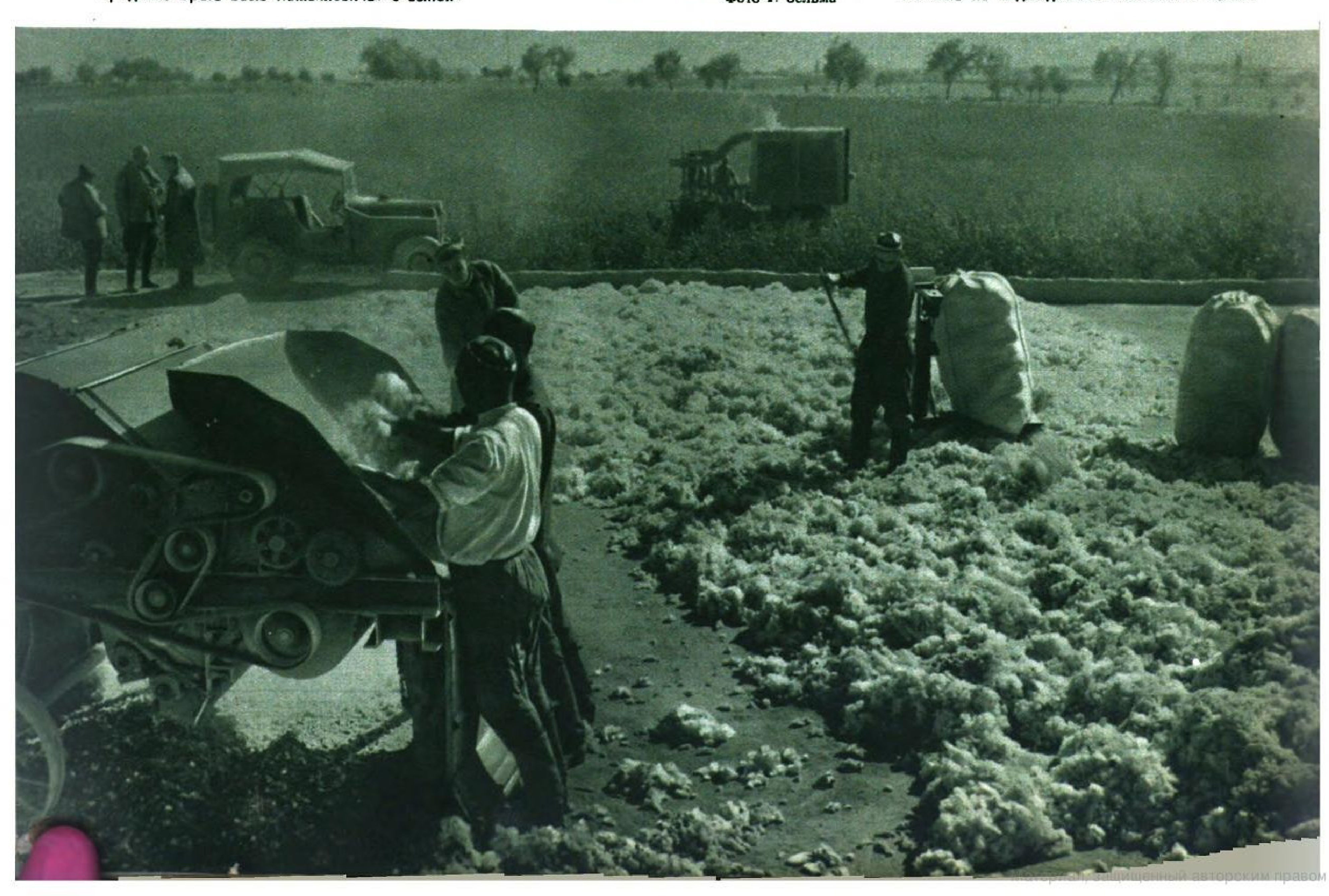
Однажды, было это в конце войны, вызвали Адолят в районный комитет партии.

— Вот что, товарищ Аслонова,— сказал секретарь райкома.— Мы решили рекомендовать вас председателем в колхоз имени Тимошенко. Нынешний снят, исключен из партии. Развалил хозяйство.

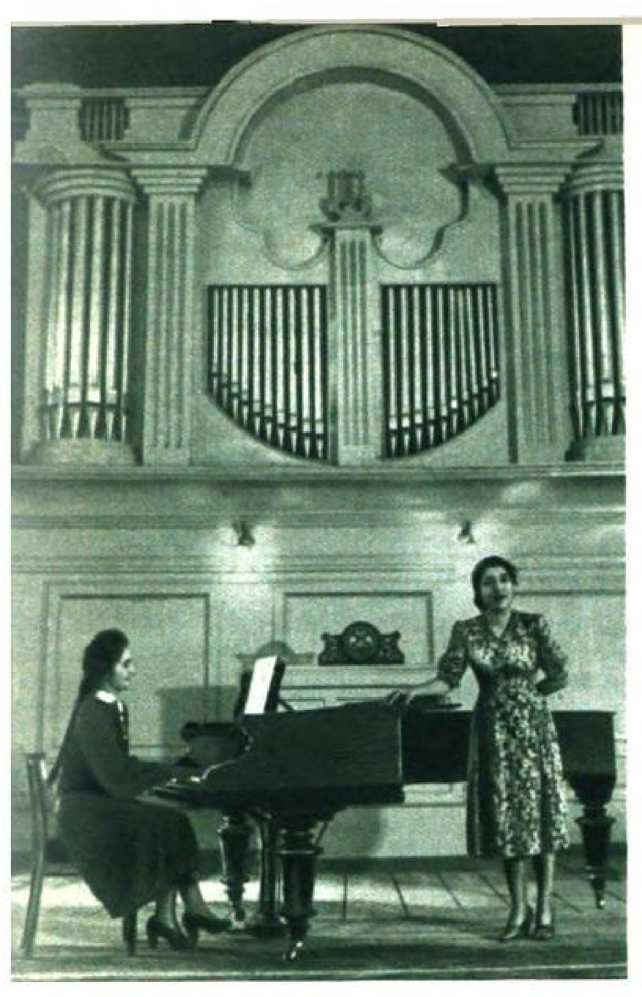
Она никогда не умела скрывать своих чувств. Лицо ее приняло такое скорбное выражение, что секретарь невольно улыбнулся.

— Мы больше не можем,— продолжал он,— терпеть такой колхоз в районе. Бюро перебрало несколько кандидатур, прежде чем остановиться на вашей. Все сказали: Адолят вытянет... Будет трудно, очень трудно. Земля там плохая. Вот и нужно доказать изверившимся в ней людям, что и такую землю можно подчинить большевистской воле. Не грустите, Адолят... Обещаем помогать вам.

Она вышла из райкома и подумала: «Ну, что же ты сделала? Зачем ты согласилась? Разве тебе справиться? Сейчас же иди обратно. Откажись, пока не поздно...» Повернула, поднялась на крыльцо. Постояла с минуту в раздумье и вдруг стремительно сбежала вниз, вскочила на поджидавшего ее коня и поска-

Уборка хлопка в колхозе имени Фрунзе, Янги-Юльского района.
Фото Г. Зельма

В Ташкентской государственной консерватории Студентки Мукадас Ризаева и Нелли Багдасарова (у рояля) выступают в концертном зале.
Фото Г. Зельма

кала. Куда? В колхоз имени Тимошенко. Зачем же так сразу, даже не заезжая домой? Такой уж характер: порыв, натиск!

Ох, и невеселая картина открылась ей: семь кибиток, стоящих вразброс, две пары волов, пять рабочих лошадей, полуразбитая арба — вот и все хозяйство! Числятся в тетради три барана — нет этих трех баранов. Запасов на складе — мешок с горохом... Бывший председатель сидел перед ней, вобрав голову в плечи, словно боялся, что эта сильная, рослая женщина, с гневными искрами в глазах, ударит его. А в ней действительно нарастало желание стукнуть разок покрепче этого мелкого человечка, который перед ней сейчас юлил и вертелся.

Обошла поле: песок, галька, горная порода. Трудная земля... Но ведь сумели же в колхозе имени Фрунзе вырастить на гальке огромный виноградный сад! А тут из ста гектаров засеяно только тридцать, не больше.

На собрании членов артели, после того как ее избрали председателем колхоза, Адолят сказала:

— Друзья! Вы меня приняли в свою семью. Вот вам мои руки, — она положила на край стола широкие ладони.— Они умеют держать кетмень... Завтра я выйду с вами в поле. Будем поднимать остальные семьдесят гектаров.

И столько неподдельного внутреннего волнения было в ее простых словах, что оно не могло не передаться тем, кто слушал Адолят, не могло не задеть за живое. Чувство горечи и обиды, которое накопилось в их сердцах, прорвалось наружу. Они заговорили... Разве не горько им, что колхоз так отстал от соседей!

Адолят слушала и радовалась: так, так, народ рассердился... Это очень хорошо. Это совсем неплохое предзнаменование.

И она не ошиблась: гордость пробудилась в людях. Чем они хуже других? О, как захотелось им избавиться от дурной славы! Они готовы были сеять хлопок не только на песке, не только на гальке, но и на самих скалах.

Райком собрал председателей колхозов, и Адолят обратилась к ним с просьбой: в ее колхозе иссякли запасы пшеницы, не могут ли они помочь? Соседи поступили, как настоящие друзья, ссудив тимошенковцам три тонны зерна.

Не минуло и десяти дней с тех пор, как пришла она в колхоз, а уже появились запасы, хотя и взятые в долг, но все-таки запасы, и, самое главное, встряхнулись, поднялись люди, загорелись у них сердца...

Так начинала Адолят. Начинала в счастливые дни мая тысяча девятьсот сорок пятого года, когда страна торжествовала победу.

Пусть не ахти какой большой урожай хлопка они взяли тогда осенью: восемь центнеров с гектара. Конечно, это было еще очень далеко до показателей не только передовых, но и средних артелей. Но все-таки восемь — это был шаг вперед.

Вот и трактор у них появился, и грузовая машина, и часть долга выплачена. И уже кажется людям, что маловато у колхоза земли. Прежде с наличной не справлялись, а тут еще захотелось. Осмелели, почувствовали силу.

— Ну, что ж, — говорит Адолят на собрании, — земли вокруг много. Возьмем «Кокталя»?

Притих народ. Вон куда замахнулся председатель! Колхозы побогаче да помощнее, да и те не берутся за этот огромный участок земли, лежащий под горой Лоочон и названный иронически «Кок-таля», то есть «Зеленая целина», потому что никогда ничего зеленого не росло здесь.

— Так возьмем или не возьмем?—повторяет Адолят, зная, что ей ответят.

— Возьмем!

И вот уже прокладывают они трубу от Ляцинского канала туда, к горе, чтобы досыта напоить водой «Зеленую целину».

...Прошло четыре года, итог которых можно передать в маленькой справке: 50 хозяйств в колхозе, 300 гектаров засеянной земли, 80 лошадей, столько же дойных коров. Полтораста штук завелось баранов... Новый поселок, сад, пчельник.

Вот как они зажили.

Но большая беда обрушилась вдруг на Адолят и ее товарищей: в горах прошел ливень, и потоки воды, увлекая за собой камни, песок, грязь, устремились в котловину. Колхоз имени Тимошенко, расположенный почти у самого горного подножья, подвергся наводнению. В каких-нибудь два часа был разрушен гигантский человеческий труд: вода размыла берега канала, затопила поля, исхлестала кусты хлопчатника, вырвала с корнями много фруктовых деревьев, сорвала с мест и понесла с собой ульи...

Это был страшный удар.

Сколько усилий нужно теперь затратить, чтобы укрепить канал, осушить поля и убрать с них камни, расчистить дороги! А хлопок! Поднимется ли он вновь? А сад?

Большая беда, большое горе.

Две семьи, смалодушничав, сложили вещи на арбу и тронулись в путь. Адолят вскочила на коня и догнала их у поворота на шоссе.

— В счастье с нами, — крикнула она зло, — а в горе врозь?

И малодушные повернули обратно, потому что нельзя было не подчиниться этому голосу. Такой ее еще никогда не видели. Она была вся словно переполнена гневной, яростной силой, и это передавалось людям, и люди шли за ней.

...Наш шофер, не бывавший в этой местности со времени наводнения, не перестает удивляться.

— Ничего не понимаю, — говорит он. — Ведь тут все было побито. Эти участки списаны комиссией. Я акт видел... А сейчас, смотрите: слева — хлопок, справа — хлопок. Ну, и женщина!..

Он так потрясен увиденным, что от избытка чувств чуть не вгоняет машину в канаву.

Адолят встречает нас у ворот своего дома. Ей лет двадцать пять, не больше. И не такого уж она исполинского роста, как можно было судить по рассказам. У нее нежные черты лица. Румянец во всю щеку очень гармонирует с иссиня-черными волосами. А вот руку пожимает сильно, по-мужски.

— Я с утра чувствовала, что кто-то приедет, — говорит она. — Мне приснились гости.

— А разве вы верите в сны, Адолят?

Смеется:

— В хорошие верю...

Она знакомит нас с мужем. Его зовут Сатар. (Не тот ли это храбрый наездник Сатар, которого она победила когда-то в «улаке»?)

Мы идем по кишлаку. Жилые дома городского типа. Лишь в сторонке виднеется старенькая, покосившаяся кибитка.

— Оставили на память, — говорит о ней Адолят.

Идем мимо яслей, клуба, мимо пекарни. Все это новое, совсем свежей постройки. «Адолят-абад» разрастается.

Улица переходит в шоссейную дорогу, которая ведет к «Зеленой целине». Теперь она в самом деле зеленая. Вернее, зеленая с белым: среди листвы раскрывшиеся коробочки хлопка. И, значит, не целина это вовсе, а большое возделанное поле. Тут и там мелькают фигуры сборщиц: сейчас самая горячая пора уборки.

— О, хормонглар! — громко приветствует друзей Адолят.

Это значит:

— Больше вам сил!

И люди кивают головами своему председателю, своей Адолят:

— Рахмат, рахмат!.. Спасибо, спасибо!..

САД У ПЛОТИНЫ

Со старым Джурабаем Карабаевым мы повстречались в саду у Куйган-Ярской плотины, где берет начало основная трасса Большого Ферганского канала.

Был период затишья: осенью воде Кары-Дарьи закрыт доступ в канал, осенью она не нужна полям. И поэтому так безлюдно на плотине и вокруг нее. Только в саду ходит старик Джурабай. Подойдет к дереву и будто что-то говорит ему. И дерево словно понимает старика...

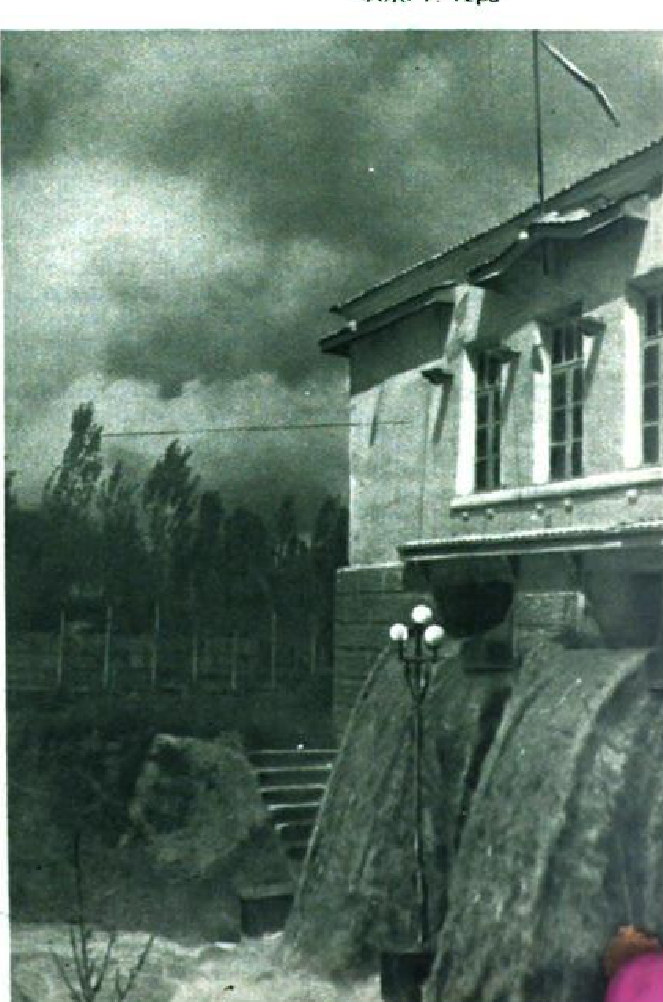
Сад этот — ровесник канала. Первые его деревья были посажены в день открытия трассы. И тогда же всем народом, строившим канал, был избран главный садовник. Эту честь оказали старому Джурабаю Карабаеву. И он десять лет растил и холил деревья. Шумят густые их кроны. Гнутся ветви под тяжестью плодов. Что за чудо-сад поднял старик! И разве не символизирует этот сад плодородие, которое несет канал полям и долинам Узбекистана?

Мы сидим со стариком в беседке. Он потчует гостей яблоками, грушами, айвой, гранатами, виноградом.

Потом мы поднимаемся на плотину. И Джурабай по-узбекски читает нам высеченные на одной из каменных башен стихотворные строки из письма, которое в день пуска Большого Ферганского канала узбекский народ написал великому Сталину:

С тех пор, как существуют кетмени,
Таких чудес не делали они.
С тех пор, как труд среди людей возник,
Так никогда он не бывал велик.
Такого вдохновенного труда
Не знал никто, нигде и никогда.

Гидростанция колхоза «Полярная звезда», Ташкентской области.
Фото Г. Гера

Цветущая страна

Гафур ГУЛЯМ

Ты красивей всех краев, Узбекистан,
Мы, сыны твои, любуемся тобой:
Ты похож на свой ковер, на свой чекан,
На узоры тюбетейки дорогой.

Ты — родимая республика моя,
У тебя одна великая семья,
Все республики страны — твои друзья!
Как цветешь ты на свободе, вижу я!..

Знаменита и прекрасна Фергана, —
Разве мог бы не воспеть ее певец!
В темном бархате садов своих она —
Полный розового жемчуга ларец.

Андижан, Коканд, Хива и Бухара —
Розы пламенные, врезанные в синь,
Книгу песен написать о них пора,
Больше книги всех поэм Фирдоуси.

А Хорезм дарит народу столько благ —
Золотых плодов литые образцы!
На хивинских и ургенчских куполах
Голубые, словно небо, изразцы.

Не владели б мы богатствами земли,
Если б не было на свете Октября.
Ленин, Сталин нас к победе привели —
Коммунизма занимается заря.

У Ташкента есть особая краса, —
Младший брат Москвы, он зелен и широк:
На «Победе» нужно мчаться три часа,
Чтоб измерить его вдоль иль поперек!

В тихом лепете садов и ручейков,
Продолжающих медлительный рассказ,
Он сверкает в окруженье цветников,
Как в оправе малахитовой алмаз!

Речки чистые — Анхор, Салар и Зоя —
Голубое украшение земли,
Вкруг асфальтовые, ровные, как стол,
Магистрали наших улиц пролегли.

Самолеты, уходя за небосклон,
Ценный груз несут во все концы страны,
Их маршруты — с четырех земных сторон —
Над ташкентскими садами скрещены!

Есть две улицы, где сутки напролет
Не стихает человеческий прибой:
Имя Ленина одна из них несет,
Имя Сталина присвоено другой.

В ранний час, когда восток едва горит,
Хор гудков летит сквозь утренний туман,
Перекличка их народу говорит,
Как заводами богат Узбекистан!

Вот он, Сталинский текстильный комбинат;
Здесь из хлопка, что собрали мы вчера,
Ситец делают, цветной, как вешний сад,
Замечательные наши мастера.

Стены «Красного Востока» высоки!
Мы отсюда из распахнутых ворот
Шли, как волны взбудораженной реки,
По-рабочему встречая Пятый год!

Много вузов есть в Ташкенте, много школ,
Я хотел бы петь без устали о них:
К самым дальним кишлакам давно дошел
Свет науки, ясный свет правдивых книг.

Вот дехканина неграмотного внук
Стал одним из молодых профессоров.
Стены нашей Академии наук —
Средоточие талантов и умов!

Есть певцы и композиторы свои —
Выразители народных дум и чувств,
Есть и «Горький», и «Хамза», и «Навои» —
Три театра, три светильника искусств.

Как же город не воспеть тебе, поэт! —
Ты на жизнь его попристальней взгляни:
Необъятен и могуч родной Ташкент,
Коммунизм он начал строить в наши дни!

У Ташкента много юных сыновей,
Новостройки: Янги-Юль, Чирчик, Ангрен!..
И гордится он большой семьей своей,
Замечательным трудом рабочих смен.

В Беговате мы, узбеки, варим сталь,
Фархадгэс дает энергию и свет.
Если б я в стихах описывать их стал,
Мне б потребовалось много-много лет.

На полях соревнование кипит,
Хлопкоробы Янги-Юля впереди,
Не один из них, работой знаменит,
Носит звездочку Героя на груди!

Мы, узбеки, — хлопкоробы испокон,
Хлопок наш — Узбекистана красота,
Всем республикам страны известен он,—
Это ситцев многоцветные сорта.

А похожая на ночь каракульча!
А узбекские атласы и шелка!
Дорогая семицветная парча,
Что не блекнет, не стареет за века!

А кувинский златокованый гранат,
А повсюду знаменитые давно
Андижанский дымно-белый виноград,
Самаркандское веселое вино!

Это все несет узбекский мой народ
От заводов, виноградников, полей,
От садов, от родниковых чистых вод
В дар величественной Родине своей.

Сталин сделал нас счастливыми на век,
Сталин заново создал Узбекистан,
И веками рабства согнутый узбек
Приподнялся, распрямил могучий стан!

Сталин к подвигу призвал людей труда,
Указал нам, кто враги и кто друзья;
Без эмиров и без беков навсегда
Стали вольными узбекские края.

Сталин! Вождь наш, и учитель, и отец,
Знаменосец вечных ленинских идей,
Он в душе у нас, в биенин сердец,
Самый близкий, самый мудрый из людей!

Сталин — солнце, что, взойдя на небосклон,
Беззакатно озаряет все вокруг,
Всем народностям Востока светит он,
Всем трудящимся Востока верный друг.

Он сказал — помолодели старики!
Он сказал — как будто руку всем пожал!
Он сказал — и голубой поток реки
По Ферганскому каналу побежал!

Новостройкам замечательным своим
Мы любовно имя Сталина даем,
Потому что наш народ, ведомый им,
Все счастливей, все богаче с каждым днем!

Перевел с узбекского
Павел ШУБИН

Сталевар

Аскад МУХТАР

Летит земля из недр траншеи,
Коснулся неба пыльный веер,
А ветер смолк, и новый день
Улыбкой одарил людей!
Вот Шамурад тяжелый камень
Несет могучими руками;
Стоит,— закончена работа,—
По лбу стекает капля пота.
И кажется, что в капле этой
Грядущее степного края
Отражено: ее впитала
Земля бесплодная, сухая
И в тот же миг священной стала!

Чтоб радость пышно расцвела на почве каменистой,
Та капля с потного чела горит, как сердца искра,
Но в час, когда в степи зажгут мартены,
Та искра станет пламенем отменным!

В одном глубоком русле ручьи соединив:
Они рекою станут, и месяцами — дни.

Так тонны светлой стали, что плавил Шамурад,
Колонной танков стали, чредой стальных громад.
И на фархадских склонах сияют фонари,
Их отражают волны веселой Сыр-Дарьи.
Отчизне тонны стали подносит Шамурад
Во имя всех погибших и всех живых солдат!

На улице тенистой и зеленой
Стоит красивый дом шестиоконный.
К стеклу окна, к голубоватой раме,
Чинар высокий тянется ветвями.
Здесь Шамурад живет,— слывет недаром
Он в Беговате первым сталеваром.
Промчался день рабочий,— в час вечерний
Застыл йигит[1] перед балконной дверью:
Во всей красе отсюда виден город —
Листва садов, огней веселый ворох!
Пред ним раскрылось яркое блистанье
Им отлитой узбекской юной стали!

Перевел с узбекского
Владимир ЛУГОВСКОЙ.

[1] Парень.

А. И. ГЕРЦЕН

(К 80-летию со дня смерти)

С портрета работы Н. Н. Ге на нас пристально смотрят живые, проницательные, испытующие глаза мыслителя и борца, в котором живет выстраданная, упорная и неутомимая дума, не знающая остановки и покоя. Художнику в высшей степени удалось схватить то выражение энергии и богатства мысли, которое было так характерно для А. И. Герцена. Когда 21 января 1870 года, примерно через три года после того, как был написан этот портрет, смерть внезапно настигла Герцена, она прервала могучее духовное развитие человека, который преодолел тяжелые разочарования и испытания и, несмотря на колебания и ошибки, нашел путь вперед, по направлению к научному социализму.

Последние месяцы своей жизни Герцен провел главным образом в Париже. Двадцатью годами раньше, в 1849 году, он покидал этот город с мрачным и скорбным чувством. Здесь он стал свидетелем июньских дней 1848 года, героической, но неравной борьбы пролетариата против буржуазии, ее кровавого и зверского торжества. Герцен слышал залпы расстрелов, несших смерть повстанцам. «За такие минуты ненавидят десять лет, мстят всю жизнь. **Горе тем, кто прощает такие минуты!»** — писал он.

Сам Герцен никогда не простил буржуазии ее преступлений. Из опыта июньских дней он вынес жгучую ненависть к буржуазному порядку. Ею проникнуты «С того берега», «Былое и думы» и другие его произведения.

В своем отношении к западноевропейскому буржуазному строю Герцен не был сторонним наблюдателем. Ведь он не только боролся за освобождение России от гнета самодержавия и крепостничества, но в отличие от либералов-западников стремился к тому, чтобы превратить свою родину в передовую демократическую и социалистическую страну, способную указать другим странам путь к социализму, превратить Россию в «идеал человечества», как писал Белинский.

Всматриваясь в политическую жизнь, быт и культуру буржуазной Европы и исследуя их, Герцен черпал уроки, остро злободневные для русской революционной мысли. Он пришел к выводу, что «государственные формы Франции и других европейских держав не совместны по внутреннему своему понятию ни с свободой, ни с равенством, ни с братством».

Герцен высмеивает буржуазный парламентаризм. Столь воспетый либеральными болтунами английский парламент он называет «самым колоссальным беличьим колесом в мире». «Можно ли величественнее стоять на одном и том же месте, придавая себе вид торжественного марша, как оба английские парламента!» — спрашивает он в «Былом и думах».

Буржуазную эксплоатацию Герцен называет людоедством, буржуазный строй — господством безумия. Характеризуя политическую жизнь и быт Северной Америки в период гражданской войны, он писал саркастически: «До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение,— это ново и принадлежит Америке».

После поражения революции 1848 года Герцен впал в глубокий скептицизм и пессимизм. Он сомневался в том, наступит ли новый подъем революционной активности, сумеет ли пролетариат построить социалистическое общество. Однако к концу своей жизни под влиянием роста международного рабочего движения, возглавленного Марксом и Энгельсом, Герцен постепенно освобождается от пессимистических взглядов. И в этом отношении для него очень большую роль сыграло пребывание в Париже в 1869 году.

Париж бурлил. Ширилось народное недовольство бонапартистским режимом. Усиливалось рабочее движение. Герцен видел в январе 1870 года 200-тысячную демонстрацию, которой рабочий Париж ответил на убийство принцем Пьером Бонапартом демократического журналиста Виктора Нуара. Жадными и внимательными глазами вглядывался Герцен в происходящее. Он бывал на митингах и сходках. Парижская улица вновь, как это было в 1848 году, привлекала его своим революционным настроением. Одному современнику он напомнил в эти дни «молодого политического бойца».

Герцен всегда был пристально внимателен ко всему новому и растущему — недаром он в диалектике увидел «алгебру революции» — и умел делать глубокие выводы из этого нового. Теперь для него стало ясно, что на авансцену истории выступили «новые силы и люди» и что у него самого «был излишний пессимизм».

В Париже, в августе 1869 года Герцен заканчивает третье из своих знаменитых «Писем к старому товарищу». Ленин рассматривал эти письма, как доказательство того, что «у Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» («Памяти Герцена»).

Напряженное раздумье о перспективах международного революционного движения для Герцена всегда было неразрывно связано с вопросом о русской революции. Еще в 1848 году, после июньских дней, он писал, что видит только два «народа будущего» — русский народ и французский пролетариат, героически сражавшийся на баррикадах. А в конце 1869 года он так определяет «краеугольные вопросы моей деятельности»: «Я исхожу из социального вопроса (т. е. из вопроса о борьбе за социализм в международном масштабе. — *Я. Э.*) и из вопроса о русском народе».

Герцен имел право заявить: «Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу; я работаю для него, он работает во мне...» Действительно, жизнь и творчество этого выдающегося писателя, ученого и общественного деятеля были отражением могучих сил, даровитости и лучших революционных традиций русского народа.

Герцен учит любить «склад русского ума», следовать великим материалистическим традициям русской передовой мысли; он учит преданности революции. В «Былом и думах» и в других его художественных произведениях мы видим замечательные образы простых русских людей, чьи таланты были скованы самодержавно-крепостническим гнетом, но свидетельствовали о великих духовных возможностях народа. Неустанно Герцен ставит вопрос о том, как приобщить простого человека к передовой культуре, каким образом революционная мысль могла бы возглавить массы.

Правда, в силу экономической отсталости России, Герцен свои надежды на русскую революцию пытался обосновать ошибочной народнической теорией. Но недаром Горький охарактеризовал его деятельность как «некую правдивую мысль, коя на протяжении почти сорока лет отмечала и оценивала все разнообразные явления русской жизни». Герцен умел смотреть в лицо правде и в отличие от позднейших народников не отворачивался от явлений действительности, которые противоречили его теории. Так, например, в октябре 1869 года в письме к Огареву он сообщает своему другу новые для себя факты, свидетельствующие о расслоении русской деревни: пользуясь голодом, «богатые крестьяне... скупают землю бедняков».

Много тяжкого пришлось пережить Герцену в последние годы жизни. Революционная ситуация 1859—1861 годов в России миновала. Новый революционный подъем еще не наметился. Поэтому сильно упало влияние вольной русской печати, созданной Герценом за рубежом. Но с глубоким удовлетворением и совершенно справедливо оценивал Герцен достигнутое. Он помог разбудить новое революционное поколение и сумел признать его историческую правоту, несмотря на свои колебания в сторону либерализма. Он вырвался из очень узкого круга духовной жизни Москвы 30—40-х годов и создал себе такую трибуну, с которой голос его стал слышен по всей России и приобрел мировой резонанс. Герцен, как указывал В. И. Ленин, «поднял знамя революции», обратился с революционной проповедью к народу.

В последние месяцы своей жизни Герцен, как и всегда, если использовать его собственное выражение, жил «во все стороны». Глубоко волновала его политическая жизнь Франции. В письмах к Огареву он обсуждает дальнейшие практические пути развития вольной русской печати; внимательно следит за русской художественной литературой — резко критикует, например, Потехина за грубый натурализм и восхищается «Повестью о том, как один мужик двух генералов прокормил» Щедрина: «Это прелесть!»; спорит с позитивистом и доктринером Вырубовым, который с равнодушием космополита и идеалиста относился к политической борьбе, — порой он возбуждал в Герцене острую ненависть. Ведь сам Герцен до конца своих дней развивал то материалистическое мировоззрение, которое он еще в середине 40-х годов обосновал в «Письмах об изучении природы»,— передовая наука и революционная теория для него всегда были неразрывны.

Воспаление легких внезапно оборвало жизнь Александра Ивановича Герцена — «...писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» (Ленин).

23 января французская демократия, рабочие Парижа хоронили «великого русского эмигранта», как называли его газеты. В большой толпе, провожавшей гроб Герцена, русских было немного. Но среди них одна фигура особенно приковывает наше внимание: это Климент Аркадьевич Тимирязев, будущий великий ученый и мыслитель. Ему тогда было 27 лет, за границей он проходил подготовку к профессорской деятельности. Еще в отрочестве он приучился чтить автора «Кто виноват?», а в студенческие годы увлекался «Колоколом». Он принадлежал к тому поколению разночинцев, которое разбудил Герцен. И когда мы сейчас представляем себе его у гроба Герцена, то кажется, что К. А. Тимирязев, которому на склоне лет суждено было вместе с пролетариатом бороться за советскую власть, передал стремления и чаяния Герцена, его прощальный привет великому будущему русского народа.

Я. ЭЛЬСБЕРГ

ДРЕЙФ „СЕДОВА"

Доктор географических наук, профессор
Н. Н. ЗУБОВ

10 лет назад, 13 января 1940 года, закончился дрейф ледокольного парохода «Георгий Седов» во льдах Северного Ледовитого океана. Благодаря самоотверженности советских моряков был не только сохранен для нашего флота корабль, но и произведены исключительно важные научные наблюдения. Дрейф «Седова» стоит в одном ряду с самыми замечательными полярными экспедициями прошлого. Первое место здесь бесспорно принадлежит исследователям нашей Родины.

История дрейфа «Седова» вкратце такова. В 1937 году при производстве обширных океанологических исследований в море Лаптевых это судно задержалось и не смогло своевременно вернуться в порт. Та же судьба постигла ледокольные пароходы «Садко» и «Малыгин». Для взаимной помощи все три корабля соединились и пробовали пробиться сквозь замерзающее море, но были зажаты льдами.

Летом следующего года к дрейфующим судам подошел ледокол «Ермак» и вывел «Садко» и «Малыгина» из льдов в открытое море, но «Седова» не удалось вырвать из ледового плена, потому что во время зимовки он получил сильное повреждение рулевого устройства. Пришлось оставить его дрейфовать со льдами.

Капитан К. С. Бадигин и 14 добровольцев решили не покидать корабль. «Седов» дрейфовал в наименее доступной части Арктического бассейна, преимущественно в северо-западном направлении, и, описав ряд зигзагов, направился к широкому проливу, отделяющему Гренландию от Шпицбергена.

Две основных задачи стояли перед седовцами: первая — сохранить корабль и вторая — провести во время дрейфа возможно более полные наблюдения.

Первая задача была нелегкой. «Седов» — обыкновенный товаро-пассажирский пароход, приспособленный для плавания в слабых льдах. Правда, у него ледокольный нос и в корпусе сделаны добавочные крепления, но его борта почти прямостенны.

Учтя опыт первой зимовки, седовцы укрепили корпус судна и выработали особую тактику борьбы с напором льдов при помощи взрывчатых веществ. Зимой, когда сжатия льдов представляют наибольшую опасность, на борту всегда были наготове заряды аммонала, а вокруг корабля заранее вырубались лунки.

Иногда бывает, что огромное ледяное поле весом во много миллионов тонн упирается в корпус судна своим острым углом. Представим теперь, что это поле начало двигаться хотя бы со скоростью одного сантиметра в секунду. Что может сопротивляться такому чудовищному тарану?

153 раза седовцы переживали сжатия льдов. Некоторые были настолько опасны, что люди готовились покинуть корабль. Однажды он накренился на 30 градусов, вода хлынула внутрь через отверстия, и только самоотверженная работа механиков спасла корабль от гибели.

«Седов» после зимовки не только потерял способность идти самостоятельно, но и возможность следовать на буксире у другого судна. Требовалось устранить повреждения. Седовцы и с этим справились.

Отлично выполнила команда боевое задание — использовать дрейф для производства научных наблюдений.

Кропотливо, тщательно, не щадя своих сил, больше двух лет изо дня в день моряки записывали результаты своих исследований.

Их наблюдения подтвердили, что в Арктике становится все теплее: сокращается ледовитость, все чаще появляются в высоких широтах теплолюбивые рыбы.

Седовцы окончательно уничтожили легенду о «Земле Санникова». В 1811 году Яков Санников с северного берега острова Котельного увидел высокую землю и старался к ней подойти по льду, но путь преградила большая полынья. С тех пор эта земля тревожила воображение многих полярных исследователей.

Дрейфом «Седова» район предполагаемой «Земли» был пересечен дважды, побывали здесь также самолеты, но никакого острова не обнаружили. Так была развеяна легенда о «Земле Санникова», существовавшая свыше 125 лет.

Впрочем, кто знает: быть может, Санников и в самом деле видел «Землю», только она «растаяла», подобно тому как это случилось с исчезнувшими в море Лаптевых островами Васильевским и Семеновским?

Наблюдения седовцев особенно важны потому, что большей частью они производились в районах, где до того не плавал ни один корабль и не летал ни один самолет. Однако всякое научное наблюдение только тогда имеет ценность, когда точно известно место, где оно произведено.

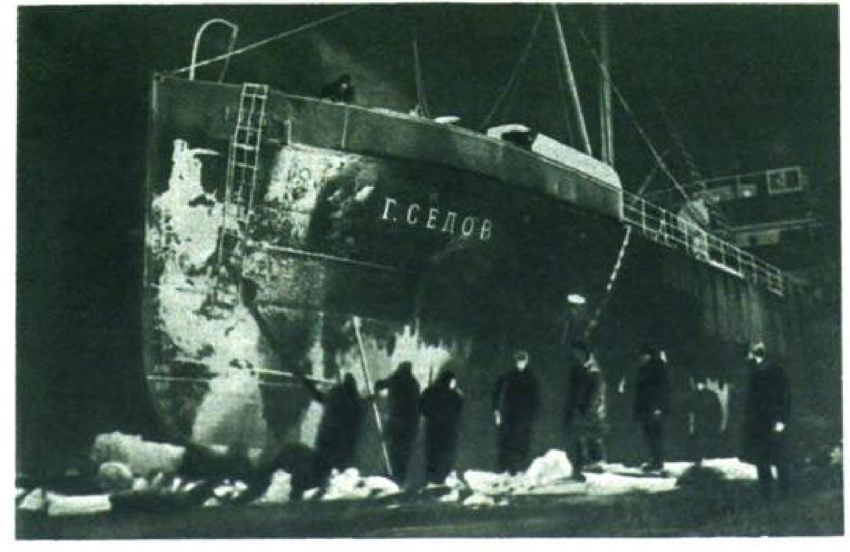
У моряков есть правило: если видишь звездочку или край солнца, выглянувший ненадолго, нужно сейчас же измерить их высоту. Седовцы строго придерживались этого правила, что позволило им точно нарисовать путь корабля. Но задача определения места при 30—40 градусах ниже нуля непростая и нелегкая. У секстана и теодолита есть такие винтики, которые в варежках не повернешь. Надо голыми пальцами на морозе поворачивать эти винтики, да при этом еще не дышать на окуляры прибора, иначе они запотеют.

В период самостоятельного дрейфа удалось определить 415 точек местоположения судна по небесным светилам. В 38 пунктах седовцы измерили глубины свыше 3 тысяч метров, причем одновременно достали образцы морского грунта. В 78 пунктах они произвели наблюдения по земному магнетизму; такие измерения необходимы для уверенного пользования магнитным компасом.

Но главные исследования седовцев — метеорологические и океанологические. Метеорологические наблюдения седовцы проводили через каждые два часа и 4 раза в сутки передавали их по радио на Большую землю. Погода в Арктике сейчас гораздо изменчивее, чем лет пятьдесят назад. Это связано с усилением общей циркуляции атмосферы, с более частым проникновением в высокие широты циклонов, зарождающихся в Атлантике, и, в конечном итоге, с потеплением Арктики.

Как мы знаем, сильный мороз при безветрии переносится значительно легче, чем слабый мороз при сильном ветре. Таким образом, «суровость» погоды определяется сочетанием мороза и ветра. И вот материалы седовцев показывают, что погода в Центральной Арктике менее сурова, чем, например, на мысе Челюскина, на мысе Желания и на Земле Франца Иосифа.

Особенно трудными оказались для седовцев океанологические наблюдения. Эти наблюдения требуют особых тонких проволок, на которых посылаются в глубины приборы. Седовцам пришлось самим разматывать на отдельные проволоки имевшиеся на корабле обыкновенные толстые судовые тросы.

«Седов» во льдах.

И все это было сделано на морозе, а зимой при свете коптилок. Несколько раз трос обрывался, но седовцы не падали духом и сызнова начинали свою тяжелую работу.

Всего за время дрейфа седовцы приготовили таким образом 14 тысяч метров необходимого им троса.

Но затраченный труд был вознагражден. В частности, можно отметить, что «Седовым» была обнаружена наибольшая из известных до сих пор глубин Северного Ледовитого океана: 5180 метров.

Даже сухой перечень того, что сделали седовцы, занял бы много места. Но и изложенного достаточно, чтобы признать, что дрейф «Седова» может быть поставлен в ряд крупнейших научных экспедиций.

Возникает вопрос: что побудило пятнадцать советских моряков совершить столь большое дело? Разве кто-нибудь стал бы их упрекать, если бы они ограничились заботой о сохранности корабля? И напрашивается сам собой ответ: это были не просто моряки, а советские люди. Вся жизнь нашей страны сейчас проникнута наукой. И пахарь на пашне, и рабочий у станка, и инженер у чертежа, и ученый у прибора — все они стремятся применить полученные знания на практике и делают это коллективно, помогая друг другу, соревнуясь друг с другом.

Все это возможно только в дружном коллективе, проникнутом одной идеей. На «Седове» находились моряки из разных коллективов. В том, что эти люди были спаяны в единую семью, бодрую, работоспособную, не боящуюся опасностей и лишений, — заслуга партийной организации.

Но не только этим объясняется успех седовцев. Затерянные в арктических льдах, они были неотъемлемой частью могучего коллектива, имя которому Союз Советских Социалистических Республик. Седовцы думали о своей Родине, о ее людях, об их делах, и мы в свою очередь думали о седовцах.

Мы помним, как все — от школьников до ветеранов труда — следили за дрейфом, ежедневно переставляли флажки на карте, радовались успехам и тревожились, пожалуй, больше самих седовцев, при ухудшении погоды и ледовой обстановки. И это внимание народа вселяло в седовцев бодрость и уверенность.

Главное, что поддерживало седовцев в их борьбе, была неустанная забота о них партии и правительства.

Великий Сталин находил время следить за дрейфом. По инициативе Иосифа Виссарионовича были посланы в 1938 году самолеты, снявшие с дрейфующих ледокольных пароходов «Садко», «Малыгин» и «Седов» 184 человека. По инициативе товарища Сталина к дрейфующим пароходам был отправлен ледокол «Ермак», выведший из льдов «Садко» и «Малыгина».

Товарищи Сталин и Молотов, отмечая годовщину начала дрейфа, послали на «Седов» приветственные телеграммы.

И опять-таки по инициативе товарища Сталина в Гренландское море вышел ледокол «Иосиф Сталин», который 13 января 1940 года помог «Седову» вырваться на чистую воду из тяжелых арктических льдов.

Ученые Узбекистана

Фотоочерк Т. КВИТКО и Г. ЗЕЛЬМА

Сессия Академии наук Узбекистана собралась на этот раз не в Ташкенте, а в Фергане. На повестке дня — развитие производительных сил Ферганской долины.

Из зала заседаний ученые отправились на хлопковые поля, на животноводческие фермы, к ирригационным сооружениям, и здесь продолжалось обсуждение. На секционных и пленарных заседаниях выступали звеньевые, бригадиры, руководители колхозов. Они делились своим многолетним опытом работы, подсказывали необходимые решения. Такова природа советской науки, служащей народу, природа советского человека, для которого, кто бы он ни был, ученый или колхозник, главное — благо Родины.

Знаменательно, что в бывшем при царизме крае колониального рабства, нищеты и невежества ныне работает своя Академия наук, объединяющая двадцать пять научно-исследовательских учреждений.

И Всесоюзный институт хлопководства, и республиканские институты сельского хозяйства, ботаники и зоологии, почвоведения, шелководства, каракулеводства, геологии, химии, энергетики, математики и механики, и опытные, селекционные станции — все заняты проблемами дальнейшего развития Узбекистана. В истекшем 1949 году подавляющее большинство научных работ Академии было связано с актуальными задачами, стоящими перед народным хозяйством республики.

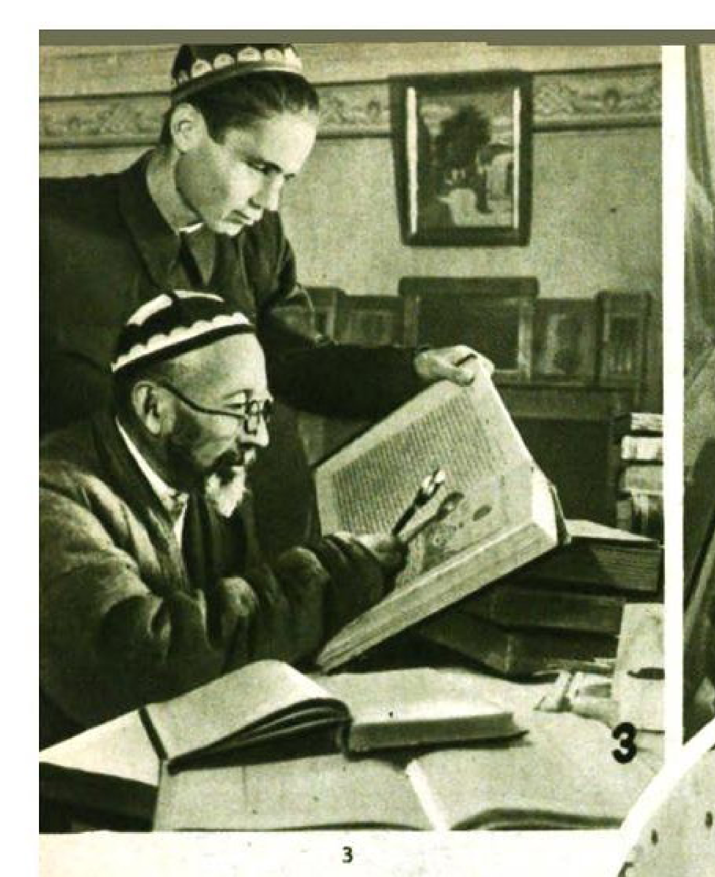

1

Президент Академии наук Ташмухамед Сарымсаков открывает заседание. Его научные труды знают математики всего мира. Широкой популярностью пользуются также труды сидящих за столом президиума: химика Абида Садыкова, геолога Хабиба Абдуллаева, автора выдающегося произведения узбекской литературы — романа «Навои» — Мусы Ташмухамедова, известного под именем Айбека, и многих других. В президиуме — штаб трехтысячной армии ученых Узбекистана, умело направляющий их работу.

2

Опытная площадка Научно-исследовательского института сельского хозяйства, где создаются новые скороспелые, болезнеустойчивые и высокоурожайные сорта хлопчатника.

3

Представитель молодого поколения ученых историк Убайдулла Каримов готовится защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук. Вместе со старшим научным сотрудником Абдулфаттахом Расулевым Каримов изучает труды знаменитого узбекского энциклопедиста Абу-Райхана Бируни.

4

Разведчик геологических богатств Узбекской республики, доктор геолого-минералогических наук Хабиб Абдуллаев.

5

Руководитель лаборатории агробиохимии Института сельского хозяйства Саодат Садыков — частый гость в колхозах Верхне-Чирчикского района, Ташкентской области. Тов. Садыков пришел в агролабораторию колхоза «Третий Интернационал», чтобы помочь опытникам отобрать лучшие экземпляры хлопчатника для размножения.

6

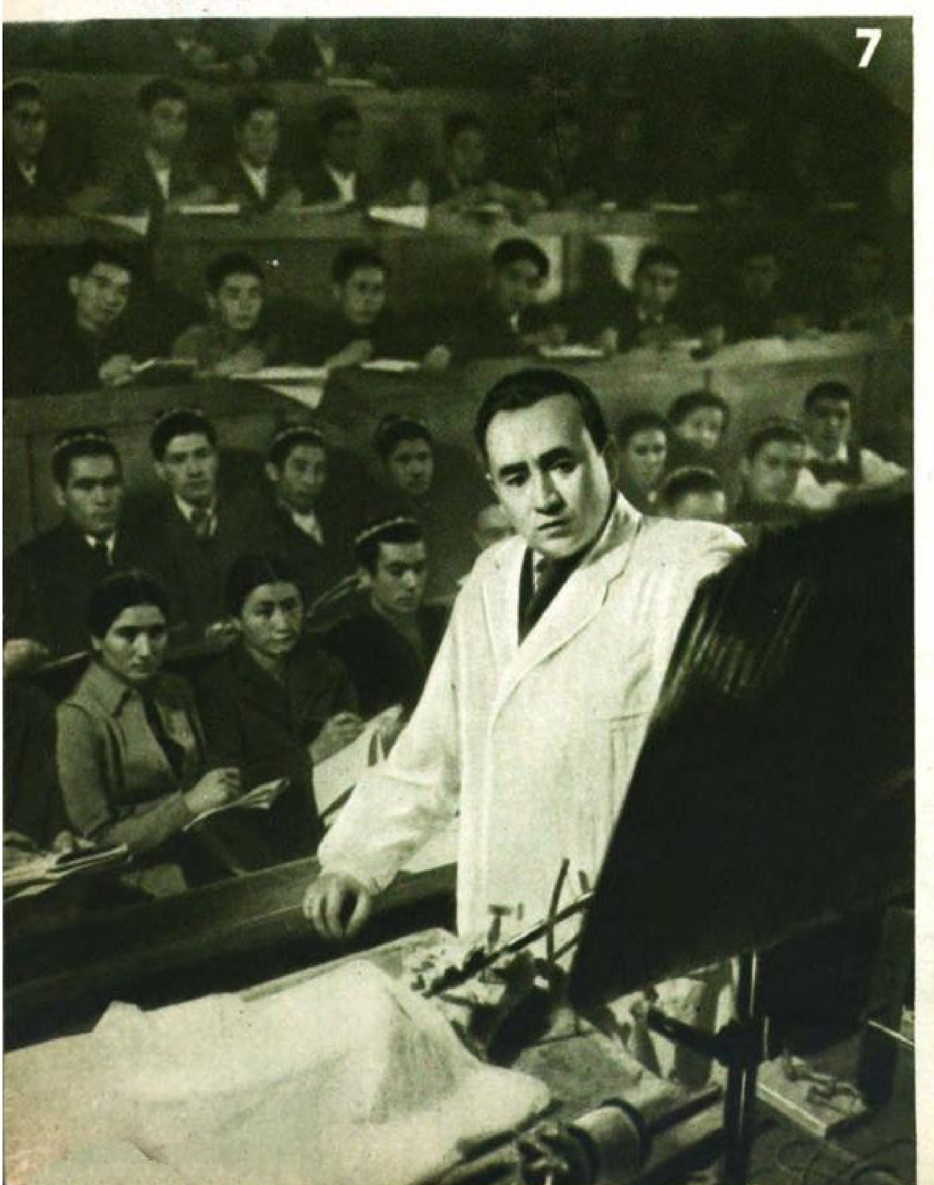
Большую часть времени доктор химических наук Абид Садыков проводит в лаборатории, где он изучает различные свойства растительного сырья.

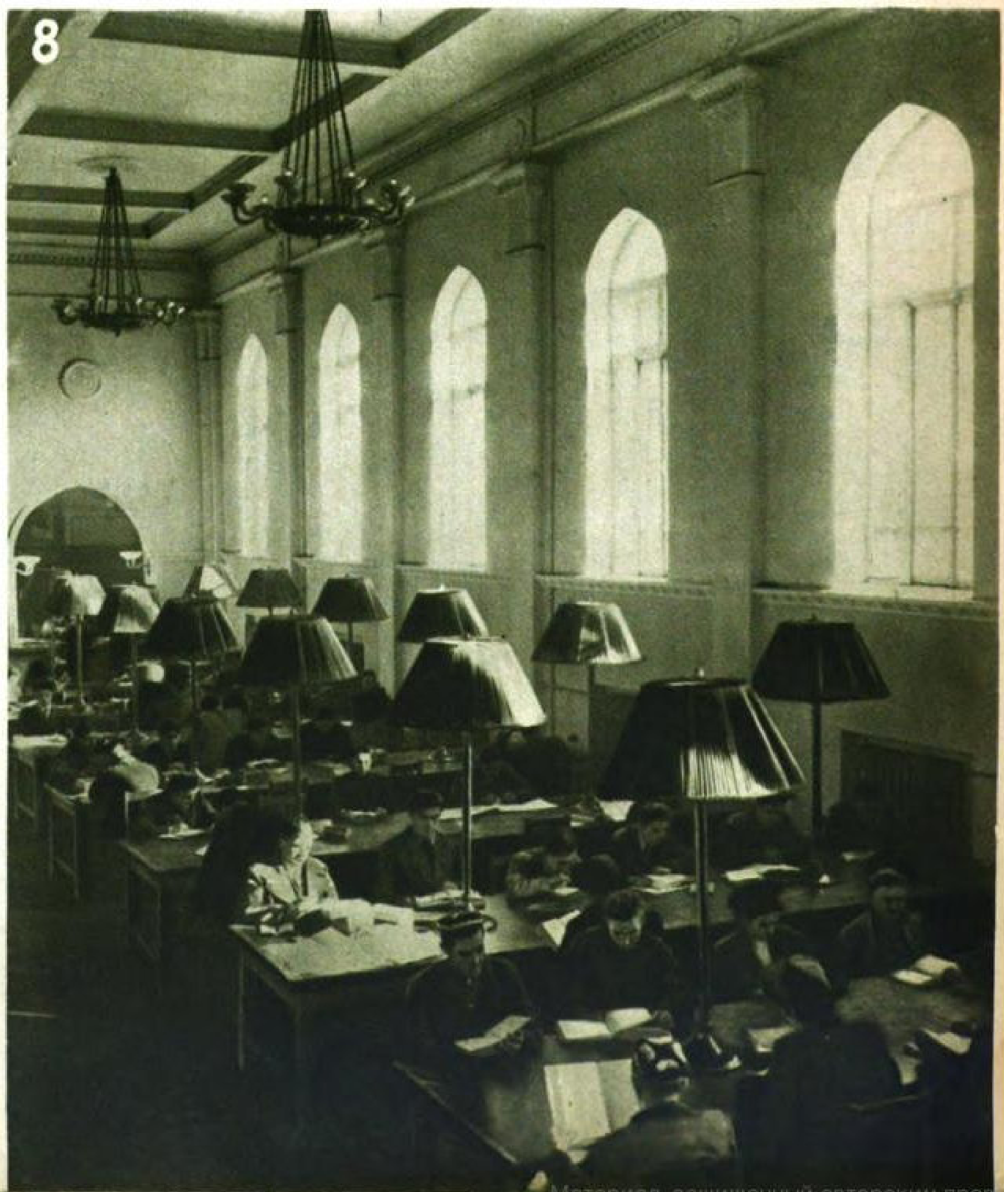
7

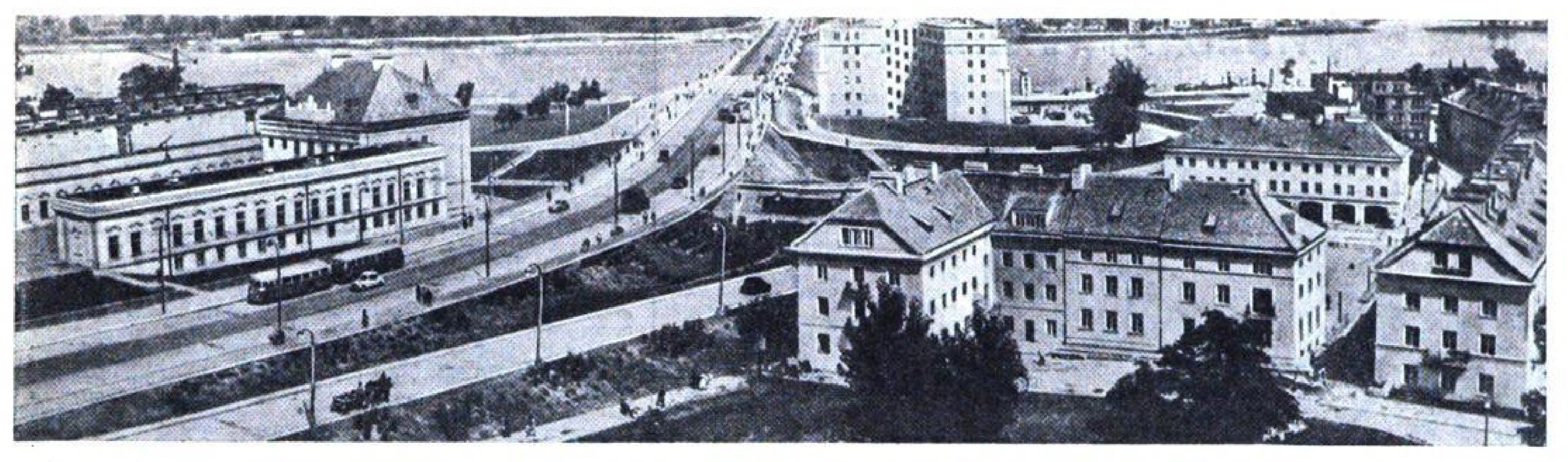
Студенты Медицинского института внимательно следят за опытом, который ставит руководитель кафедры физиологии профессор Адхам Юнусов — последователь великого русского ученого И. П. Павлова.

8

С каждым днем увеличивается число абонентов Ташкентской публичной библиотеки имени Навои, разместившейся в чудесном новом здании.

Варшава. Перспектива трассы и Силезско-Домбровский мост через Вислу; направо — жилой квартал.

Дружба между народами Албании и Советского Союза

Беседа с заместителем председателя Совета министров Албанской народной республики г-ном **Спиро КОЛЕКА**

Минуло четыре года со дня провозглашения Албанской народной республики. Этот день по всей Албании прошел под лозунгом дальнейшего укрепления албано-советской дружбы.

Заместитель председателя Совета министров Албанской народной республики г-н Спиро Колека в беседе с корреспондентом журнала «Огонек» сказал:

— Трудящиеся Албании встретили четвертую годовщину со дня провозглашения республики новыми большими успехами в развитии народного хозяйства. Ликвидировав последствия вражеской деятельности югославских фашистов, наша республика расширила и укрепила экономические связи с Советским Союзом и странами народной демократии.

Именно благодаря этому наш народ успешно осуществляет двухлетний план развития хозяйства республики. За последнее время укреплена кооперативная система. В массах албанского крестьянства вырос авторитет сельскохозяйственных кооперативов. Эти кооперативы показали свою жизнеспособность. Они повышают благосостояние крестьян, делают их жизнь полнокровнее и богаче.

В 1949 году достигнуты большие успехи по осушению Корческой равнины и орошению долины Мюзине. Албания раньше не знала подобного размаха мелиоративных работ. В результате эти земли станут еще более плодородными. В прошлом году в Албанию из Советского Союза прибыло много сельскохозяйственных машин. Появление этих машин на полях наших сельскохозяйственных кооперативов совпало с возвращением делегации албанских крестьян, посетившей Советский Союз.

Рассказы делегатов о победах колхозного строительства в Советском Союзе еще раз убедили албанцев в том, что путь сельскохозяйственных кооперативов — единственно правильный путь.

Четвертая годовщина провозглашения Албанской народной республики отмечена крупными достижениями и в области промышленного строительства. Строители текстильного комбината в Тиране и сахарного завода в Малич-Корче изо дня в день перевыполняют производственные планы. С постройкой этих крупных предприятий будут полностью удовлетворены потребности страны в текстиле и сахаре.

Культурное строительство и искусство развиваются такими темпами, о которых раньше албанский народ и не мог мечтать. Построено много новых школ, клубов, библиотек.

Недавно в Албании прошел месячник албано-советской дружбы. Во всех городах и селах демонстрировались фильмы, читались лекции и доклады о социалистическом строительстве в СССР. На выставку, посвященную успехам Советского Союза, в Тирану приезжали тысячи людей со всех концов страны.

С каждым днем крепнет дружба между нашими народами. Каждого албанца бесконечно трогают и волнуют любовь и бескорыстная дружба великого, могучего Советского Союза. Албанцы никогда не знали ни такой любви, ни такой дружбы. Мы чувствуем себя равноправными в семье демократических народов, строящих социализм.

С огромным воодушевлением албанский народ отметил 70-летие великого вождя трудящихся всего мира товарища И. В. Сталина. К знаменательной дате коллективы крупнейших предприятий Албании досрочно выполнили свои годовые планы. По всей стране состоялись митинги и демонстрации, явившиеся свидетельством беспредельной преданности албанского народа своему великому другу и освободителю — товарищу И. В. Сталину.

Албания твердо стоит на новом, социалистическом пути. Албанский народ верит в новые большие успехи, которые будут достигнуты нашей республикой. Мы видим залог этих успехов в дальнейшем укреплении дружбы между народами Албании и СССР.

Варшава. Восстановленные жилые дома между Медовой улицей и Замковой площадью.

ВОЗРОЖДЕННАЯ ВАРШАВА

17 января исполняется 5 лет со дня освобождения частями Советской Армии Варшавы от немецко-фашистских захватчиков.

Когда в 1945 году советские и польские воины с боями вступили в Варшаву, они увидели не прежнюю, оживленную и благоустроенную польскую столицу, а варварски разрушенный гитлеровскими бандитами город. Повсюду дымились пепелища промышленных предприятий, громоздились кучи битого камня и железа, обуглившиеся остовы обрушенных многоэтажных домов. Целые кварталы были злодейски уничтожены специальными отрядами при помощи взрывчатки и огня пожаров. Метавшиеся в смертельной агонии гитлеровцы хотели осуществить свой изуверский план — стереть с лица земли центр польского государства — прекрасную Варшаву, которая создавалась в течение 700 лет.

Неоценимую помощь оказал Варшаве Советский Союз. Части Советской Армии вместе с бойцами Польского войска изгнавшие оккупантов, очистили город от двух миллионов мин, помогли быстрее восстановить мосты, наладить связь и работу железнодорожного транспорта. Вскоре же после освобождения Советский Союз оказал городу и продовольственную помощь, предоставил 500 стандартных домов, 30 троллейбусов, радиостанцию. Советские специалисты помогли восстановить электростанцию, водопровод, телефон.

«Пусть помнят об этом все, кто ходит по улицам возрожденного города, — говорил президент Польской республики Болеслав Берут, — пусть передадут будущим поколениям горячие чувства уважения и благодарности к великому инициатору этой помощи, другу Варшавы — Сталину!».

Принятый шестилетний план восстановления и реконструкции Варшавы, являющийся частью общего государственного плана, обеспечит быстрые темпы развертывания промышленности столицы, всего ее хозяйства. Здесь будут построены заводы: легковых автомобилей, токарных станков, инструментальный, измерительных приборов, литейный, электрической аппаратуры и другие. Многие существующие предприятия будут расширены и реконструированы на основе новейших достижений техники.

Шестилетний план предусматривает также постройку в Варшаве школ и больниц, вокзалов и магазинов, театров, детских садов и яслей, стадионов и парков, разбивку новых площадей и улиц, прокладку трамвайных и троллейбусных линий, сооружение большого количества жилых домов, восстановление исторических памятников. Осуществление этого плана создаст лучшие условия жизни для трудящихся польской столицы.

Среди строителей Варшавы широко развернулось трудовое соревнование за скорейшее осуществление грандиозной программы восстановления и реконструкции Варшавы. Вызов инициатора новых методов кирпичной кладки Краевского подхвачен варшавскими каменщиками Поренцким, Шатковским, Религой, Пташинским, Марковым. В соревнование включились плотники, штукатуры и рабочие многих других профессий.

К концу шестилетки население Варшавы увеличится с 615 до 800 тысяч жителей, а с учетом присоединения ряда пригородных районов польская столица будет иметь миллионное население.

К 5-й годовщине освобождения Варшавы приурочено открытие восстановленного дорогого польскому народу памятника великому национальному поэту Адаму Мицкевичу — другу гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Огромные успехи в возрождении Варшавы — результат животворной силы нового общественного строя, патриотизма и энтузиазма польского народа, который под руководством своей Объединённой рабочей партии и в братском содружестве с народами Советского Союза неустанно крепит мощь лагеря демократии, социализма и мира.

Дневник
ОГОНЬКА

ДИПЛОМ ИНЖЕНЕРА

Кандидат технических наук доцент П. Грудов беседует со студентом-дипломником дважды лауреатом Сталинской премии Александром Сурановым.

Фото Н. Маторина

Двадцать лет тому назад в одном из больших зданий Москвы в вечернее время начались необычные занятия. Слесари, токари, литейщики, фрезеровщики московских заводов пришли на первую лекцию вечернего рабочего Машиностроительного института с твердым намерением получить высшее техническое образование.

Около 2500 высококвалифицированных первоклассных инженеров подготовил этот единственный в стране вечерний Машиностроительный институт. Четыре раза в неделю после трудового дня на заводах и фабриках рабочие и техники приходят сюда, на Шаболовку, в дом № 24-А, принося с собой жажду знаний и большой стахановский опыт. Конечно, после рабочего дня нелегко слушать лекции, заниматься сложными расчетами. Однако о студенте-«вечернике» высоко отзываются педагоги, а инженер-«вечерник», имеющий за плечами не только большой теоретический багаж, но и серьезный практический опыт, — поистине бесценный работник.

Питомцев института можно встретить на руководящих должностях в министерствах, научно-исследовательских учреждениях, заводах, проектных организациях. Многие из них уже отмечены правительством высокими наградами. Десять студентов удостоены звания лауреата Сталинской премии. Дважды удостаивался Сталинской премии студент института Александр Суранов.

Недавно институт закончил московский мастер-литейщик Владимир Михайлович Харитонов. Сочетая работу с занятиями, он в течение шести лет упорно учился и теперь получил диплом инженера-механика. Его проект цеха точного литья государственная экзаменационная комиссия признала отличным.

В жизни института есть еще одна отличительная черта: институт органически связан с промышленностью, со стахановским движением. Одним из первых среди высших учебных заведений столицы институт взял шефство над подшипниковым заводом № 2, энергично помогая рабочим, мастерам, дирекции превратить завод в стахановский.

Вот почему на заводах столицы называют вечерний Машиностроительный институт питомником отличных инженеров и очагом передовой советской техники.

* * *

Недавно общественность столицы торжественно отметила 20-летие московского вечернего Машиностроительного института. Участники чествования — представители министерств, партийных и общественных организаций, московских заводов — говорили о значительной роли института, который первым в стране начал готовить без отрыва от производства первоклассных инженеров-машиностроителей.

НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

Под Новый год, на слете передовиков сельского хозяйства Кубани, знаменитый бригадир трактористов Иван Шацкий из Михайловской МТС сказал:

— Моя бригада засеяла озимой пшеницей в колхозе «Красный Аксай» 515 гектаров. Обещаем взять по 150 пудов вкруговую, а с 60 гектаров — по 300 пудов. Гарантия полная! Мы пахали на глубину до 30 сантиметров. Высевали отборное зерно вместе с гранулированным суперфосфатом. С нетерпением ждем весны, бригада готова к выезду в степь в любую минуту...

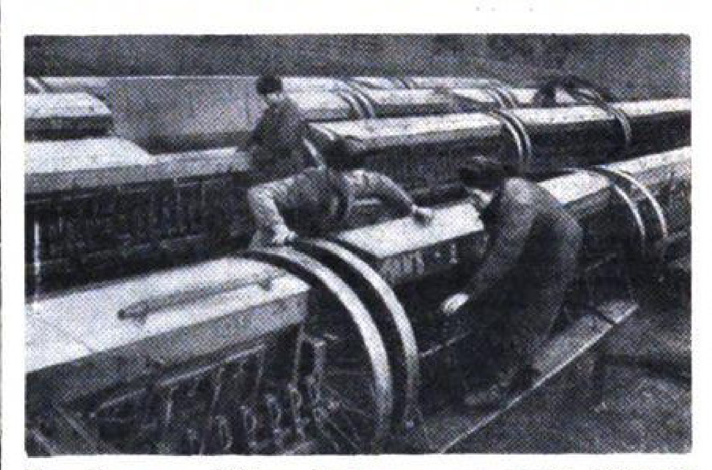
Иван Шацкий заявил об этом с такой решимостью, словно собирался отправиться в полевой стан немедленно. Между тем по кубанским степям еще носятся снежные бураны, наметая сугробы у щитов. Даже в далекой Туркмении только начались полевые работы.

Иван Шацкий всегда считал, что лучше тракторам ждать весеннего солнца, чем наоборот. Едва его бригада вернулась с поля после подъема зяби, она немедленно взялась за ремонт. И теперь тракторы, плуги, сеялки, бороны стоят в полной готовности на усадьбе МТС.

Следуя примеру Шацкого, все бригадиры Михайловской МТС заблаговременно закончили ремонт машин и прицепного инвентаря.

Несколько сот машинно-тракторных станций на Кубани, на Украине и даже на Севере также досрочно завершили осенне-зимний план ремонта.

Можно с уверенностью сказать, что подготовка машин к весенним полевым работам не велась еще в таких широких размерах, как теперь. По сведениям Министерства сельского хозяйства СССР, к 1 января 1950 года было отремонтировано на десятки тысяч тракторов и комбайнов больше, чем в прошлом году. Из ремонта выпущено также огромное количество тракторных плугов, сеялок, культиваторов и лущильников.

Калиноболотская МТС на Кубани к севу готова. Бригадир Я. Е. Пахарь сдает сеялки приемочной комиссии.

Работа в мастерских МТС принимает все более индустриальный характер. До сих пор в каждой МТС тракторы ремонтировали своими методами, по-разному. Люди проявляли много выдумки и находчивости. Но часто бывало, что стахановцы одной МТС вновь изобретали то, что в другом месте давно нашли и применили. В 1950 году с кустарщиной будет покончено. Научно-исследовательские институты, обобщив богатый опыт, накопленный стахановцами МТС, разработали типовую технологию ремонта тракторов. Так же, как и на заводе, ни одна станция без ведома министерства не имеет права отступать от принятого технологического процесса.

Введение типовой технологии ремонта — дело очень важное, если учесть, что тракторный парк в нашем сельском хозяйстве непрерывно растет.

Переход на типовую технологию потребовал и технического перевооружения мастерских. В 1950 году будет завершена электрификация всех 8100 МТС. Кроме того они получают много новейшего оборудования.

Зимний сезон на курортах

Сочи. В парке санатория имени Ворошилова. Слева направо: капитан И. А. Петров, капитан-лейтенант П. В. Иноземцев и лейтенант В. В. Махнин.

Фото Е. Пугачевой (ТАСС)

Зимний сезон на курортах страны в полном разгаре. Много отдыхающих в здравницах Грузии: Абастумани, Боржоми, Цхалтубо. Оживленно и на замечательном казахском курорте «Боровое». Сейчас здесь лечится не меньше людей, чем в июне: кумыс и горный воздух отлично делают свое дело! Работают и донецкий курорт Славянск, где в прошлом году открыт еще один восстановленный санаторий на 200 мест, и забайкальский Дарасун, и кавказские Минеральные Воды, и здравницы Черноморского побережья...

Ежедневно самолетами и поездами сюда прибывают на отдых и лечение металлурги Украины, нефтяники Баку, строители Сталинграда, офицеры-дальневосточники, шахтеры Кузбасса...

В Кисловодске первую партию больных принял заново отстроенный, великолепно оборудованный санаторий «Скала».

Новые санатории открылись в Ессентуках, в Пятигорске, Железноводске. Известно, что минераловодческие курорты в течение года пропускают много больных, лечащихся по курсовкам. В Кисловодске специально для курсовочников оборудована крупнейшая на водах диэтическая столовая. Пятьсот человек одновременно обедают в ее просторных залах.

Курорт Сочи — Мацеста обогатился новыми санаториями и другими лечебными учреждениями.

В Ялте вступил в эксплоатацию реконструированный санаторий имени Чехова. В Артеке заканчивается восстановление одной из здравниц на 135 мест. Новый санаторий — «Лесной» — открывается в Рязанской области.

Чтобы улучшить обслуживание трудящихся в 1950 году, Всесоюзная курортная контора открывает свои филиалы еще в 16 городах страны.

Конференция ученых и колхозников

Содружество колхозников Березанского района с научными работниками Киевского сельскохозяйственного института началось в позапрошлом году. Тогда группа ученых по приглашению полеводов побывала в колхозах района, помогла им в освоении передовой агротехники. С тех пор дружба эта день ото дня крепнет.

Не так давно в Киевском сельскохозяйственном институте состоялась конференция ученых и передовиков сельского хозяйства Березанского района. Были обсуждены итоги совместной работы в 1949 году.

Коллектив научных работников института проделал немалую работу. В районе организованы три мичуринские школы, специальные курсы по изучению передового опыта выращивания кукурузы и кок-сагыза. В трех колхозах созданы дома агротехнической культуры. В них преподаватели института регулярно проводят консультации. По проекту, разработанному в институте, сейчас сооружаются межколхозные электростанции.

На конференции с докладами выступили председатель колхоза имени Воровского тов. Черезнячок, председатель колхоза имени Щорса тов. Голуб, бригадир полеводческой бригады колхоза имени ОГПУ тов. Охрименко и другие. Они поделились опытом выращивания высоких урожаев кукурузы и кок-сагыза, от имени крестьян поблагодарили ученых за помощь, оказанную колхозам.

Л. ГАЛИНСКИЙ

Мичуринский лекторий

На лекции в мичуринском лектории. Герой Социалистического Труда ветеринарный врач К. М. Малинин (слева), зоотехник Л. И. Яровицына, Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени Ворошилова И. В. Словохотнов и техник-полевод М. И. Усачева.

Из-за угла выехал голубой автобус и остановился у Дома Советов. Из машины, с книгами и тетрадями в руках, вышла группа людей и скрылась в подъезде. Через несколько минут сюда подкатил автомобиль, за ним другой, третий... Приехавшие несли книги и тетради, у некоторых были портфели и даже школьные сумки.

Такую картину можно видеть каждую пятницу у здания Ухтомского районного Совета Московской области. Со всех колхозов и совхозов этого района Подмосковья в Люберцы съезжаются сельские работники.

Район, где все знают мичуринское учение! Таким должен стать в ближайшие годы Ухтомский район. Поставив перед собой эту задачу, местные партийные организации и отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний недавно открыли специальный лекторий — «Мичуринский университет», как его здесь называют колхозники.

Лекции вызывают большой интерес. Число слушателей растет с каждой неделей. Среди них председатели, бригадиры и звеньевые колхозов, агрономы, зоотехники, заведующие животноводческими фермами, секретари сельских партийных и комсомольских организаций, председатели сельсоветов, учителя биологии средних школ.

Учебная программа лектория рассчитана на два года. Слушателей подробно ознакомят с учением великого преобразователя природы И. В. Мичурина, с передовым опытом новаторов социалистических полей. Лекторами приглашены виднейшие ученые страны академики Т. Д. Лысенко, А. А. Авакян, И. И. Презент, В. П. Бушинский, профессор А. Г. Лорх и другие.

Все лекции иллюстрируются данными о развитии сельского хозяйства Ухтомского района, строятся применительно к его практике. Деловое содружество ученых и колхозников, это примечательное единение советских людей, отражено в разделах программы. Так, помимо лекций, периодически будут происходить конференции. Лучшие бригадиры, полеводы, доярки, зоотехники, картофелеводы расскажут о своем опыте выращивания высоких урожаев зерновых культур и овощей, получения высокого удоя молока. Первая такая конференция состоялась в начале января.

По окончании курса будут проведены экзамены. Выдержавшие их получат звание «Мастер-мичуринец». Испытания намечены не только по теории. При оценке будет учитываться и то, насколько умело слушатели лектория используют приобретенные знания в своей повседневной работе.

...Огромный зал заполнен людьми разных возрастов. Тут и убеленные сединой пожилые люди, и юноши, и девушки. С кафедры льется плавная речь лектора. Доцент В. Е. Кошелев заканчивает сегодня цикл лекций «Основы советского творческого дарвинизма». Слушатели серьезны и сосредоточенны. Ни одно слово не ускользает от их внимания.

В перерыве между лекциями беседуем с бригадиром полеводческой бригады колхоза имени 12-й годовщины Октября Константином Александровичем Дроновым. Он оживленно рассказывает нам о своих впечатлениях:

— Полезное дело затеяли в районе. Вот уже который раз приезжаю сюда и всегда с интересом слушаю лекции. Они очень помогают в нашей работе. Этой осенью я снял с каждого гектара по 25 тонн картофеля. Хочу взять больше. Тут научат, как это сделать. Книжки вот купил. У меня их теперь целая библиотечка. Да и не только у меня: из нашего колхоза здесь учатся одиннадцать человек...

Рубильник включен!

Завертелся вал турбины. Все быстрее и быстрее его неудержимый бег. Зажглась робким, желтоватым огоньком контрольная лампочка. Затем, словно набравшись сил, она вдруг вспыхнула ярким, ослепительным светом.

Электростанция пущена. Ток понес по проводам свет и радость в сотни колхозных изб.

Подлинным народным празднеством был отмечен пуск Уводской электростанции в Ивановской области, вступившей недавно в строй. Ее мощность — 350 киловатт, она дает электроэнергию нескольким колхозам.

Такие торжества происходят ежедневно в разных концах Советского Союза — ежедневно несколько сельских электростанций вступает в строй. Они несут новую культуру в села и деревни, меняют быт и жизнь людей, облегчают их труд.

Свыше двух тысяч сельских электростанций было построено в минувшем году. Каждая из них обладает небольшой мощностью. Но если эту силу сложить воедино, получится мощь, равная крупнейшим промышленным электростанциям. Электрический свет получили более шести тысяч колхозов. Ток пошел в аулы Дагестана, в отдаленные районы Дальнего Востока, в таежные углы Севера.

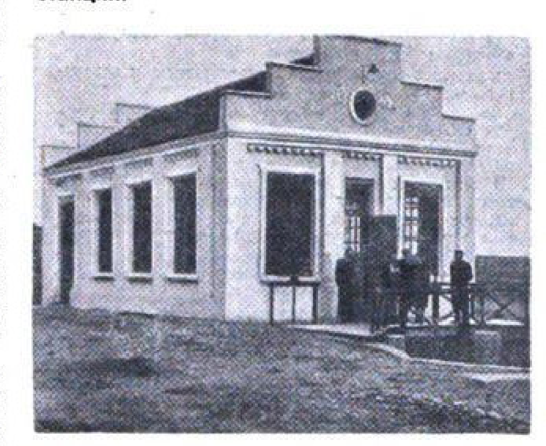
Много сельских электростанций вступило в строй на Ставропольщине. Один из районов, Зеленчукский, стал теперь районом сплошной электрификации. Недавно здесь засияла огнями большая гидростанция, обслуживающая одиннадцать колхозов. Первая очередь строительства была завершена два года назад. Сейчас гидроэлектростанция работает на полную мощность.

В Архангельской области недавно вступило в строй несколько сельских электростанций, принесших свет в лесные районы.

В густом бору стоит Елюгская гидроэлектростанция. Она дает ток четырем колхозам, значительно облегчает широкое развитие животноводства.

Большая станция строится в Шенкурском районе. Это Почeнская гидроэлектростанция. Уже в этом году она даст электроэнергию десяти колхозам и районному центру.

Всего в Архангельской области за последнее время выстроено десять новых электростанций.

Колхозная ГЭС на Ставрополье накануне пуска.

Зимой—по летним нормам

— Вторую зиму железнодорожный транспорт нашей страны работает по летним нормам, — сказал корреспонденту «Огонька» заместитель министра путей сообщения СССР товарищ Н. А. Гундобин. — Особенно важные задачи решаем мы в эту зиму. Развернувшееся в истекшем году движение машинистов-пятисотников, поднявших суточный пробег паровозов до 500 километров и выше, позволило ввести в зимний график новые, уплотненные нормы оборота локомотивов и сохранить летние, повышенные скорости движения поездов. Установлены ускоренные сроки погрузки и выгрузки, а также формирования составов.

Успехам паровозников помогло постановление правительства о нормальном режиме работы локомотивных бригад, при котором они получили возможность систематически учиться, совершенствовать свои знания и опыт. Теперь каждый машинист локомотива стремится занять свое место в числе пятисотников. Для этого у него есть все возможности.

Решающее значение для всей работы транспорта имеет оборот вагонов. Он должен значительно ускориться против прошлой зимы. Никогда еще не получали железнодорожники такого ответственного задания.

Несмотря на трудности зимы, стахановцы стальных магистралей водят тяжеловесные поезда, сокращают нормы простоев, экономят топливо, добиваются слаженности в работе различных служб транспорта. Инициатива и опыт новаторов помогают миллионам железнодорожников трудиться зимой не хуже, а порой и лучше, чем летом.

Стахановцы Брянского узла формируют поезда высокого качества, выдавая главному кондуктору каждого поезда гарантийную марку. Они ручаются за продвижение составов до конечной станции без отцепки. Тысячи поездов следуют теперь по дорогам страны с гарантийной маркой.

О скоростной обработке и четком пропуске составов сообщают с дорог Урала и Сибири, из Донбасса, из Белоруссии, с дорог Центрального округа.

Ценную инициативу проявил маневровый диспетчер станции Инская, Томской железной дороги, И. И. Васьковский. Он уплотнил нормы сортировочной работы и этим сократил простои маневровых паровозов на станционных путях. Поездные паровозы берут подготовленные составы и отправляются в новый рейс без захода в депо. В результате намного ускорено отправление транзитных поездов. Снежные заносы и холода, разразившиеся на Томской дороге, не смогли помешать железнодорожникам станции Инская. Зимний график они перевыполняют даже в самых сложных условиях.

В Сибири и северных районах страны морозы в конце истекшего года достигали 40—50 градусов. Тем не менее машинисты-пятисотники отказались от традиционных «скидок» на холода и своей работой опрокинули все нормы, существующие для зимних условий на железных дорогах за рубежом. Между тем в Англии, Франции и Канаде даже при меньших морозах снижается вес поездов, а снегопады вообще прекращают движение. Люди социалистического транспорта успешно побеждают природу и диктуют ей свои законы.

Изобретатель автоматического тормоза А. А. Танцюра.

Фото Г. Дубинского

Страна вооружила железнодорожников новой техникой, которая способствует преодолению зимних трудностей. На многих дорогах введены в эксплоатацию автостопы конструкции лауреата Сталинской премии А. А. Танцюра. Замечательный прибор автоматически останавливает поезд при закрытом сигнале. Все шире применяется на железных дорогах радиосвязь между паровозами и диспетчером. Рация на локомотиве существенно изменила условия работы крупнейших станций Омской и других магистралей. Радиосвязь используется и в маневровой службе.

В этот зимний период железнодорожный транспорт СССР должен перевезти столько грузов, сколько он еще никогда не перевозил. Железнодорожники полны уверенности, что с честью решат важнейшую для всей страны задачу. Декабрьский план перевозок был перевыполнен по всем важнейшим грузам. Работа по летним нормам в зимних условиях уже приносит свои плоды.

Вступая в зиму, стахановцы стальных магистралей выполнили свои обязательства, принятые в честь семидесятилетия великого Сталина. 21 декабря, в 12 часов дня, был завершен годовой план погрузки. Этим были подготовлены все условия для успешной работы транспорта в новом году.

В. ОЛЯШЕВ—ПОБЕДИТЕЛЬ ЛЫЖНЫХ ГОНОК

В прошлое воскресенье под Москвой состоялись первые в этом сезоне лыжные гонки мастеров. В них приняло участие свыше 100 человек. Гонку на 18 километров выиграл молодой спортсмен В. Оляшев (Вооруженные Силы СССР).

Женщины соревновались в беге на 5 километров. Победила динамовка З. Толмачева.

Н а с н и м к е: победитель гонок В. Оляшев.

Фото А. Бочинина

Новые товары широкого потребления

Много разнообразных товаров даст легкая промышленность потребителям в 1950 году.

Текстильные фабрики выпускают новые сорта ситца, сатина, тканей для мужских сорочек, зефиров. Ташкентский комбинат имени Сталина и Ивановская фабрика имени рабочего Федора Зиновьева вырабатывают для республик Средней Азии набивные ситцы и сатины с рисунками восточного орнамента. На Большой Ивановской мануфактуре имени Молотова широко развертывается производство шерстянки новых расцветок. Детские купоны из набивной ткани в массовом количестве начинает давать Трехгорная мануфактура имени Дзержинского.

Почти на одну треть по сравнению с прошлым годом возрастает производство набивных шелковых тканей. Ткань для летних пальто — пыльников — производит Московский комбинат имени Щербакова. Комбинат «Красная Роза» выпускает новые сорта шелковой материи для женских платьев и костюмов. Московская шелкоотделочная фабрика имени Свердлова даст к весенне-летнему сезону около ста новых рисунков тканей.

Предприятия шерстяной промышленности освоили выработку новых сортов высококачественных трико, тонкосуконных тканей, платков, различных материй для детской одежды: «малышка», «первоклассница», «искорка», «пионер» и т. д.

Благодаря тому, что вступили в строй новые трикотажные предприятия и цехи, оборудованные по последнему слову техники, в несколько раз увеличится производство дамских чулок «капрон». Свитеров, джемперов, жакетов и другой вязаной верхней одежды из полушерстяной пряжи будет выработано в полтора раза больше, нежели в прошлом году. В массовых количествах поступят в продажу чулки и носки повышенной прочности, белье новых фасонов. К началу летнего сезона в магазинах появится много спортивной одежды: трусов, маек, купальных костюмов и т. д.

Значительно улучшается качество швейных изделий. Всего в течение года швейные фабрики и ателье выпустят около 4 тысяч новых моделей одежды.

Увеличивается выработка и расширяется ассортимент обуви. Учитывая спрос колхозников, фабрики расширяют производство юфтовых мужских сапог и юфтовых женских ботинок. Возрастает также изготовление модельной обуви различных фасонов из лакированной, белой и цветной кожи, всевозможных ботинок, туфель и сапог с текстильным верхом. Среди новых фасонов обуви для детей — ботинки с верхом из фетра и на утепленной подкладке.

В гораздо большей степени, чем в прошлые годы, будет удовлетворен спрос трудящихся на стеклянную посуду. В продажу поступит посуда из двуцветного стекла. Осваиваются новые, разнообразные модели посуды, разработанные институтом «Стекловолокно» и Ленинградским экспериментальным заводом художественного стекла. Лучшие в стране стекольные заводы, в Дятькове и Гусь-Хрустальном, будут выпускать изделия с художественными рисунками и гравировкой.

Художественный совет Главного управления хлопчатобумажной промышленности рассматривает новые рисунки тканей.

На концертах декады молдавского искусства

Выступление молдавской хоровой капеллы «Дойна» в концертном зале имени Чайковского.

Неисчерпаемо богата сокровищница народного искусства советской Молдавии. Глубоко самобытно и оригинально музыкальное творчество ее народа.

На концертах декады молдавского искусства в Москве перед слушателями прошли замечательные музыкальные и танцовальные коллективы и отдельные исполнители, прозвучали обаятельные народные песни и произведения молдавских композиторов.

Тепло встретили слушатели народные песни в исполнении хоровой капеллы «Дой-

Заслуженная артистка Молдавской ССР Я. Левицкая исполняет народную песню «Зеленый лист пиона».

на» (руководитель — М. Кононенко). Высокое мастерство, тонкое проникновение в сущность народной музыки отличали исполнение «Дойной» и широкой, протяжной песни «Листочек овса», и лирической «Голубицы», и яркой хоровой песни «Девушка с зелеными глазами», и веселой «Застольной».

Хорошо прозвучала хоровая сюита композитора Е. Кока. Это произведение, построенное на народном материале, состоит из четырех частей — картин из жизни молдавского народа. Начинается сюита «Дойной о прошлом» («дойна» по-молдавски — песня), и несутся печальные звуки, в которых слышится вся глубина страданий народа. Эту песню сменяет следующая часть — «Дойна освобождения»: светлая заря встала над советской Молдавией. Счастливое время — счастливые песни! Все более празднично поет «Дойна» о радостной жизни свободного народа.

Подлинное профессиональное мастерство, культура исполнения отличают ансамбль танца Молдавии — яркий, темпераментный коллектив с отличными солистами.

Оркестр народных инструментов под руководством В. Барончука звучит оригинально. Своеобразны и подбор инструментов и репертуар. Мастерство музыкантов покоряет слушателей и в самостоятельных выступлениях оркестра (например, в «Сюите на молдавские темы» композитора Ш. Аранова, которая дает богатейший музыкальный материал для солистов и оркестра в целом) и в аккомпанементе.

На декаде молдавской музыки ярко выделялась группа солистов. Замечательное мастерство продемонстрировал исполнитель на флуере (пастушья свирель), молодой музыкант Харлампий Урсаки, творчески развивающий лучшие традиции игры на национальных инструментах. Игра Урсаки вдохновенна, для него не существует технических трудностей. Несложный народный инструмент в его руках обладает богатым и сильным звуком.

Порадовали своим искусством и певцы. В хорошей манере, просто исполнили Александр Харабаджи песни «Идем на колхозный виноградник» и «Моя старушка» и Е. Уреке — комические молдавские песни. Блеснули отличными голосами и тонким мастерством артистки Т. Чебан и В. Цейтлин. В пении Т. Чебан слушателей пленила филигранность отделки исполняемых произведений.

Концерты молдавской музыки показали наличие большой, профессиональной школы молдавских композиторов: С. Няга, Н. Пономаренко, Л. Гурова, С. Златова и других. В их творчестве радуют здоровая, реалистическая струя, близость народу. Это сказывается и в использовании песенных интонаций и в проникновении в самый склад народного песенного и танцовального творчества. Близость к молдавскому народному творчеству проявляется не только в произведениях малых форм, например, в «Песне о Сергее Лазо» С. Шапиро, «Расшумелся ковыль» Н. Пономаренко, сюитах и дойнах Е. Кока, но и в более крупных симфонических произведениях С. Няга и Л. Гурова.

Успехи музыкальной культуры молдавского народа несомненны. Столичные слушатели тепло приняли концерты молдавских ансамблей.

Однако молдавским композиторам следует создавать больше произведений, которые раскрывали бы все новое в героических делах молдавского народа, строящего коммунизм. Мало еще произведений посвящено темам послевоенного созидательного труда, людям новой, Советской Молдавии. Этот недостаток сказывается сейчас на репертуаре коллектива «Дойна» и солистов.

Дальнейшее неустанное повышение идейного и художественного уровня музыкальных произведений, неустанное совершенствование профессионального мастерства — надежный залог новых успехов музыкантов братской Молдавской республики.

Юрий КОРЕВ

КОРОТКО

НАУЧНАЯ СЕССИЯ Ужгородского университета заслушала доклады прославленных мастеров высоких урожаев Героев Социалистического Труда П. Пенчева, А. Ладани, Ф. Ганчева, Ю. Рубиша, И. Гужвая. Они рассказали о внедрении мичуринской агробиологии в сельскохозяйственное производство. Председатель колхоза имени Димитрова Ф. Ганчев поделился опытом получения трех урожаев огородных культур в один год.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ СМОТР стенных газет колхозов, совхозов и МТС проведен в Латвийской ССР. Лучшими признаны газеты «Садарбиба» сельхозартели «Дросме» и «Лиесма» артели «Сала». Они хорошо освещают многогранную, зажиточную жизнь колхозников, популяризируют опыт передовиков сельского хозяйства.

25-ЛЕТИЕ Государственного института климатотерапии туберкулеза в Ялте отметила медицинская общественность Крыма. За четверть века институт превратился в одно из крупнейших лечебных и научных учреждений здравоохранения. В его клиниках разработан ряд новых эффективных методов лечения туберкулеза. Подготовлено свыше ста специалистов-фтизиатров, выпущено более тысячи научных работ.

СПОР О ВКУСАХ

Директор магазина тов. И. В. Дмитренко (слева) обсуждает образцы обуви с работниками Харьковской обувной фабрики № 5.

Фото Н. Гурова

— Говорят, о вкусах не спорят, а я вот хочу поспорить о вкусах. В стране теперь много товаров, и нужно крепко бороться за их высокое качество. У советского человека хороший, благородный вкус. Мы хотим носить только красивую одежду, красивую обувь, красивый трикотаж...

Так начала свое выступление на конференции покупателей работница Харьковского канатного завода тов. Касаткина.

Конференция покупателей была организована магазином № 100 Харьковского промторга. Магазин этот находится в одном из отдаленных рабочих районов Харькова, в Красной Баварии. За отличную работу он неоднократно завоевывал первенство во всесоюзном и республиканском социалистическом соревновании.

Покупатели здесь — в основном рабочие заводов: канатного, имени Ленина, пивоваренного, меховой фабрики и колхозники близлежащих сел.

На конференцию покупателей пришло несколько сот рабочих. «Держали ответ» перед потребителями главные инженеры и начальники цехов швейной фабрики имени Тинякова, обувных фабрик №№ 1, 2 и 5, текстильных, трикотажных, чулочных предприятий, работники Главлегсбыта, руководители торговых учреждений. В помещении, где происходила конференция, были разложены образцы товаров. Завязался оживленный разговор.

О высоких эстетических вкусах советских людей говорили в своих выступлениях работницы канатного завода тт. Старченко, Толмах, Пономаренко и другие. Они рассказали производственникам и торговым работникам о требованиях и запросах потребителей, высказали свои соображения о расцветке тканей, свитеров, детских костюмов, о фасонах обуви.

Так в содружестве покупателя, производственника и торгового работника рождаются изящная обувь, красивый вязаный костюм, занимательная игрушка.

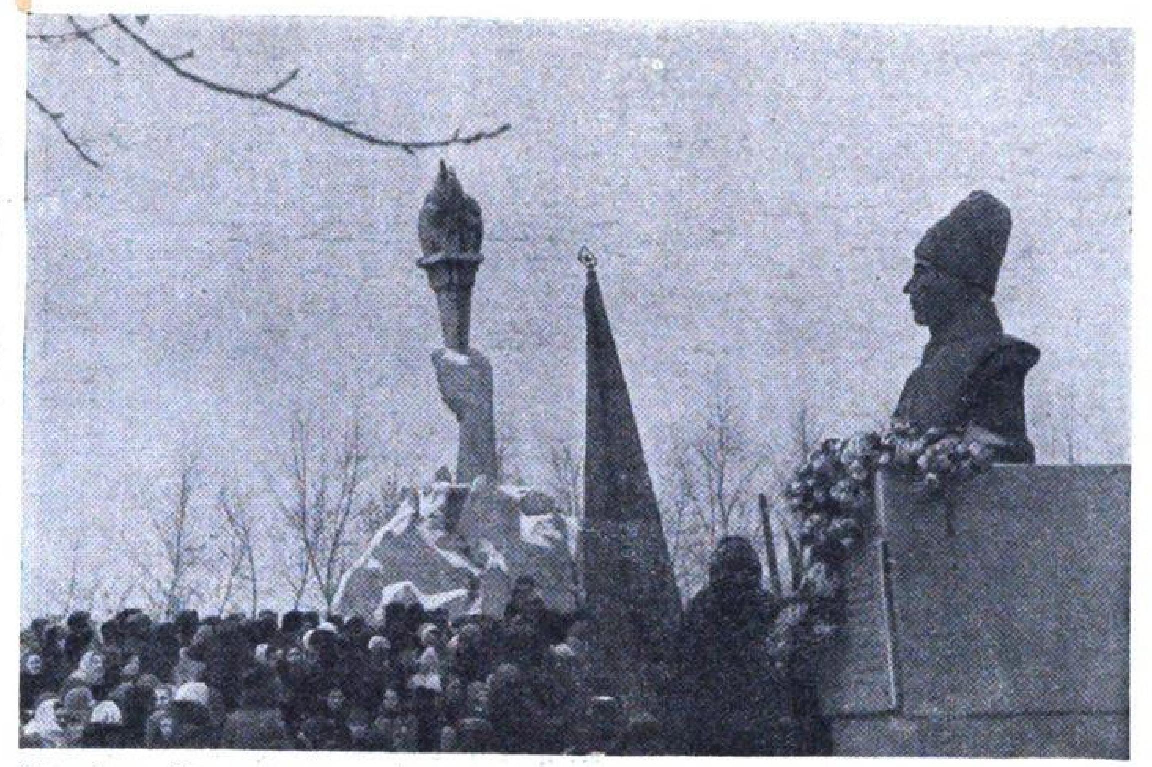
А. КАШТАНОВ

С берегов Оби

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото М. Савина

Специальные корреспонденты «Огонька».

Новосибирск. Митинг молодежи у братской могилы революционных борцов, павших в борьбе за освобождение Сибири от Колчака и интервентов.

1.

Гигантская гранитная рука с пылающим факелом вздымается из скалы.

Скала — надгробье на могиле павших в борьбе за Советы.

Кажется, что ветер, дующий с Оби, шевелит каменные языки пламени, в которых безвестный скульптор запечатлел геройский революционный дух тех, кто погребен под этой скалой.

— Их расстреляли колчаковцы за несколько дней до прихода Красной Армии. Сто четыре наших товарища. Вечная им память!..

Слова эти произносит пожилой, но еще крепкий человек, с лицом, изрезанным морщинами, с твердым взглядом суровых, много видавших синих глаз. Он в шубе и меховой шапке, низко надвинутой на лоб.

Вчера в историко-революционном отделе музея Новосибирска мы видели фотографию этого человека, сделанную тридцать лет назад.

Смелый, решительный взгляд. Плечи схвачены ремнями, рука сжимает саблю, на груди полевой бинокль, а на голове папаха с красной полосой.

Игнатий Владимирович Громов был тогда командиром партизанского корпуса, военачальником крестьянской повстанческой армии.

Вооруженная берданками и самодельными пиками, партизанская армия поднялась из просторов Кулундинской степи на ставленника англо-франко-американских империалистов адмирала Колчака, нагло объявившего себя «верховным правителем России».

Сущность этого «правителя» народ в Сибири раскусил очень быстро. Свидетельство тому популярная в те годы песенка:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель Омский...

Ныне хорошо известно, что к этому перечню колчаковской «амуниции» следует добавить американские пулеметы и орудия. Генерал Гревс в книге «Американская авантюра в Сибири» откровенно писал: «Я являюсь агентом по выдаче оружия и амуниции вооруженным силам Колчака».

Тот же Гревс сделал ценное признание о целях руководителей держав Антанты, отправлявших войска на помощь Колчаку. ...Эта цель была — «положить предел распространению коммунизма».

За тридцать лет эти господа ничему не научились и ныне тянут все ту же старую песню.

Но поджигателям новой мировой войны, всем этим даллесам и черчиллям следовало бы хорошенько призадуматься над сибирским уроком 1919—1920 годов. Он заключается не только в позорном провале всех военных планов Антанты, не только в том, что американские и прочие интервенты были, как щенки, вышвырнуты из Сибири могучей рукой Красной Армии. Это урок и в том, что американские грузчики отказывались грузить оружие, предназначенное против народа Советской России.

Освобождение родной сибирской земли от колчаковского отребья и от его покровителей в мундирах английской, французской и американской армий стало главным в жизни таких людей, как сын бедняка Игнатий Громов.

— За власть Советов!

Он знал, что этот призыв партии всколыхнет, поднимет народ.

Конные партизаны врывались в села, разгоняли колчаковские управы, освобождали арестованных советских работников, расправлялись с кулацкими приспешниками Колчака. Дважды лихим налетом громовцы захватывали речной порт Камень и топили в Оби пароходы белогвардейцев. «Верховный правитель» в бешенстве слал на усмирение партизанского края новые пароходы с американскими и английскими пушками на бортах. Тогда партизаны перегораживали протоки Оби огромными плотами, снимали на реке бакены. Колчаковские транспорты садились на мели, песчаные косы.

А из-за Урала уже наступала Красная Армия.

Новосибирск тогда еще назывался Ново-Николаевском. В этом городе железнодорожников, мукомолов и грузчиков были у Игнатия Громова верные друзья и товарищи.

Крепкие нити связывали партизан с большевистским подпольем города.

Оттуда, из Ново-Николаевска, приезжали к Громову кузнец Яков Овчуков и машинист Турьянский: они доставляли винтовки, патроны, свинец, порох.

Оттуда, через явочные квартиры Ново-Николаевска, пробирались к партизанам с маленькими, оттиснутыми на шелку удостоверениями посланцы Москвы, посланцы созданного во время пребывания товарища Сталина на Восточном фронте Урало-Сибирского бюро Центрального Комитета партии. Бюро руководило всей нелегальной работой в колчаковском тылу.

— Красная Армия гонит Колчака,— рассказывали перешедшие фронт товарищи. — Омск уже освобожден. Скоро вся Сибирь будет советской!

14 декабря 1919 года части 5-й Красной Армии, перейдя ночью по льду Обь, внезапным, стремительным ударом овладели Ново-Николаевском.

Объятые паникой, колчаковцы тысячами сдавались в плен.

50 эшелонов с военным имуществом, 50 орудий стали трофеями красноармейцев, поддержанных партизанами и восставшими рабочими.

Товарищ Сталин определил значение этой победы:

«Что же касается Колчака, то после разгрома под Ново-Николаевском от его армии осталось одно лишь воспоминание».

Партизанские отряды Громова, Мамонтова, Щетинкина вливались в полки Красной Армии.

Барнаул, Черемхово, Красноярск, Иркутск... Город за городом, победа за победой!

Обь стала могилой колчаковской армии, а Ангара у Иркутска поглотила самого «верховного правителя», расстрелянного и спущенного в ледяную прорубь по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Так провалился преступный план Черчилля и прочих империалистов, так советский народ навсегда покончил с колчаковщиной.

Игнатий Громов вернулся в Ново-Николаевск, где в центре города в братской могиле лежали его боевые товарищи, завещавшие довести до конца дело, за которое они отдали жизнь.

Партия послала его работать в губернский исполнительный комитет.

С чего было начинать строительство новой жизни?

Мелкие кожевенные, мыловаренные и маслодельные заводики, мельницы и кондитерские фабрики не могли стать базой промышленного подъема. Электростанцию заменяли два локомобиля.

Электричество! Вот что нужно в первую очередь.

Новосибирцы написали в Москву о своем проекте соорудить на правом берегу Оби электростанцию. И вскоре узнали, что проект их одобрен и что турбины взялись построить для сибиряков питерские рабочие.

...На расчищенной площадке над широкой, могучей Обью гремел оркестр, колыхались алые стяги. Вокруг только что вырытого котлована толпились рабочие, железнодорожники, дети. Пламенел на солнце штабель кирпича.

Громов запомнил, как первый кирпич взял человек в очках, с бородкой клинышком. Уложив кирпич в фундамент будущей станции, он сказал негромким, проникающим в душу голосом:

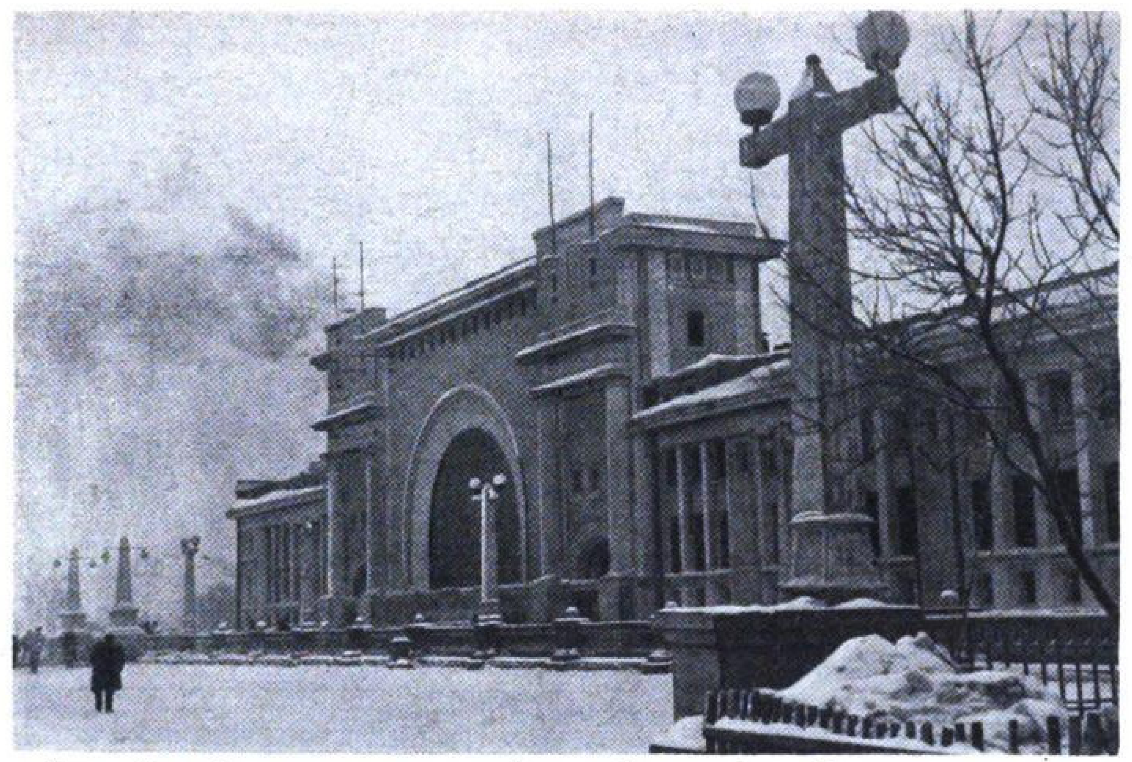
— Великое вы дело начинаете, товарищи!

Это был Михаил Иванович Калинин, приехавший к новосибирцам на торжество закладки электростанции.

Теперь, когда ночью подъезжаешь к Новосибирску по мосту через Обь, первое, что замечает глаз,— это сияющие электрические буквы над фасадом стройного, строгого здания:

«М. И. КАЛИНИН»

Первая электростанция города носит имя того, кто вместе с Лениным и Сталиным открыл Сибири дорогу к светлому будущему.

Вокзал Новосибирска — один из крупнейших в Советском Союзе. Недалеко от этого места в декабре 1919 года Красная Армия нанесла решающий удар по колчаковской армии.

2.

Жизнь Громова, кадрового партийного и советского работника, складывалась так, что ему нередко приходилось надолго покидать любимый город.

Январь двадцать восьмого застал его на Алтае, в степных селах Бийского округа. Шла борьба за хлеб: кулачество саботировало государственные хлебозаготовки.

В те дни в Сибирь приехал товарищ Сталин. Сталин выступал на совещаниях партийного актива в Омске и Новосибирске, а вскоре прибыл и в Барнаул.

На совещание вызвали людей изо всех районов. Вот тогда Громов впервые увидел и услышал Иосифа Виссарионовича.

Никогда не забыть Громову этого дня!

* * *

Сталинским гением, волею партии и народа менялось лицо Сибири: уходил в прошлое край кандального горя, сонной неподвижности.

Первые тракторы распахивали целинные земли в Барабинской и Кулундинской степях.

Первую плавку дали домны Кузнецкого металлургического завода, стройка которого не прерывалась и зимой в сорокаградусные морозы: цехи покрывались громадными тепляками. Из первого своего чугуна кузнецкие рабочие отлили плиту с барельефом Сталина.

Металл Кузнецка дал жизнь новой промышленности Новосибирска.

Когда Громов приезжал в родной город, он поражался быстроте происходящих здесь перемен.

Все больше зажигалось над Новосибирском электрических огней,— и не только на обжитом правом, но и на пустынном, заросшем бурьяном и кустарником левом берегу Оби.

Здесь, на маленькой пригородной станции Кривощеково, беспрерывно разгружались составы с лесом, цементом, железом. Выросли вокруг Кривощекова корпуса гигантского машиностроительного завода и левобережной ГРЭС. К концу второй пятилетки Новосибирск насчитывал десятки предприятий. Он становился крупнейшим экономическим и культурным центром Сибири.

Город на Оби был теперь не только важным транспортным узлом, где перекрещивались Сибирская магистраль, Турксиб и линия на Сталинск, где порты и затоны день и ночь принимали лесовозы, транспорты с рыбой и пушниной, баржи с алтайской пшеницей. Он был не только всесибирской кузницей кадров, где шесть вузов и восемнадцать техникумов готовили специалистов самых различных отраслей знания. Он был городом-стахановцем, городом-новатором, он дал стране таких людей, как железнодорожный машинист Николай Лунин, как сталинский сокол Александр Покрышкин. И когда пришел суровый час военного испытания, Новосибирск показал всю богатырскую силу новой Сибири, чье имя символически звучало в самом названии города.

3.

Почетное поручение получил Громов зимой 1942 года. Во главе делегации партизан — участников гражданской войны — он отправился к партизанам Белоруссии, героически боровшимся против фашистских захватчиков.

Старые сибирские партизаны приехали в район боевых действий. Около Усвят Громов и его товарищи перешли фронт и пробрались в один из партизанских районов Витебщины.

Что это была за встреча! С какой благодарностью принимали белорусские партизаны подарки сибиряков — вещевые мешки, где были заботливо уложены теплое белье, обмундирование — от сапог до перчаток,— крепкая махорка, острые ножи, кружки и другое, необходимое в партизанском быту. С каким вниманием слушали они рассказы о 1919 и 1920 годах, о том, как в боях с Колчаком вырастали партизанские полки, дивизии, корпуса, как они сплачивались единым руководством. Этот опыт был поучителен.

Много слышал Громов на фронте о доблести сибирских дивизий, защищавших Москву, о железной стойкости, выносливости и беззаветной храбрости его земляков. И сердце старого партизана переполнялось гордостью за родную Сибирь.

А разве то, что происходило в военное время в самом Новосибирске, не вызывало столь же законного чувства восхищения, гордости! Город принимал эвакуированные предприятия. Это не были мелкие заводы или небольшие фабрики. Оборудование каждого занимало по нескольку длиннейших эшелонов. И вот требовалось — не в месяцы и недели, а в считанные дни — установить и смонтировать станки, обеспечить цехи энергией и сырьем, найти для приехавших рабочих и инженеров жилье. И большевики сделали то, что казалось невозможным.

4.

Когда после войны происходили выборы областного Совета депутатов трудящихся, Игнатию Владимировичу Громову радостно было еще раз испытать тепло народного доверия. С волнением принимал депутатский мандат верный сын партии.

За плечами большая жизнь, годы надорвали здоровье, посеребрили голову, но в сердце нет седины. Борьбой, трудами, учебой, раздумьями и мечтами попрежнему полна жизнь Громова, как и всех членов его семьи: и жены, начальника цеха одной из новосибирских фабрик, и сына, главного металлурга научного института, и внука-комсомольца, участника Отечественной войны, сейчас студента юридической школы.

Громов вспоминает, как в 1920 году сибирские партизаны и красногвардейцы, выполняя указания Ленина и Сталина, не дали Колчаку, интервентам вывезти из нашей страны поезд с золотым запасом России.

— Героический труд наших людей,— задумчиво говорит ветеран гражданской войны,— разве это не тот же золотой запас? Творческая инициатива, рационализаторская выдумка! На «Сибсельмаше» работает инженер Закревский, может, слыхали? Этот Закревский дал рационализаторских предложений на миллион рублей. На миллион! А сколько есть у нас таких, как Закревский, и сколько еще будет!

Верная мысль! Золото сегодняшней Сибири не только в сокровищах ее недр, в бескрайних массивах ее лесов, в энергетических ресурсах ее величавых рек. Золотые руки мастеров стахановского труда, высокая культура производства — вот чем еще богата Сибирь наших дней. Центрами машиностроения — этого высшего класса индустрии — считались раньше лишь Москва, Ленинград и Свердловск; теперь и в таком городе, как Новосибирск, есть кадры высококвалифицированных машиностроителей, создающие сложные станки, автоматы, приборы. Продукция эта идет во многие города Советского Союза.

Мы побывали на Новосибирском металлургическом заводе, о котором нам рассказывал Громов.

Бригада прокатного стана стояла на сталинской вахте.

Над столом оператора то вспыхивали, то гасли круглые матовые шары сигнальных ламп, направляя движения рабочих.

Раскаленная заготовка стали послушно двигалась по рольгангам от агрегата к агрегату и вдруг, вытянувшись рубиновой полосой длиной в двести метров, стремительно скатывалась в огнедышащий рулон. А по рольгангам уже бежала следующая заготовка...

Имена прокатчиков этого стана Михаила Дидовца и Михаила Нестеренко часто упоминаются в новосибирской прессе. Дидовец и Нестеренко добились необыкновенно высокой производительности. Американские прокатчики на таком же оборудовании дают на 25 процентов меньше, чем сибиряки. Так Сибирь бьет Америку!

Далеко видно сегодня с берегов Оби.

Видятся и огни будущих могучих гидростанций, и лесные полосы, которые скоро пересекут Кулундинскую степь, и новые механизированные шахты Кузбасса, и новые светлые дворцы культуры, институты, техникумы, школы...

...Мы пришли с Игнатием Владимировичем Громовым к братской могиле жертв колчаковского террора в тот день, когда здесь, у величавого памятника, символизирующего бессмертие революционного дела, собрался митинг молодежи. Он был посвящен тридцатилетию освобождения Новосибирска от Колчака и интервентов.

Громов рассказал о людях своего поколения, об их мечте увидеть Сибирь новой, могучей, счастливой. Партия большевиков, товарищ Сталин превратили мечту в явь. Так берегите добытое в боях, крепите мощь Родины, радуйте Сталина успехами в труде и в учебе!

Была минута торжественной тишины, когда на братскую могилу делегации возлагали венки.

А потом снова в морозном воздухе зазвенели голоса — это были голоса детей, клявшихся никогда никому не отдать счастья, завоеванного для них дедами и отцами.

В польской деревне

Тракторная колонна прокладывает первые борозды на полях спулдзельни.

Михаил ЯРОВОЙ

Молодой крестьянин Станислав Маковский ушел из спулдзельни[1]. Он забрал свои вещи из комнаты, отведенной ему в бывшем помещичьем доме, и ушел в село.

Ну, ушел и ушел. Значит, не по душе хлопцу пришлась артельная жизнь. Терпения, стало быть, у него было мало: сразу златые горы мыслил получить; в разум не взял того, что сразу ничего на свете не делается. Только чего он пошел искать? На селе у старого Черняка есть дочка Чеслава. Славная дивчина полюбилась Станиславу. Но Черняк не хотел отдавать Чеславу за Стася. Уж сколько раз между ними разговор был. Стась говорит, что он член крепкого сельскохозяйственного кооператива, что в этой спулдзельне он хозяин, а старый Черняк этого уразуметь не может.

— Что-то так, да не так,— говорил старый, слушая молодого хлопца.— Концы с концами, хлопче, у тебя не сходятся. Что-то, хлопче, по штанам твоим не поймешь, то ли ты в этой спулдзельне хозяин, то ли работник. А за работника я единственную дочку не отдам. Нет, нет, и слушать не хочу, не для того растил, чтобы со двора, от добра, бог знает куда отдавать. Полюбилась, говоришь,— приставай в зятья, хозяйствуй, а то мне, признаться, одному за плугом ходить тяжело...

Вот в красавице Чеславе и была вся причина, почему Стась Маковский ушел из спулдзельни, пристал в зятья к старому Черняку, хоть у того, кроме хаты да пяти гектаров земли, нарезанной ему после раздела помещичьего имения, никакого добра больше и нет. Нет у него ни коня, ни плуга, ничего другого, что нужно для земли. Так и одолжается он по людям, только что слывет на селе хозяином.

А другие говорили, что Чеслава — лишь зацепка, а все дело в том, что Стась захотел в своем хозяйстве один на один пожить, добра нажить.

* * *

Маковский из спулдзельни ушел в конце весны. Старый Черняк обрадовался сильному парню и столько навалил на зятя работы, что Чеслава частенько отцу это в укор ставила. Да только на Черняка это мало действовало,— сам работает, аж кости скрипят, и зятя той же дорожкой ведет. У него был расчет поскорей коня купить. Расчет-то был хороший, да только толком ничего не выходило.

Если бы Стась имел время заглядывать в спулдзельню, много бы он там увидел добрых перемен. На кооперативной ферме уже стояло с полсотни дойных коров, а председатель кооператива, Михаил Боймак, время от времени разъезжал по базарам, присматривая, где скот получше. Еще сорок коров решено было купить, да пяток породистых свиноматок, да с полсотни кабанчиков на откорм. А в поле, на что ни глянешь, все ласкает глаз. Рожь, пшеница, разные другие культуры удались на славу. Радуясь доброму урожаю, люди подумывали, не пора ли в министерстве похлопотать о покупке в Советском Союзе комбайна. С такой машиной да с пятью тракторами, что стоят уже в кооперативном гараже, да с двумя десятками лошадей можно было бы быстро управиться с уборкой урожая.

Немало интересного было и в конторе спулдзельни. Там составлялись дальнейшие планы по хозяйству, по строительству жилья для членов кооператива, велись подсчеты грядущему урожаю, прикидывался доход на трудодень, на семью. А в один из июньских дней в спулдзельне стали выдавать денежный аванс. На каждый трудодень члены кооператива получали по двести злотых. Весть об этом быстро разнеслась по всей округе, вызывая у крестьян удивление: ведь далеко не каждый из них ежедневно клал в свой карман такую сумму денег, да и деньги выдавались вперед, до уборки.

В жизни многое познается сравнением. И, видимо, Стась Маковский сравнил жизнь членов производственного кооператива со своей жизнью. Сравнение было не в пользу единоличного житья: уцепиться за землю у Стася было нечем. И Стась Маковский вернулся в спулдзельню. И не один пришел, а вместе со своей молодой женой. Они вдвоем попросились в артель, искренне высказывая надежду, что в спулдзельне общими силами они скорее придут к благосостоянию.

А теперь и старый Черняк метит туда же, в спулдзельню «Коллективный сев». А за ним тянется еще кое-кто из соседей, таких же безлошадных или, в лучшем случае, однолошадных крестьян, которым в одиночку никак не справиться с землей, никак не заставить ее давать такие урожаи, как в «Коллективном севе».

* * *

— Это где же все было? — спросил Ян Юзефчик, когда мой товарищ, с которым мы совершали поездку по стране, закончил свой рассказ о Станиславе Маковском.

— Недалеко от Щецина, в селе Каня.

— У нас, в Каменице, тоже история была вроде этой,— сказал Ян Юзефчик.

Мы попросили наших собеседников рассказать эту историю. Ян Юзефчик и его спутники все были раньше помещичьими батраками. Сейчас они крестьяне, владеющие земельными наделами на бывших барских угодьях.

История, случившаяся в Каменице, такова.

В летнюю пору, пору цветения злаков, в Каменицу из соседнего села заехал по какому-то делу крестьянин. Случай свел приезжего человека с местными крестьянами на беседу о деревенском житье-бытье. Само собой разумеется, что люди вспомнили прошлое, как им тяжко жилось, когда они были бесправными батраками у пана помещика. Говорили и о том, что и после раздела помещичьей земли трудно войти в силу, имея на хозяйство всего лишь по половине лошади. Особенно волновал всех вопрос о жилье: люди здесь все еще жили в тех помещениях, в которых держал их пан. Это были длинные, каменные, низенькие, с подслеповатыми окнами постройки. Образуя четырехугольник, стояли они в стороне от бывшего помещичьего дома, ныне занимаемого школой. В этих домах никогда не выводились сырость, болезни. Жители Каменицы уже давно подумывали о том, чтобы строить новые жилища, строить сообща, испросив у государства кредит. Ян Юзефчик сказал об этом приезжему крестьянину.

— Скоро у каждого из нас будет свой дом. Хороший, светлый дом. Видите вон ту пустошь? Там и начнем завтра строить новые дома.

Ничто не говорило, что тут скоро начнется стройка: не было ни камня, ни кирпича, ни других строительных материалов. Это удивило человека, и он спросил:

— Как, завтра?

— Да, завтра. С завтрашнего дня мы коллективом начинаем работать. Хватит нам в одиночку за счастьем гоняться. Сейчас мы пока еще по-старому живем, врозь на земле работаем, а вот приезжайте к нам после уборки урожая — тогда поглядите, как и что.

...И вот ясным осенним днем жители Каменицы снова встретились со своим гостем.

Чернели большие массивы пашни. Зеленели всходы посеянного под зиму рапса — ценной масличной культуры. Весело попыхивали тракторы, таская по полю сеялки и пугая еще не привыкших к машинам лошадей, на которых подвозили чистосортные семена жита и пшеницы. А рядом с полями, на пустоши, раздавался перестук молотков, переплетаясь с песней. В шестнадцати подведенных под крышу новых домах шла внутренняя отделка. В стороне ставились хлевы, сараи. Около домиков ходили люди и по-хозяйски размеряли, где поставить ворота, где копать ямы под фруктовые деревья, где вспахать землю под огородик. Пока только шестнадцать крестьянских семей получали новое жилье, но уже для других рядом отводились участки под застройки.

Показывая все это гостю, Ян Юзефчик сказал:

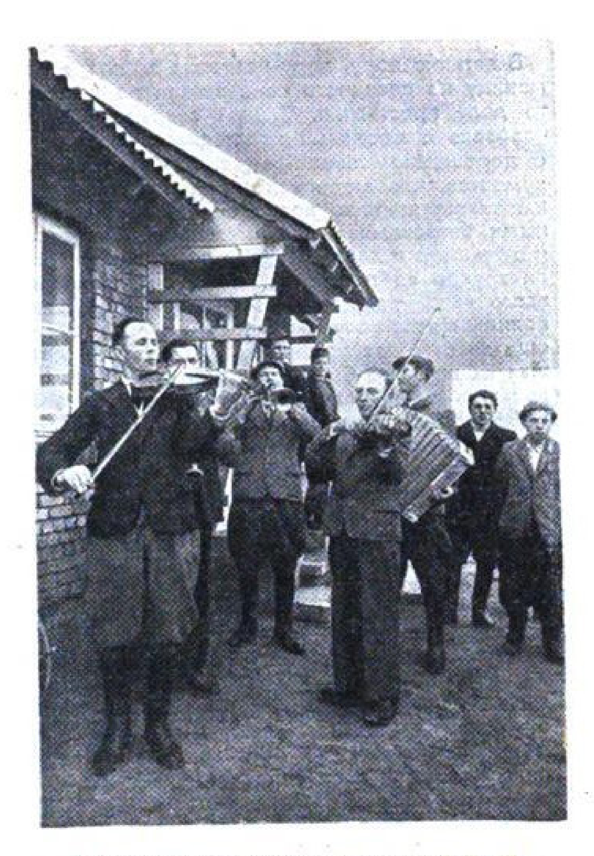
— У нас все будут иметь новые, просторные дома. Кто из нас при помещике взял бы кредит в банке на постройку дома? Никто! А теперь мы берем, потому что знаем: нас никто не закабалит, найдутся у всякого деньги, чтобы во-время вернуть банку долг.— Ян Юзефчик усмехнулся и добавил: — Да и кто бы раньше дал батраку деньги на постройку дома?! И где бы он этот дом строил, на какой земле?!

Еще весной приступили крестьяне Каменицы к организации спулдзельни. Дело живо пошло после того, как один из организаторов кооператива, Станислав Выпих, вместе с другими польскими крестьянами побывал на Украине и там присмотрелся к жизни колхозников. В начале лета в кооперативе было лишь семнадцать хозяйств. Эти люди еще работали на своих наделах, но думали крепкую думу, ясно видя впереди новую жизнь. Новые крестьяне вступали в кооператив, приобщая к общему фонду землю, рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена, фураж. Тракторы машинопрокатного пункта запахали межи крестьянских наделов, глубоко, ровно заделав в землю обильно внесенные удобрения. Кооператив к сроку достал чистосортные семена. Сев провели во-время. Дружные всходы радовали глаз. К весне спулдзельцы твердо наметили довести общественное стадо до тридцати коров и четырех десятков свиней.

Как-то один из членов спулдзельни спросил:

— Что я получу в течение года в кооперативе? Вот если взять да перевести на деньги все, что в течение года дали мне мои пять гектаров земли, корова, свинья, разная до-

[1] Производственный сельскохозяйственный кооператив.

Друзья пришли поздравить с новосельем.

машняя птица, то мой доход будет равняться четыремстам тысячам злотых. Ну, а в спулдзельне больше или меньше мне придется?

Люди вооружились карандашами, бумагой и стали подсчитывать. На бумагу ложились цифры колонка за колонкой. И когда все было взвешено, подсчитано, оценено, то оказалось, что на каждое хозяйство придется по 800 тысяч злотых да плюс к этому еще доход от своего приусадебного огорода, сада, от домашнего скота и птицы.

Мы спросили председателя производственного кооператива Станислава Выпиха, знают ли об этих подсчетах соседи, крестьяне, еще не вошедшие в кооператив. Знают ли об этом в окрестных селах?

— Знают, верят, что так у нас и будет, ибо видят, что в кооперативе дело не отстает от слова.

— Верят и идут к нам,— добавил Ян Юзефчик.— Мы недавно в свой кооператив приняли еще трех наших каменицких крестьян да трех из соседнего села.

— Ну, а как же тот человек, что приходил посмотреть, как вы целый поселок за три месяца построили?

— Он тоже вступил в наш кооператив,— ответил Ян Юзефчик.— Сам вступил и с собой еще двоих односельчан привел.

* * *

В селах Польши все больше становится сторонников артельного труда.

Недалеко от Каменицы расположено село Модель. Когда здесь организовался в апреле производственный кооператив, в него вошло всего лишь одиннадцать хозяйств. А осенью тракторы уже распахивали межи земельных наделов двадцати четырех хозяйств.

Дружно идет строительство кооперативного хозяйства в привислинском селе Свинары, где из сорока двух крестьянских дворов тридцать вошли в производственный кооператив. На базе сегодняшних, пусть еще небольших, но довольно все же заметных достижений люди составили уже шестилетний план развития своего коллективного хозяйства.

По шестилетнему плану, кооператив будет собирать по 25 центнеров зерна с гектара. Это на десять центнеров больше, чем в среднем собирали крестьяне в единоличном хозяйстве, и на пять центнеров больше, чем собирал в своем культурном хозяйстве агроном Глиниский. Кстати сказать, Глиниский одним из первых вступил в спулдзельню, увидев в кооперативе возможность по-настоящему приложить свои знания. На фермах кооператива будет 120 высокоудойных коров, 50 породистых свиноматок, сто гектаров фруктового сада над Вислой, будут новые дома, и в них— жизнь, полная изобилия, достатка, радости.

По-разному отнеслись к шестилетнему плану молодого кооператива крестьяне округи. Кулаки, ведущие бешеную агитацию против производственного кооперирования, подняли насмех членов спулдзельни: «Бог не даст урожая — и план не поможет», — каркали они. Но воронье карканье не ослабило у бедноты и середняков интереса к делам спулдзельни. Люди увидели, что производственный кооператив внес удобрений куда больше, чем они на своих единоличных участках; что для посева были доставлены элитные семена: что на тракторах уже начали возить кирпич и строить огромный коровник. И они всерьез призадумались над всем этим. Ян Марцинковский взял за уздцы своего коня, привел его на кооперативный двор и сказал председателю Юзефу Копец:

В теплице выращивают овощи.

— Вижу, доброе дело начали. Прошу и меня принять до своей артели.

Так осенью 1949 года поступили многие крестьяне.

Каменица, Модель, Свинары — села одного и того же уезда Гостинин. В начале осени 1949 года только в этих селах были производственные кооперативы, а в первой декаде ноября таких кооперативов уже стало десять. В Варшавском воеводстве, куда входит и уезд Гостинин, число производственных кооперативов за такой же короткий срок увеличилось с двенадцати до тридцати одного.

Польская деревня вступает на новый, социалистический путь.

Связной из Кремля

(К 30-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СИБИРИ ОТ КОЛЧАКОВЩИНЫ)

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Висячей лампы огонек
Рванулся и ослаб.
Снаряд у самой сопки лег:
Нащупывают штаб.

Начштаба курит самосад,
Столбом пускает дым,
И три помощника дымят
Над картой вместе с ним.

И с ними карта говорит:
Вот здесь стоит отряд,
Вот здесь заложен динамит,
Вот здесь мосты взлетят,

А там бои ведет «сосед»,
За ним «сосед» опять...
Да где ж отрядов красных нет,
Да где ж их не сыскать!

«Соседей» бы собрать своих,
Составить общий план», —
Мечтает Федор Черемных,
Начштаба партизан.

Поодиночке нас сомнут,
А вместе — ни за что!..
Морозец-то сегодня лют,
Подбросить в печь нето!

«Эх загудит огонь теперь!».
Заходит вестовой
И говорит, прикрывши дверь:
«К вам из Кремля связной!»

Папаха в пышном куржаке,
И видел Черемных,
Как таял иней на штыке
И на бровях густых.

«Зови!» «Сейчас иду за ним,
Придет в один момент...
Подписан Сталиным самим
Связного документ».

Вошел. И вслед за ним рассвет
Поднялся над жильем:
«Привез от Сталина пакет,
Победа наша в нем.

Ну и сторонушка у вас —
Размах и широта!

Вот только трудно ей сейчас:
Вся кровью залита.

Но свергнем скоро Колчака, —
Из-за уральских гряд
Краснознаменные войска
Навстречу к вам спешат».

В мечтах штабные со связным
В рассветной синеве
Пошли по далям огневым,
Услышав о Москве.

Хотя Москва жила впотьмах, —
Был свет не за горой:
Ильич вынашивал в мечтах
Грядущий Волховстрой.

Хотя созвездия Кремля
Не вспыхнули огнем,
Уже тогда была земля
Освещена Кремлем.

Пока рассказывал связной
О жизни и борьбе,
На печке чайник жестяной
Напомнил о себе.

Ушла луна за сосняки,
Куржак упал с ветвей,
Влились живые родники
В могучий Енисей.

Из деревень, из хуторов
Связные по снегам
Шли от отрядов и полков
К отрядам и полкам.

Связные шли на край земли,
Направил Сталин их,
И ленты красные цвели
На шапках меховых.

До самых дальних рубежей
Креп партизанский край,
Атаковал врага Баджей,
И наступал Алтай.

И от Амги до пермских сел,
От Орска до Саян
Товарищ Сталин в битву вел
Сибирских партизан.

П. А. Федотов.

СВАТОВСТВО МАЙОРА ИЛИ ПОПРАВКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЖЕНИТЬБОЙ.
Государственная Третьяковская галлерея.

«Огонек». 1949.

Карт.

П. А. Федотов.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА.

Государственная Третьяковская галлерея.

«Огонек» 1949.

ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Сергей БОРЗЕНКО

Рисунки О. Георгиева

Писатель и журналист Герой Советского Союза С. А. Борзенко в рядах наших войск участвовал в освобождении Югославии. Последние годы он работал корреспондентом «Правды» в Югославии и был очевидцем событий, связанных с предательством клики Тито.

С. Борзенко пишет роман «Передний край», посвященный борьбе югославского народа с агентурой американского империализма на Балканах — фашистской кликой Тито. Публикуемая нами глава относится к начальному периоду этой борьбы, после так называемого пятого партийного съезда.

Встретясь с другом, профессор Милутинович не сказал ему самого главного, то, что его особенно беспокоило. Его жена была накануне родов. Профессор недавно женился на студентке, сестре жены Тедьера. Это была хрупкая, болезненная, совсем неопытная в житейских делах женщина, и он приходил в ужас при мысли, что станется с нею, если его арестуют. Ее, конечно, выселят из квартиры, может быть, выгонят из университета, и она останется одна, без друзей и без денег, с грудным ребенком на руках. Когда шел еще так называемый пятый съезд, профессор хотел предупредить жену, подготовить к тому, что ее ожидает, но так и не собрался с духом. Он все откладывал объяснение, опасаясь, что она начнет отговаривать, плакать и это сможет поколебать его решение.

Все последние дни, оставшиеся до партийного собрания в университете, профессор был занят составлением своей речи. Он подбирал доводы, приводил в порядок мысли, обдумывал план. Это был опытный оратор, но подобных речей не приходилось произносить и ему. Он не сомневался: ему не дадут говорить, а может быть, оборвут в первую же минуту. Поэтому вся сила убеждения, весь пламень души должны были сказаться уже в первых фразах. Милутинович любил полновесное человеческое слово, верил в его силу, уважал слушателя и всегда тщательно готовился к своим лекциям. Он умел говорить хорошо, увлекательно и знал это. Молодежь любила своего профессора. На его лекции по политической экономии, которые он читал в университете, приходили и студенты других институтов. В последнее время бывали даже рабочие. Джилас, этот пустой краснобай, считавший себя первым оратором Югославии, не любил Милутиновича, пользовавшегося таким успехом у аудитории, всегда препятствовал его публичным выступлениям и держал на почтительном расстоянии от ЦК.

Склонившись над книгами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, профессор допоздна засиживался в кабинете. Делая выписки, он старался проверить и подкрепить свои мысли и доводы цитатами из произведений классиков марксизма-ленинизма. Не дождавшись его, жена тщетно пыталась уснуть: сон не приходил. Она вскакивала с постели и в длинной до пят рубашке босиком прибегала к нему из спальни и, обвив худыми руками шею, старалась оторвать от книг и бумаг. Как большинство молодых жен, Невенка полагала, что вся жизнь мужа должна быть подчинена одному — любви, что выше этой любви нет и не должно быть ничего на свете.

Ночь перед собранием тянулась особенно мучительно. Профессор понимал, что, вероятно, это последняя ночь, которую он проводит дома, у себя в кабинете. А завтра?.. Завтра снова, как в королевские времена, придется валяться на грязной соломе, на цементном полу, придется переносить побои, слухи о которых проникали за стены титовских тюрем.

Его речь была готова и лежала перед ним — шесть страниц, отпечатанных на машинке. Он прочел их и остался доволен написанным. Каждая фраза была остра, каждое слово, казалось, было раскалено добела, исполнено великой ленинско-сталинской правды, разоблачало, разило, доказывало, жгло.

К выступлению он подготовился, но оставались незаконченными другие дела. Прежде всего — рукопись. В продолжение трех лет он по нескольку часов ежедневно работал над книгой «Любовь, брак и семья в социалистическом обществе». На столе высились стопы книг: исследования Моргана, Ковалевского, Бахофена, Летурно; знаменитые письма Ленина к Инессе Арманд; романы Толстого, Чернышевского, Горького, Флобера, Мопассана, драмы Островского, книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Работая над своей темой, профессор особенно любил перечитывать эту книгу и многие страницы ее знал наизусть.

Милутинович открыл ящик письменного стола, достал рукопись и принялся перелистывать ее. Каждая страница напоминала ему о его жизни, переживаниях, творческих волнениях. Он смотрел на пожелтевшие листы и вспоминал, какая была погода в день, когда он писал их. Милутинович перечитал главу, законченную в день свадьбы. Это была глава о советском браке, основанном на взаимной любви, общности интересов, единстве взглядов.

Когда он женился на Невенке, ему казалось, что их любовь именно такая, и он очень радовался этому. Потом выяснилось, что они получили различное воспитание, что у них разные привычки. Жена требовала, чтобы он всего себя отдавал ей, и ревновала его даже к вечерней работе над книгой. Но ничего, ничего; книга почти готова, осталось только отредактировать ее, сделать несколько строже. Чтобы написать столько страниц, надо было затратить много труда и усилий. Эта книга была итогом большой, многолетней работы.

Но сейчас приходилось отказываться от книги. Каким бы значительным ни было это произведение, разве при титовском режиме кто-нибудь решится издать рукопись человека, посаженного в тюрьму? Единственным читателем будет следователь. Он небрежно перелистает страницы, отметит красным карандашом вольные мысли и приобщит к делу, может быть, покажет Ранковичу — человеку с каменным лицом, лишенным всякого выражения.

А может быть, рукопись еще можно спасти? Не отдать ли ее кому-нибудь на хранение? Милутинович стал перебирать фамилии товарищей, на которых можно положиться: лучшие друзья-коммунисты, оставшиеся верными интернационализму, заточены в тюрьму... Гржетич собирается в подполье... Можно было бы отвезти в Бор к шахтерам. Они, конечно, сохранят, но поздно... Ковачевич! Вот кому, пожалуй, можно доверить ее... Ковачевич — старый рабочий, хороший коммунист, этот человек, с пытливым умом и умными глазами, часто приходил на лекции профессора. Живет он у черта на куличках, и кому придет в голову искать у него рукопись?

Профессор быстро вложил рукопись в папку и перевязал ее шпагатом. Он решил заехать к Ковачевичу завтра, перед собранием.

Оставалось навести порядок в денежных делах. Милутинович вынул кошелек. С горькой улыбкой он насчитал в нем 623 динара. А по счетам за квартиру, за пошивку пальто, за освещение надо было уплатить 4015 динаров. Отправляясь в тюрьму, он оставлял неопытную в житейских делах жену с крупным долгом. Было над чем задуматься!

Как она станет жить? Ехать к своему отцу в Бор ей нельзя. В Белграде поговаривают, что ее отец скрывается от преследования янычар Ранковича.

Большое место в жизни профессора занимали книги. На их покупку он тратил все свободные деньги. Милутинович подошел к книжному шкафу, взял с полки первую попавшуюся книгу. Это была «Анна Каренина». Он раскрыл наугад страницу и прочел фразу, отмеченную красным карандашом: «Нет положения, из которого не было бы выхода». «Как раз то, в чем я не должен сомневаться сейчас»,— подумал профессор.

Все книги из личной библиотеки были прочитаны им, и в каждой имелись его пометки. Если библиотека погибнет, то двадцатилетний труд придется начинать сначала. Ну и что же! Он ведь часто жалел, что не перечитал все эти книги вновь. Вот он их и будет перечитывать... Если останется жив... Да, вот именно, если останется жив...

В кабинет тихо вошла жена. Она подкралась к профессору, взяла его руку, положила себе на живот. Он вдруг почувствовал, как что-то живое энергично перевернулось под рукой и, точно напоминая о себе, настойчиво толкнуло его ладонь раз и другой.

— Когда? — закрывая глаза, спросил профессор.

Ему страстно захотелось забыть о том, что он уходит от нее и от этого неведомого существа, от всего, что так любит.

— Скоро. Не терпится ему. Страшный непоседа! — улыбаясь, ответила Невенка, как будто речь шла о ком-то, уже живущем.

Она пристально смотрела в глаза мужа светлым и нежным взглядом.

— Момчило, сердце мое чует беду! — шептала Невенка. — Нет, нет, не успокаивай меня!.. Сколько людей хватают на улице, среди бела дня! Дай мне слово, что ты не бросишься головой в пропасть, во имя меня, во имя его! — она увидела на столе несколько брошюр. — Эти книжки... Я знаю, они тебе дороги, и не только тебе — отцу, многим... Давай сожжем их. А? Ведь ты всю свою молодость отдал тюрьмам... Тебе едва за сорок, а голова вон вся белая.

— Яблони весной, когда цветут, тоже белые,— попробовал отшутиться Милутинович.

— Нет, нет, не смейся! — Невенка с озабоченным лицом перелистала брошюру; страницы были исчерканы красным карандашом. — Если у тебя найдут эту книжку,— сказала она,— тебя арестуют... Вчера у магазина советской книги произошла дикая сцена. Днем, на виду у прохожих, там арестовали девочку, которая, как говорят, продавала запрещенную газету. Ясно, девочке не сдобровать. Даже детей не щадят!.. Ужасное, страшное время!

Невенка вздохнула, тоскливо глядя в окно.

«Как она будет без меня жить?» — опять подумал профессор.

— А вчера твои студенты, знаешь, что сделали?.. Ты видел на «Албании» портрет Тито? Так они вечером, когда там были толпы гуляющих, ухитрились поджечь его. Тито сгорел... Представляешь, как это подействовало на людей! Старухи твердят о каком-то предзнаменовании, а я с ужасом думаю, что после этого будет в университете.

— Невенка, я давно собираюсь сказать тебе... — чувствуя несвойственную ему робость, проговорил профессор; он посмотрел в тревожные глаза жены и как можно тверже произнес: — Завтра я выступлю на партийном собрании. Да, да, выступлю! Я скажу все, что думаю об этих подлых изменниках, и меня, повидимому, возьмут,— у него нехватило смелости сказать: арестуют. — Но что же делать? Кто же, как не мы, старые коммунисты-подпольщики, закаленные люди, должны учить молодых бороться за правду, за настоящий социализм, а не за тот, о котором орут все эти!..

Жена посмотрела на профессора непонимающим взглядом. Он видел, как расширились зрачки ее прекрасных глаз.

— Не ходи на собрание, очень прошу, не ходи. Я не прошу тебя лгать, кривить душой. Я знаю, что ты честный, несгибаемый... Я таким тебя и люблю, но не ходи, слышишь! Все погибнет: наша семья, твоя книга, ты сам погибнешь!.. Ведь ты же знаешь, в тюрьмах пытают, как во времена инквизиции! — она не смогла сдержать слез.

— Я должен был бы тебя успокоить,— сказал он. — Но что я могу сказать? Решение твердое — выступлю. Это мой долг, долг коммуниста. Вот почитай это, ты меня поймешь, должна понять...

Он протянул жене запись своей речи.

Невенка взяла листы дрожащей рукой и принялась читать про себя. Сначала она ничего не понимала, потом, поддаваясь силе написанного, овладела собой. Руки ее перестали дрожать. Она была невольно захвачена духом протеста, который ощущался в каждой строке речи. Пока жена читала, Милутинович нервно ходил по кабинету, стараясь не глядеть на нее. Ему казалось, что, охраняя свое маленькое семейное счастье, она хочет убить в нем революционера, каким он был всю свою сознательную жизнь. Когда в руках жены прошелестела последняя страница, он с трудом поднял глаза, боясь увидеть лицо, искаженное страхом перед будущим. Но неожиданно для себя он увидел задумчивое, открытое, озаренное светом решимости лицо. Слезы сверкали на ресницах. Но она не плакала.

— Момчило,— едва слышно сказала она. — Родной мой, я еще не во всем этом разобралась... Это так страшно, несправедливо!.. Нашу родную, героическую Югославию продают... за доллары. Столько пролито крови!.. За что?.. Все, что ты здесь написал,— правда. Да? Поклянись, это правда?..

Профессор радостно смотрел на худенькое личико жены.

— Ты поняла, ты поняла! Значит, поймут все, значит, речь моя дойдет до сердца!.. Спасибо, родная! — Милутинович покрывал поцелуями лицо жены.

Чувствуя соль на губах, он не знал, то ли это слезы Невенки, то ли он сам, не замечая этого, плачет.

— Нет, это правда? — допытывалась жена...

— Правда, конечно, правда!.. Все до последнего слова!

— Тогда иди... Иди, говори свою речь,— тихо, но раздельно сказала Невенка...

...Утром жене стало плохо. Начались предродовые схватки. Профессор выбежал на улицу, надеясь остановить машину и упросить шофера отвезти роженицу в больницу. Две машины проехали, обдав грязью Милутиновича, стоявшего посередине мостовой, третья, взвизгнув тормозами, остановилась.

На заднем сиденье, привалившись к подушкам, дремал шурин Милутиновича Тедьер.

— Моя жена рожает. Разреши довезти ее в твоем автомобиле до больницы,— взмолился профессор, радуясь, что встретил родственника.

— Мне некогда, — ответил Тедьер, делая вид, что не узнает его.

— Позвольте!.. Подождите!.. Владо!.. Друг Тедьер!..

Машина плавно тронулась с места, Милутинович ухватился за ручку дверцы, сорвался, упал на землю.

Как пьяный, он побрел дальше. Мимо проезжал пустой фиакр, профессор вскочил на него...

Он вынес жену на руках. В фиакре отвез ее в клинику Станковича. Монахини в темных платьях до пят и белых накрахмаленных огромных чепцах приняли роженицу. Пришел старичок-врач, поглаживая бородку-клинышек. Он сказал Милутиновичу, что волноваться нечего: когда начнутся роды, ему сообщат.

— С пяти часов я буду на собрании в Коларчевом университете,— напомнил Милутинович врачу. — Звоните туда.

До начала собрания оставалось девять часов. Профессор вернулся домой, еще раз просмотрел рукопись, исправил несколько абзацев, бережно вложил исписанные листы в папку, снова перевязал ее шпагатом и отправился к Ковачевичу. Ковачевич занимал просторный бетонный дот на самой окраине города.

Еще издали он увидел точно обрызганные кровью, истоптанные грядки гвоздики, раздавленные цветы мальв, обобранные плети крученого паныча. Невольно замедлив шаги, Милутинович подошел ближе. У самого порога, на сломанном стебле висела желтая зубчатая шапка подсолнуха. Профессор машинально приподнял тяжелый цветок и выпрямил сломанный стебель. Подсолнух тотчас же поник, как только он опустил руку. Но цветок подсолнуха еще жил, и в желтой пыльце его деловито копошились мохнатые пчелы. «Так и человек должен до последнего дыхания оставаться верным своим обязанностям», — подумал профессор и толкнул жалобно заскрипевшую дверь.

Темнота, в которую он вступил, ослепила его, но он все же разглядел под ногами что-то белое, похожее на снег.

К нему подошла жена Ковачевича, одетая в неизменное черное платье. Еще больше похудевшая, она спокойно сказала:

— Ночью забрали Рито...

— За что? — спросил профессор.

— За «Правду». Он раздал рабочим на фабрике девять газет, десятую нашли у нас дома. И нашу жиличку Джуру взяли. Тоже за «Правду». Но они упустили из виду, что я жена, а Бранка — дочь Рито... Мы тоже умеем бороться.

Глаза Милутиновича освоились с темнотой. Он увидел беспорядок, царивший здесь после обыска. Все было перевернуто, у верстака валялись слесарные инструменты и скомканное лоскутное одеяло, на полу белел пух.

— Что они искали у вас?

— Типографию,— невесело усмехнулась женщина. — Кто-то расклеивает на домах и заборах листовки, призывающие к борьбе с Тито. У нас в норе типография!.. Они там совсем с ума посходили!..

— А я надеялся спрятать у вас свою книгу.

— Книгу можно закопать в песок на берегу Дуная. Там надежней. Сегодня ко мне заходил районный надзиратель и принес вот эту грамоту,— женщина протянула гостю листок бумаги, исписанный на машинке; это был приказ: в течение пяти дней освободить помещение, принадлежащее градскому управлению.

— Зачем им этот дот? Просто бумажку написали, чтобы поиздеваться над вами.

— Надзиратель говорит, дот возьмут под тюрьму. В городе переполнены все тюрьмы,— женщина подала профессору лопату. — На, отойдешь полкилометра влево, можешь свободно закапывать. Только место запоминай, чтобы можно было потом найти.

Жмурясь от солнечного света, профессор вышел из дота и пошел вдоль реки, в сторону от цыганского поселка. Он остановился у тоненькой березки с клейкими листочками и белым атласным стволом и стал копать. Яма уже была вырыта, когда сзади к нему подкрался поручик из жандармерии Ранковича, лет двадцати. Еще не окрепшим голосом он крикнул:

— Ты что делаешь?

— Копаю червей. Собираюсь рыбу ловить,— запинаясь, ответил Милутинович.

— Червей? А это что у тебя? — поручик ухватился за папку.

— Рукопись...

— Что? Какая такая рукопись? — поручик вырвал папку, разорвал шпагат.

Едва сдерживая себя, профессор попытался отнять рукопись. Несколько страниц упало на песок, ветер подхватил их, закружил и понес над Дунаем.

— Дурак! Это еще не напечатанная книга. Я профессор, смотри, — Милутинович показал поручику титульный лист и стал листать страницы. — Научная книга «О семье и браке».

— А я думал листовки,— разочарованно сказал поручик. — Сейчас повсюду появляются эти проклятые листовки. Ну, чего стоишь, проваливай!

— Лопату отдай хозяйке дота,— басом сказал Милутинович, весь передергиваясь от грубости этого юнца.

— Отдам. Иди, иди!

Держа рукопись подмышкой, шагая через пустырь напрямик, профессор вернулся в город. Из телефонной будки он позвонил в больницу, справился о здоровье жены. Ему ответили, что роды еще не начались. Он напомнил, что будет в Коларчевом университете, и отправился бродить по городу, прощаясь с ним, как перед долгой разлукой.

Никогда ему Белград не казался еще таким прекрасным! Почти полчаса профессор стоял у здания Скупщины, разглядывая бронзовых коней, укрощаемых бронзовыми людьми. Неподалеку от собора святого Марка он увидел в одном из магазинов детские коляски. Профессор решил купить первый подарок своему ребенку. Коляска стоила 500 динаров. Он уплатил за нее почти все свои деньги и покатил ее впереди себя, думая о том, с каким удовольствием он возил бы в ней сына. Как все отцы, он хотел иметь сына.

По дороге повстречался Гржетич. Оглядевшись и убедившись, что за ними не следят, друзья обменялись новостями о подпольной работе, пошутили насчет коляски и разошлись. В ушах профессора еще долго звучала напутственная грустная шутка друга:

— Сидеть в тюрьме — это тоже партийная работа.

Милутинович разогрел на кухне вчерашний суп, пообедал, рассеянно пробежал страницы газет, потом вспомнил о рукописи и начал перелистывать ее. Нехватало пяти страниц, унесенных ветром. Он грустно усмехнулся: что значат эти пять страниц, когда вся рукопись пропадет? Куда бы он ее ни прятал, все равно найдут.

Часы в столовой пробили половину пятого — пора идти на собрание. Он завернул в бумагу белье, зубной порошок, щетку, хлеб, вложил в бумажник фотографию жены, сунул в карман запись речи, осмотрел письменный стол, заваленный рукописями статей и гранками корректуры, прощальным взглядом окинул кабинет...

...Собрание было назначено в самой большой аудитории города — Коларчевом университете. Через сквер от него находилась «Главняча» — главная тюрьма, куда в последние месяцы ежедневно бросали настоящих коммунистов, сторонников резолюции Информбюро.

Когда Милутинович вошел в зал, почти все места внизу уже были заняты. Он отправился на галерку. Здесь его радостно встретили. Слышались приветственные возгласы, шутки, а лица у многих были изможденные... «Да разве найдется сила, способная остановить этот страстный порыв?! Нет, господа титовцы, нет в мире такой силы!» — думал профессор, прислушиваясь к шуму. Студентка уступила профессору место. Он сел у барьера и посмотрел вниз, стараясь разглядеть единомышленников, и вдруг заметил старого своего друга, входившего в зал. Присутствие советского человека обрадовало профессора. Он ощупал карман, где лежала запись речи.

Все произошло так, как и намечалось. С докладом «Пятый съезд КПЮ и задача парторганизаций» выступил член вновь избранного ЦК Тедьер. Выйдя на трибуну, он наметанным глазом окинул аудиторию. Милутинович не слушал доклада. Он знал все, что скажет его шурин, и послал в президиум записку с просьбой дать ему слово. Сейчас он повторял в уме все, что собирался сказать. Чтобы от волнения не забыть главные мысли, он написал чернильным карандашом у себя на ладони несколько наводящих слов.

Докладчик покинул кафедру и сел за стол президиума рядом с председателем. Начались прения.

Первым выступил самый неуспевающий студент философского факультета Милое Заркич, молодой человек в очках, с невзрачным, угреватым лицом. Вторым — профессор международного права, хитрый, пронырливый Киндрич. Оба клялись в своей любви к Тито и нападали на Информбюро. Чувствовалось, что говорят они неискренно и, скорее всего, повторяют чужие слова. Половина присутствующих в зале вяло аплодировала, вторая половина злорадно молчала. Кто-то крикнул: «Заркич зарабатывает на трибуне пятерки!». Раздался смех. Некоторые студенты с надеждой обернулись к Милутиновичу.

Как только Киндрич сошел с трибуны, из-за стола поднялся Тедьер и сказал:

— Профессор Милутинович просит слова. Всем нам интересно послушать, что он скажет, но сейчас сюда позвонили из клиники Станковича и сообщили, что его жена родила двойню — двух сыновей. Я думаю, долг мужа и отца, — Тедьер выделил слово «отца», — велит профессору, не мешкая ни минуты, отправиться к жене. Она чувствует себя плохо, и мы простим счастливого папашу за отказ от выступления. Причина, что и говорить, уважительная.

Собрание встретило сообщение о рождении двойни бурными аплодисментами. Ободренный дружеским шумом, Милутинович, почти физически чувствуя во всем теле радость, спустился вниз, вышел на трибуну. Положив возле себя сверток, он сказал раскатистым басом:

— Мой первый долг, долг коммуниста,— выступить здесь и рассеять туман, который с этой трибуны напустил в своем докладе друг Тедьер.

Через весь зал, словно волна, прокатился шум, раздалось несколько хлопков, потом все смолкло. Настала мертвая тишина.

— Я не стану повторять уже известные факты,— начал Милутинович. — Ясно одно: на беду всей нашей партии, всему нашему народу съезд одобрил националистическую политику Тито, политику позорную, не имеющую ничего общего с делом социализма. Тедьер полагает, что, выступая здесь, он говорит то, что ему подсказал Джилас... Нет, друзья, слова его позаимствованы из заокеанского лексикона. Это чужие слова, слова американских империалистов, пытающихся рассорить наши славные народы с великим Советским Союзом, который принес нам свободу, по-братски помог нам встать на ноги.

Говоря неторопливо и раздельно, профессор по привычке смотрел в зал. Он видел, что его слушают, по-разному воспринимая его слова, но слушают жадно.

— Другови! — сказал он.

— Я запрещаю вам говорить, — сдерживая бешенство, крикнул Тедьер.

— Другови! — повторил профессор уверенно и твердо.

В зале раздались бурные аплодисменты. Но кто-то уже свистал, кто-то кричал: «Долой!». На левом крыле галерки возникла драка, вниз полетели шляпы. Понимая, что ему договорить не дадут, Милутинович решил сказать главное.

Шум и рев не могли заглушить его голос.

— Тито может на время отучить коммунистов говорить, как это было на съезде, но он не отучит их думать. Проклятье покорным трусам! Мы не хотим двурушничать, влачить жизнь пресмыкающихся, мы свободные люди и хотим, чтобы наши дети дожили до коммунизма. Многие растерявшиеся спрашивают, что делать. Резолюция Информбюро отвечает на этот вопрос. Необходимо прогнать Тито и выдвинуть новое, интернационалистическое руководство КПЮ! Вот что надо делать! — во всю мощь своего голоса закричал Милутинович. — Долой военную диктатуру, долой казнокрадов!

Четыре переодетых офицера УДБ силой стянули оратора с трибуны. Он шел, упираясь, офицеры подталкивали его. Разорвался пакет. На пол упала пара белья, раскрылась коробка зубного порошка, и мел просыпался на трибуну.

— Вот как у нас ходят на партийные собрания! — выкрикнул в задних рядах задорный молодой голос.

— Милутинович, говорите! — кричали с галерки.

— Предлагаю исключить профессора Милутиновича из партии, как агента некоей иностранной державы. Могу здесь сообщить, что обвинительный материал на него уже имеется в министерстве внутренних дел! — закричал Тедьер. — Кто за, подымите руки!

Часть рук с готовностью взметнулась вверх, голосовало меньше половины. Даже не поглядев в зал, Тедьер заявил:

— Бывший профессор Милутинович исключен из партии единогласно. Попросим его немедленно покинуть партийное собрание.

— Мы против! — раздались голоса из разных концов зала. — Считайте голоса!

— Вас не спрашивают,— ответил председатель собрания; он был смущен и нервно теребил колокольчик.

Милутинович, провожаемый аплодисментами самых смелых товарищей, медленно пошел к выходу. Несколько студентов сочувственно пожали ему руку. Где-то в рядах мелькнуло лицо старого друга. Он сидел неподвижно. Профессор заметил, что обычно добрые голубые его глаза горят неудержимым гневом. У Милутиновича отлегло на душе.

На улице два милиционера, очевидно, уже поджидавшие профессора, подошли и что-то сказали ему. Он, не сопротивляясь, последовал за ними. Втроем они перешли мостовую, спустились по каменной лесенке в сквер, пересекли его возле площадки с песком, на которой играли дети, и очутились перед каменной стеной «Главнячи». Проходя мимо детей, Милутинович замедлил шаги, потрепал по щеке пухленькую девочку, лепившую из песка пирожки, и вдруг попросил у нее на память игрушечное ведерко. Девочка удивилась, но отдала его, и он пошел дальше с ведерком в руке.

Раскрылась хорошо знакомая старому революционеру кованая дверь проходной будки. Когда она открывалась, из тюрьмы на улицу вырвались знакомые с детства слова. Арестованные пели в камерах «Интернационал».

ПРОЛОГ

Из романа «Коммунисты»

Луи АРАГОН

Рисунки О. Верейского

Уже пятый день сквозь все бреши, через все ущелья Восточных Пиренеев катился угрюмый поток, совершался великий исход побежденного, но не покорившегося народа, полного гневного изумления перед постигшей его судьбой, находившего на пути отступления лишь слабые преграды, но встречавшего злобную грубость солдат и жандармов там, где он думал встретить скорбь и французское великодушие; пять дней по всем дорогам двигались люди — пешком, на телегах, в переполненных грузовиках, с узлами нищенских пожитков — жалких следов уже далекой жизни, сметенной ураганом; и пять дней в пограничной полосе бестолково суетились растерянные, захваченные врасплох власти, ничего не предвидевшие, ничего не предусмотревшие: ни этого нашествия несчастных, ни организации приемных пунктов, ни крови раненых, ни верениц изнуренных женщин, падавших на дорогах, ни стариков, умиравших в грязи величавой смертью, ни детей, потерявшихся в голом поле.

* * *

В Перпиньяне сошел с поезда высокий, худой и довольно румяный человек лет тридцати пяти, по виду весьма похожий на педагога, кем он и был в действительности,— делегат Комитета помощи испанской интеллигенции, председателем которого состоял Жюль Баранже, член Академии, получивший Нобелевскую премию за открытия в области химии. Пьеру Кормейлю удалось в конце концов убедить директора лицея, что среди беженцев, несомненно, есть очень много профессоров и, значит, тут затронута честь университета; подействовало также имя знаменитого Баранже, а к тому же сотоварищ Пьера учитель Моро согласился вести за него уроки географии в течение недели...

Всю дорогу Пьер — он выехал с ночным поездом — не мог сомкнуть глаз и был точно пьян от тех мыслей, которыми он мучился, как и множество других людей во Франции, потрясенных резким поворотом в испанских событиях. Ведь еще недавно, в прошлом году, он ездил в Мадрид с делегацией Лиги народного образования! Читая в газетах новости, приходившие из-за Пиренеев, он испытывал двойственное чувство — ошеломленности и лихорадочного возбуждения,— и те же самые чувства переживала вся Франция. И вдруг во французских газетах полная смена позиций: испанский народ предлагалось отдать на милость победителей, новых хозяев страны.

Из Парижа, где во время грандиозных демонстраций Народного фронта люди бросали не только пятифранковые бумажки, но как будто и сердце свое бросали в полотнища лилово-желто-красных флагов, которые держали за углы юноши, поднимая одну руку, сжатую в кулак, из Парижа было физически невозможно вообразить невообразимое — это крушение надежд, это отрицание истории, вторгшееся в историю, эту трагедию в городах и селах Испании, это торжество помещичьей знати, фалангистов и марроканских наемников. Пьеру не верилось, он решил вложить персты в кровавые раны Свободы,— ему нужны были осязаемые доказательства катастрофы. А тут еще этот лицей, питомник золотой молодежи Пасси и Отейля, и настроения, царившие среди его коллег: скептицизм, ирония одних и злорадство других. Стряхнуть с себя все это, стряхнуть! И вот по первому зову Комитета помощи...

Когда Пьер Кормейль сошел с поезда, пепельносерая мгла, нависшая над городом, показалась ему продолжением тяжкой, бессонной ночи, проведенной в вагоне. Оттого, что он совсем не спал, на скулах у него горели багровые пятна. Черные глаза учителя во всем уже видели преддверие ада, хотелось поскорее начать действовать. Подняв бархатный потертый воротник пальто, он подхватил свой чемоданчик и, поеживаясь от холодной сырости, от которой покраснел нос, сутулясь по своему обыкновению, быстро зашагал в город разыскивать по адресу, полученному в Париже, отделение комитета Баранже, уже открытое здесь местными общественными деятелями. Он не спрашивал дороги, так как был когда-то преподавателем в Перпиньяне.

Необычная сутолока, мрачная и какая-то лихорадочная, усталые лица, безнадежные жесты были для него заметнее, чем для какого-нибудь новичка-приезжего, не знавшего города. Везде было много полиции. Проносившиеся автомобили начальствующих особ создавали на улицах искусственное оживление. На площадях стояли кучками люди, о чем-то говорили. Сумрачный, похоронный свет, холод, липкая грязь казались нарочно созданной декорацией для шествия длинных колонн изможденных людей в рваной одежде, еще сохранявшей что-то военное; раза два — три они попались ему на дороге: под конвоем солдат французских колониальных войск с ружьем на ремне их вели куда-то дальше, для размещения за городом. У некоторых была обмотана тряпками голова, у других рука подхвачена косынкой; сквозь серые бинты неумело сделанных перевязок проступали пятна крови; многие хромали и шли, опираясь на палку.

Представитель комитета, Устрик, низенький, несколько дней не бритый толстяк-южанин, преподаватель из департамента Од, оказался человеком, вполне соответствующим всему этому кошмару. Рожденный для солнца и беспечальной, ленивой жизни, он способен был только дополнять тяжелую картину вздохами, отчаянием, полной своей беспомощностью и глубоким изумлением.

— Что делать?! — восклицал он. — Что делать?! Я здесь один. Чиновники префектуры... Ах, это просто чудовища, чудовища!.. Если бы вы только знали!.. Общественные организации делают, что могут... но много ли они могут?..

Он говорил, говорил, не зная, как называть приезжего длинноносого парижанина, «господин» или «товарищ», звук р дребезжал в его картавых жалобах, как разбитое стекло, и все они перемежались шумными вздохами, как будто он запыхался от долгого бега.

Немного времени понадобилось, чтобы Пьер понял, откуда у Устрика эта растерянность, которая могла бы показаться комичной, если бы не печальные обозы на улицах, если бы не женщины, скученные в школьном дворе, как скот в загоне, толпы иззябших людей, их ребятишки, их нищета, голод, грязь, и нечего им было даже накинуть на себя, чтоб защититься от ледяного ветра; если бы не эти брошенные дома без крыш, с вывороченными рамами окон, этот дощатый барак, где все было пропитано запахом гноя, где лежали вповалку умирающие от ран или от болезней, без всякого ухода, без медицинской помощи, под надзором одной только старухи в форме сестры милосердия, которая через каждые три слова набожно складывала руки и шевелила бледными губами в молитвенном шопоте, подрагивая дряблыми щеками, а каждого посетителя принимала за долгожданного хирурга, потому что вон там в углу ужасно кричит раненый с пробитым черепом...

Организации делали, что могли, как говорил Устрик. И когда Пьер пошел по ним в обход, он встретил в Бюро народной помощи, в партийном комитете активных деятелей, своих старых знакомых. Но то, что он узнал от них, то, что увидел сам, наполнило его негодованием: шло гнусное, глухое, лицемерное и жестокое сопротивление некоторых политических группировок и полиции, стремившихся всяческими осложнениями помешать делу помощи, необходимой тысячам и тысячам людей, унесенных с родины смерчем; во всем было видно стремление нарочитой путаницей, волокитой сломить порыв сердец, маскируясь добрыми намерениями. Трудно было сказать, чем они больше вредили: дезорганизацией, склоками или бессилием. Неуловимые саботажники общественного дела засели на всех ступенях и как будто нарочно поставили своей целью опозорить Францию, провалив всякую попытку проявить человечность. На всех ступенях.

ПЕРЕДОВОЙ ПИСАТЕЛЬ ФРАНЦИИ

Луи Арагон.

Морис Торез, выступая на съезде коммунистической партии Франции в 1945 году, назвал Луи Арагона «поэтом родины».

Связав свое творчество с борьбой французского народа, Арагон стал крупнейшим писателем Франции, воином и трибуном лагеря французской демократии.

Арагон выступает во Франции глашатаем борьбы за правдивое искусство, за реализм. Знаменательным этапом творческого пути явилась книга стихов «Ура, Урал», воспевающая советских людей, строителей первой пятилетки.

Созданный им цикл романов о Франции, начатый «Базельскими колоколами», Арагон назвал «Реальный мир». К этому циклу, по мысли автора, относится его новое произведение — задуманная им патриотическая эпопея «Коммунисты», первые две части которой сейчас вышли в свет во Франции.

Нелегко стоять на посту писателя-патриота, писателя-коммуниста в капиталистической Франции. Французская реакция, вчера предавшая страну гитлеровским палачам, сейчас старается превратить Францию в плантацию американских империалистов.

Арагон испытал на себе преемственность «методов» охранников гестапо и нынешней американской агентуры во Франции. В годы оккупации Франции с ним пытались расправиться гитлеро-вишийцы. Но поэзию Сопротивления нельзя было запереть на замок и расстрелять. Стихи поэта уходили в горы вместе с партизанами, они растекались по стране, превращаясь в песни, марши, партизанские пароли. О героической смерти заложников города Шатобриана Франция, а затем и весь мир узнали из пламенной листовки-очерка, которую Арагон подписал словами «Свидетель мучеников». Это произведение вошло в его книгу «Человек-коммунист», которая как бы подводит величественный итог подвигам французских патриотов.

«Пусть примером нам русское мужество служит!» — так заканчивал Арагон стихотворение «Радио — Москва», написанное в подполье осенью 1941 года.

«Я вспоминаю, — говорил Арагон в своем недавнем выступлении в Колонном зале в Москве, — как в горах во Франции я слушал по радио звон часов на Красной площади и шум московских улиц как будто через открытое окно и как я тогда думал: «И мы тоже...» — ничего не прибавляя к этим трем словам, которые сулили все самое хорошее, великое, благородное и чистое для моей родины».

Боевая поэзия Арагона, как светлое окно, распахивалась в широкие русские просторы, где ковалась величественная победа советского народа, освободившего мир от нацистской тирании.

То, что не удалось петэнам и штюльпнагелям, преследовавшим Арагона, поэта Сопротивления, ныне пытаются осуществить блюмы и жюль моки. Они ненавидят Арагона, стойкого борца за мир, верного друга Советского Союза.

Осенью этого года по приказу Уолл-стрита французские правители лишили Арагона гражданских прав. Не удовлетворившись этим, они вскоре посадили поэта на скамью подсудимых. «Вина» его состояла в том, что он в качестве руководителя газеты «Се суар» пригвоздил к позорному столбу высокопоставленных полицейских, расстрелявших мирную демонстрацию парижских рабочих. Французский суд не решился выполнить заморский приказ... Времена теперь не те! Не так-то просто «ликвидировать» видного деятеля всемирного движения борьбы за мир!

«Сегодня под знаменами сторонников мира собралось около миллиарда людей, — говорит Арагон. — ...Народы с каждым днем все лучше понимают, что их счастье зависит от них самих и что им показан путь советскими народами... Мы будем учиться у Ленина и Сталина, как разрушать тюрьмы народов».

Арагон — неутомимый пропагандист великого учения гениев человечества, вдохновляющего сотни миллионов людей на борьбу за мир и демократию во всем мире. Арагон-поэт призывает писателей сделать свое слово оружием борьбы за мир, «создать новый эпос, необъятную песнь борьбы за мир, прославляющую жизнь, красоту, отвергающую атомщиков — убийц». Он напоминает поэтам всех стран о примере лучшего поэта советской эпохи — Владимира Маяковского.

Арагон беспощадно разоблачает литературных прощалыг, сартров, мальро и прочих злобствующих космополитов, мечтающих превратить свободолюбивые нации в безродных рабов доллара.

Замысел своего нового произведения «Коммунисты» Арагон определяет так: «Представить нацию и представить во главе нации мою партию».

Роман «Коммунисты», главы из которого печатаются здесь, подвергался обсуждению на многолюдных рабочих собраниях в Париже — явление, невиданное в капиталистической Франции. Рабочие-читатели высказывали одобрение своему писателю, критиковали, спорили.

Это — не только свидетельство успеха Арагона, взявшего тему, близкую широкой демократической аудитории. Это — и свидетельство идейного роста французских трудящихся, которые борются за то, чтобы стать хозяевами своей страны, ее культуры, строителями счастливого будущего своей родины.

Б. ПЕСИС

Тут были канцелярии. Были распоряжения из Парижа. Были люди, говорившие о побежденных с великих пафосом и тут же восклицавшие, что все это, конечно, благородно, замечательно, но теперь надо считаться с Франко, он будет нашим соседом, а интересы Французской республики, как говорил депутат Висконти, член «Социалистического и республиканского союза», должны для нас стоять выше интересов Испанской республики. Устрик был неистощим в своих рассказах «об этом Висконти, об этом мерзком карлике с чолкой на лбу», на которого он наталкивался на каждом шагу, во всех своих хлопотах. Висконти говорил префекту:

«Подумайте, господин префект! Разве это возможно! Ведь это будет неприятно Франко! Что мы скажем, когда у нас возобновятся дипломатические отношения с Испанией?.. А ведь они скоро возобновятся, это совершенно очевидно... Я разговаривал с Даладье и знаю его намерения... Это вопрос нескольких недель. Англия уже решилась послать в Бургос наблюдателя. Как член парламентской комиссии по иностранным делам я могу вас заверить... Чего ради вмешивается этот Баранже? Право, просто смешно! Какие претензии у нашей интеллигенции! А вы послушайте-ка здешних умников!.. Ну взять хотя бы Леопольда Рока — для него все ясно, как дважды два четыре: коммунисты — хорошие люди, а все остальные — дрянь. Уж я-то их знаю, как свои пять пальцев! Слышу их на каждом митинге во время выборной кампании и как увижу этого Леопольда, думаю: «Ага, вот и мой Леопольд — тут как тут...»

Висконти добавлял, что Жюлю Баранже гораздо лучше было бы заниматься только своими пробирками... Неизвестно, в какой степени влияли на префекта, г-на Дидковского, подобные заявления, но уж если не влияли, то не по вине Висконти!

— Этот поганый болтун постоянно торчит там,— жаловался Устрик,— и уж слова никому не даст сказать, всех заговорит!..

И еще была также местная политика: торжество тех, кто почти три года, не смея открыто в этом признаться, ждал победы Франко, а среди тех, кто поддерживал республику, шло соперничество, отыскивали своих людей среди жертв, желали дать одним умирающим и голодным преимущество перед другими умирающими и голодными. И невозможно было установить хоть какой-нибудь порядок из-за этой замаскированной борьбы, из-за безумного желания отдельных группировок считать себя единственно правыми, из-за разлагающей заразы анархии, губительной для Испанской республики, из-за происков темных элементов, поставивших себе целью обратить поражение в свою победу. Чувствовалась их скрытая ненависть к определенному разряду мужчин, женщин, даже детей, скрытая лишь потому, что коммунистическая партия во Франции была еще легальной, но все знали, что они кричат с пеной у рта об анархистах, «пистолетчиках», как их называли, только для отвода глаз, ибо ложь вдруг стала тут очевидной и единственной правдой оказался их страх перед «красными».

* * *

Комитету Баранже сообщили, что среди беженцев, прибывших накануне и помещенных в битком набитый барак, находившийся в ведении коммунистов, есть какой-то старик, еле живой от усталости и от астмы, и кажется, это ученый, профессор Мадридского университета. Устрик и Кормейль вместе отправились в префектуру просить для него «пропуск для следования в Париж». Больше часу их весьма вежливо отсылали из отдела в отдел, из управления в управление, и они уже начинали приходить в отчаяние, но вдруг натолкнулись на какого-то чиновника из личной канцелярии префекта, которому имя мадридского профессора оказалось знакомо, и он все устроил в две минуты. Чиновник был необыкновенно изящным молодым человеком, о нем говорили, что он, кажется, член «французской социальной партии», но человек образованный: окончил историко-филологический факультет.

— Как! Профессор В.? — воскликнул он.— Да ведь это автор любопытной книжицы об арабской этимологии собственных имен, встречающихся в «Песне о Роланде»!.. А наплевать мне на то, что скажет Висконти! В конце концов, он ведь не министр внутренних дел. Да он уже и удирает отсюда, сам мне сейчас сказал!.. Едет в Антибы. Скатертью дорожка! Говорят, в Антибах сейчас великолепная погода... Пускай погреется, а уж мы как-нибудь без него проживем с нашей мерзкой погодой и с нашими неприятностями!

И благодушный Устрик восхитился:

— Вот если б в префектуре побольше было таких людей, как господин Кордье!

Кормейль покачал головой. Он не очень был уверен, что умножение числа любителей этимологии значительно облегчило бы задачу помощи республиканцам...

В бюро комитета Баранже, поместившегося в маленьком пыльном магазинчике, где в одном углу лежали кипы листовок и брошенное в беспорядке оборудование походной типографии, сидел профессор В., закутанный в выцветшее одеяло, которое ему дали, и горько плакал, склонив спину и закрывая лицо худой рукой с узловатыми, ревматическими пальцами: дорогой где-то потерялась его жена, и он знал, что больше не увидит ее. У нее был тяжелый порок сердца, она уже три года не выходила из дому, даже во время бомбардировок Мадрида. Он плакал и что-то жалобно говорил старческим голосом. «Что он говорит?» — спросил Кормейль. Но Устрик, пожав плечами, запыхтел: «Ничего интересного, то же, что и другие. Это социалист, он проклинает Блюма».

* * *

В этом месте перевала дорога проходила через пограничную деревню, расположенную в глубокой лощине между двумя горами. Подъезжая из Франции, надо было спуститься между маленькими домиками; почти все они пустовали, так как большинство жителей давно бежало отсюда. Миновав караульный пост, где происходила проверка документов, надо было пройти еще метров сто до военного кордона, поставленного перед натянутой железной цепью, отмечавшей границу Франции. За этой цепью дорога начинала подниматься в гору, к испанской деревне, отличавшейся от французской только тем, что в ней собрались встревоженная толпа беженцев и республиканские солдаты, ожидавшие разрешения вступить на землю Франции.

Благодаря любителю этимологии у Кормейля и Устрика имелось разрешение на переход границы в целях поисков испанских интеллигентов, которым предоставлялось преимущество перед всеми прочими беженцами. Уже иссякавший поток великого исхода натолкнулся у врат спасения на непреодолимую преграду, поставленную лишь накануне. Прибывавшие автомобили и мотоциклисты приносили вести о приближении франкистов. Несчастные люди подходили к французскому кордону, умоляли пропустить их... Но большинство беженцев, теснившихся

в домах, во дворах, на улицах, лежавших в грузовиках или расположившихся табором за деревней, точно застыло в безмолвном спокойствии, полном достоинства и глубокого презрения. После хаоса, царившего в Перпиньяне, эта выдержка, эта стойкость испанского народа, эта тишина поражали.

У всех — у женщин, одетых в черное и окруженных детьми, цеплявшимися за юбку матери, у мужчин, которые сидели на земле, поставив винтовку между колен, — у всех на лицах можно было прочесть мрачную решимость, и всякий, кто видел этих людей, думал, глядя на них: «Чего же, в сущности, чего они еще ждут?»

У военного испанского поста два наших делегата поговорили с офицерами, послушали их рассказы об отступлении, о событиях последней кровавой недели, об эпизодах последних часов защиты Барселоны. А нет ли среди этих несчастных, ожидавших тут решения своей судьбы, кого-нибудь из интеллигенции: адвокатов, инженеров, профессоров, врачей?

— Ну, конечно, есть, — сказал молодой капитан. — Доктор... Есть тут один доктор... Как же...

И он отдал приказ, чтобы разыскали доктора. Доктору, вероятно, было уже лет пятьдесят, он был в очках с одним стеклышком: другое выпало. Полный человек, цвет лица желтоватый, как папиросная бумага, руки очень маленькие, жилистые и быстрые; разговаривая, он все время однообразно и нервно помахивал ими перед самым лицом. Нет, нет, он не может принять предложения. Синьор француз очень любезен, но это невозможно... Нет, он не перейдет границу, тут есть тяжело раненный. Да и вообще... все эти люди... Как же их бросить? Им нужна медицинская помощь. Устрику не удалось его уговорить...

Они пошли вместе с врачом взглянуть на раненого. Его поместили в каком-то подвале с земляным полом, под лестницей из серого камня. Он лежал на носилках и тихо хрипел. Он казался сраженным великаном. Он хрипел, держась руками за живот. Ранен он был также и в ногу. Заострившийся нос, запавшие ноздри, быстро хватавшие воздух, землистое лицо, провалившиеся глаза и синеватая щетина отросшей бороды.

— Доктор, ведь он выкрутится, а? Правда ведь, выкрутится?

Голос, произнесший по-французски эти слова, несомненно, был голосом француза. Прищурив глаза, Кормейль всмотрелся в темноту и тогда разглядел широкоплечего парня, сидевшего на мешке; одежда на нем была полугражданская, полувоенная.

— Француз? — спросил Кормейль. Доктор подтвердил это и тихо сказал:

— Вот видите. Как же я могу оставить раненого?

Раненый вздохнул и повернул к свету мутные, невидящие глаза. Потом сказал что-то. Француз спросил:

— Доктор, можно ему дать немножко попить? Жажда у него. Он говорит: пить хочется.

— Нет, лучше бы не пить, — сказал доктор...

— Француз? — повторил Кормейль.

Впрочем, это почти и не было вопросом. Парень вышел вместе с ним на свет.

Это был высокий малый во всей силе молодости; даже в разношерстном снаряжении мотоциклиста Интернациональной бригады, с кожаной портупеей и патронной сумкой у пояса, с ружьем в руке, невозможно было не узнать в нем с первого взгляда французского рабочего. «Как странно! — подумал Пьер. — У наших даже борода как-то по-особому растет». Да еще у него была эта неподражаемая манера французского рабочего носить шарф, старенький бумажный шарф, завернув его вокруг шеи.

У француза только одно было на уме — его раненый товарищ, Антонио. Он почти не слушал Устрика, который все убеждал его, что можно сговориться с французским кордоном: там ребята, кажется, не очень злые, и его пропустят через границу, поскольку он француз. Но парень, так же как и доктор, не хотел бросить раненого Антонио. Он оказался парижанином; с 1936 года сражался в интернациональных бригадах. Сначала он говорил очень сдержанно, недоверчиво, а потом — может быть, от слов Кормейля об интернациональных бригадах, может быть, от того, что Кормейль упомянул имя Марти, — он вдруг смягчился и даже решился спросить:

— Вы что же, коммунист, а? Чудно как: я сразу увидел... Понятно, надо мне вернуться во Францию... А как же Антонио-то?..

Оставаться ему не было никакого смысла. Антонио вот-вот умрет. Разве в таких условиях можно что-нибудь сделать для человека, раненного в живот? Как это случилось? Да вот такая подлость! Начали с воздуха бомбить колонну беженцев, которую они сопровождали.

— Вы ведь не знаете, — сказал француз, — какой Антонио человек... Не потому говорю, что он мне товарищ. Нет. Жалко такого человека потерять!.. Эх Антонио!.. Гады проклятые!.. — у него даже пот на лбу выступил.

— Слушай, товарищ, — сказал Пьер. — Нельзя тебе упускать такой случай. Ты и представить себе не можешь, что делают франкисты с бойцами интернациональных бригад!.. У нас есть бумага из префектуры, мы можем провести тебя через границу... Подумай, какая удача! Конечно, Антонио очень жаль, но ведь ты же слышал: доктор сказал, что ему конец. Как твоя фамилия? Я впишу в пропуск.

— Бланшар, Рауль, — только не Бланшарт, а «Бланшар» — без *т*... Родился в Париже. В каком году? Четвертого июля 1910 года. Погодите, я с Антонио прощусь.

Он вошел в подвал, опустился на одно колено возле носилок и тихонько откинул волосы со лба раненого. Потом вынул из кармана бурую тряпицу, бывшую когда-то носовым платком, и осторожно вытер пот с его лба.

— Антонио... Антонио... Ты меня слышишь?

Раненый прошептал что-то.

— Слышишь, Антонио? Да?.. Слушай... Жить надо, Антонио!.. Понимаешь? Надо жить!.. Ты не думай, что я тебя бросил... Понимаешь, Антонио, ведь и дальше будем бороться... Я должен уйти... Эх, да он уж опять не слышит!.. Антонио!.. Слышишь меня? Да? Я тебя не бросил одного... тут доктор... Ты не слушай, что тебе будут говорить... Надо жить... надо выздороветь... Ведь будем и дальше бороться... Ничего не потеряно, Антонио, ничего не потеряно... тебя отвезут в госпиталь, ты поправишься. Слушай, Антонио. Запомни, хорошенько запомни... Когда поправишься... Эх, да он не слышит больше! Антонио, Антонио!

Антонио приподнял руку, хотел сказать что-то и не мог.

— Антонио, запомни хорошенько, где я живу в Париже: улица Кантагрель, дом тридцать три, тринадцатый округ... Рауль Бланшар. Как выздоровеешь, Антонио, встретимся с тобой. Я тебя ждать буду, Антонио.

Доктор что-то сказал по-испански и быстрыми своими маленькими руками оттащил Бланшара... При свете пасмурного, угрюмого дня лицо у Бланшара было иссиня-бледное... Он еще раз сказал: «Антонио»... и теперь уж думал только о своей винтовке. Придется сдать ее на военном посту или можно во Францию унести? По крайней мере, тогда у Франко будет хоть одним ружьем меньше.

Об этом и речи быть не могло. К пограничной заставе надо подойти без оружия, а для отвода глаз сказать про Бланшара, что он инженер. Бланшару было почти так же тяжко расстаться со своей винтовкой, как и с товарищем. Он шел, довольно сильно хромая: еще не зажила рана на ноге, хотя он месяц пролежал в госпитале. Этим и объяснялось, почему он тут оказался...

На обратном пути их встретила неприятная неожиданность. На заставе сменили воинскую часть: вместо солдат подвижной гвардии, стоявших в кордоне два часа назад, там теперь поставили сенегальцев. В подвижной гвардии были неплохие ребята. Прежде всего большинство из них разделяло общее чувство ненависти к Франко... А разве сенегальцы могли понять, что тут происходит? Их привели, офицер сказал им речь, то есть изложил своими словами военный приказ, все объяснил так, как они должны были понимать, по мнению офицера, а офицер держался того мнения, что с красными церемониться нечего. И вот сенегальцы стояли в этом пиренейском ущелье, держа винтовку наперевес, как будто собирались поддеть на штык всякого, кто попытается перейти границу, и все они покачивались, переминаясь с ноги на ногу, словно плясали танец смерти, черные, с удивленными лицами, с белыми, сверкающими зубами, ничего не ведавшие, ничего не понимавшие. Раз два, с одной ноги на другую, раз два. Отточенный штык вперед. С одной ноги на другую. Они знали только одно: долг, приказ. Белые по нашу сторону границы велят колоть других белых по ту сторону границы, вот и все. С одной ноги на другую, раз, два. Испанцы с ужасом смотрели на это нелепое покачивание, на этих черных великанов, рядом с которыми их офицер казался плюгавым заморышем... Огромные черные вооруженные люди, непонятные, как роковая судьба. С одной ноги на другую. Бессмысленное покачивание.

Все же бумажки из префектуры, росчерки подписей, печати оказали некоторое действие на сенегальца унтер-офицера, он послал за распоряжениями и, когда стрелок вернулся, пропустил Устрика, Кормейля и их спутника. На французском военном посту дело тоже пошло негладко. Поднялся спор и крик.

— Вы, господа делегаты, должны были привести испанских интеллигентов, а кто это с вами? Этот, как его, Бланшар Рауль, кто он? Французский инженер?.. Что-то не похоже! И как он там оказался?

Кормейль разошелся вовсю:

— Вы не имеете права, я делегирован Жюлем Баранже, членом Президиума Академии наук!..

Может быть, ничего и не удалось бы, но вдруг затрещали выстрелы по ту сторону границы.

— Что там такое? — крикнул офицер и выскочил из барака.

Поднялась суматоха. С кордона прибежал сенегалец. Дали приказ: «Собрать солдат!». Прижимая локти к бокам, опрометью промчался унтер-офицер колониальных войск.

— Ну как же, господин лейтенант? Разрешите вы нам перейти или нет?

— Да ну вас к дьяволу, проходите, только убирайтесь поскорее! Не до вас тут! Армия Франко подходит.

С испанской стороны слышались выстрелы, крики, вой.

— Эх, сволочи! Антонио-то как же! — сказал Бланшар.

Но надо было воспользоваться снисходительностью офицера, пока он не успел отменить разрешение. Устрик напрямик и очень грубо сказал это Бланшару. Он с Кормейлем чуть не силой тащили Бланшара, а тот все оглядывался назад. Франко... Франко на границе... все кончено... Мы сделали все, что могли... Франко...

«Право, как подумаю, что теперь этот свинья Висконти будет ликовать... со своей челкой поганой... и в спортивном костюмчике...»

— Кто он такой в смысле политических взглядов? Как вы говорили, товарищ? — спросил Кормейль, ускоряя шаг.

А Устрик пыхтел:

— Социалистический и республиканский союз... Считается, что примыкает к Народному фронту..., но в тридцать пятом году они голосовали за Лаваля... Партия как партия, всякой твари по паре...

Кормейль не мог удержаться и покачал головой. Нечего сказать: «Партия как партия»! А что ж, милый мой, — тут тебе и социалисты, тут и радикалы, чего еще надо!

Автомобиль они оставили у въезда в деревню. Шофер, парень из Народной помощи, пил пиво в маленьком кабачке, битком набитом солдатами, и радио там пело: «Увижу вновь мою Нормандию — любимый край родной...»

И только тут, глотая горячий кофе — «Бурда какая-то, а все же согревает», — Бланшар позволил себе подумать о Полетте, о маленьком сынишке Раймонде, которого он почти и не знал. Вот вытаращит-то глазенки Мондине!.. «Это не чужой дядя, Мондине: это папа». А какая теперь Полетта? Поди, переменилась. Больше двух лет не видались!..

А там, у железной цепи, сенегальцы все плясали свою пляску с ружьем, словно большие автоматы, бессмысленно покачиваясь перед первым отрядом франкистов, появившимся у границы во главе с капитаном, ехавшим на лошади. И когда подошел начальник французской заставы и встал рядом с сенегальцами, офицер-франкист спешился и, отсалютовав саблей своему собрату, стоявшему по другую сторону границы, представился:

— Капитано Пио Эрнандес! Арриба Франко!

Французский лейтенант замялся. Случай непредвиденный... Но, мгновенно разрешив сомнение, приложил руку к каске и отдал честь:

— Лейтенант Тьерри, офицер французской армии...

Вдали все еще гремели выстрелы.

(Окончание следует.)

Перевод с французского
Н. ЖАРКОВОЙ и Н. НЕМЧИНОВОЙ

Венгерские народные песни

* * *

Конь Кошута, он заслужил овса мешок большой
За то, что вокруг Венгрии он дважды обошел.
А если б еще раз ее сумел он обойти, —
В австрийскую бы армию венгерцам не идти.

* * *

Убили молодца
За шестьдесят монет
И в Тиссу головой.
Не езди на коне.
Но Тисса, не приняв,
На мель его несет,
На свой корабль моряк
Тут молодца берет.
Приходит мать к нему:
— Склонись на грудь ко мне.
Встань, сын родной мой, встань!.
Не слышит в темном сне!
— Нет, встать я не могу:
И смерть в моих очах,
И смоль моих кудрей
Застыла на плечах.
Отец идет к нему:
— Склонись на грудь ко мне.
Встань, сын родной мой, встань!..
Не слышит в темном сне!
— Нет, встать я не могу:
И смерть в моих очах,
Примерзла мне к ногам
Медь шпор на сапогах.
Его голубка тут,
Он слышит, как во сне:
— Встань, розан мой родной,
Склонись на грудь ко мне...
— О, роза, встану я,
Чтоб в ночь не уходить,
Раз верная любовь
Пришла меня будить!

* * *

Мчится Тисса перекатно,
Вниз стремится невозвратно,
Поцелуй плывет там милой,
Эх, коль жаль, бери обратно!
То светлей, то гуще вечер,
Милый мой идет навстречу,
Шляпу он приподымает,
Эх, мне понравиться желает!
Что ты зря приподымаешь,
Что твоя, и так ведь знаешь,
Ты ж не в лавке куплен мною,
Сорван, как цветок весною.

* * *

За всю ту ночь и часа не спал я, как шальной,
Все милой розы жалобы я слышал до одной.
Устала в полночь правая рука моя,
И левою рукой обнял голубку я.
Ведь если надоело меня тебе любить,
Возлюбленного нового поищем, так и быть.
Дай бог, чтобы красивей, добрей меня нашла,
А мне бы лишь такую, какою ты была.

* * *

Три дороги предо мной — на какой остаться!
Трое милых у меня — с кем мне расставаться!
Постоянен первый друг, второй — настоящий,
Третий будет мне как раз самый подходящий.

* * *

Храни ту улицу, господь,
Моя там роза бродит,
В алмазы камни превращу,
Пусть в них себя находит.
Карай ту улицу, господь,
Где бродит мой завистник,
Я камни в бритвы превращу,
Пусть рухнет, ненавистный.

Перевел Николай ТИХОНОВ.

«Перемены в Лицзячжуане»

Долгое время в китайской литературе жил образ забитого, задавленного нуждой и произволом бедняка-крестьянина. Его страдания, обиды, муки и горести служили предметом сочувствия для многих просвещенных литераторов Китая, но редко кто предвидел из них тогда, какая новая, светлая судьба ждет их униженного и будто бы рабски покорного героя.

Наиболее трагический рассказ о жизни и гибели одного маленького человека китайской деревни принадлежит перу Лу Синя, писателя, который беспощадно раскрывал все язвы и все пороки феодально - империалистической системы Китая. Но Лу Синь был не только страстным обличителем. Он был еще и великим писателем-революционером. Рисуя жизнь народа, который четыре тысячи лет рос в глубоком «молчании, хирея и увядая, словно придавленная огромным камнем трава», он к концу своей жизни, в тридцатых годах, уже ясно видел бурю, зреющую в этой молчаливой народной душе, и видел силы, ее пробуждающие. И только ранняя смерть помешала писателю показать эти силы в повести о революционном подъеме крестьянских масс Китая.

Теперь мы читаем одну из таких повестей. Ее написал молодой китайский литератор Чжао Шу-ли.

Повесть называется «Перемены в Лицзячжуане». В ней рассказывается о переменах, происшедших в одной китайской деревне за время с конца двадцатых годов до дней победы над Японией. Именно в эти, наиболее бурные событиями пятнадцать лет забитый крестьянин-бедняк находил пути к борьбе и вступал в нее, возвышая свой голос над четырьмя тысячами лет молчания.

Счастье крестьянина-бедняка Те-со из повести Чжао Шу-ли состояло в том, что он встретил верного друга. Им был Маленький Чан, коммунист Сяо Чан.

Да, эта встреча наконец состоялась. Деревня Те-со лежала в горах Северного Китая. Где-то, не слишком далеко от нее, за рекой Хуанхэ, находился район, где люди голода и нищеты уже перестали бедствовать. Они сеяли просо и рис на своей собственной земле и не влезали больше в долги к жестокому ростовщику. Это сделали для них коммунисты.

Так было за рекой Хуанхэ. Но и еще ближе, в городе Тайюань, куда пришел на заработки разоренный Те-со, уже можно было встретить людей, которые хотели, чтобы все бедняки в китайских деревнях могли сеять рис и просо на своей земле и не отдавать свои фанзы за долги и аренду. Одним из таких людей был Маленький Чан.

Деревней Те-со правит помещик Ли Жу-чжэнь, он же староста, он же судья и исполнитель приговоров, он же настоятель сельского храма. Его племянники Чунь Си и Сяо Си творят расправу и разоряют бедняков. Гнусный Сяо Мао — слуга этих трех господ — дополняет своей подлостью картину разлагающихся, но еще царящих в деревне феодальных порядков.

Жизнь втягивает Лицзячжуан в большие, сложные и противоречивые события. Восстает в 1929 году против Чан Кай-ши губернатор провинции Шаньси—Янь Си-шань. Пока милитарист дерется с гоминдановцем, крестьян разоряют в домах и грабят на дорогах солдаты-бандиты. Покончив драку миром, губернатор начинает устраивать облавы на коммунистов, гноить в тюрьмах демократов. Потом проносится слух, что войска коммунистов из Шэньси переправились через Хуанхэ. Жителей деревни заставляют нести охрану дорог. Те-со рассказывает жителям о Маленьком Чане и о том, что Чан — тоже коммунист и друг бедняков. Спустя год на Китай нападает Япония. Коммунисты идут сражаться с врагом, призывают объединиться в этой борьбе весь народ, правительство вынуждено пойти с ними на соглашение.

Но деревня увидела скоро, что это был за союз. Пока солдаты Восьмой армии громили японские дивизии в горных проходах у Пинсингуаня, гоминдановские генералы сдавали японцам города. Пока Маленький Чан создавал в Лицзячжуане «Лигу спасения родины» и добивался снижения арендной платы и ссудного процента для бедняков, помещик Ли Жу-чжэнь со своими племянниками и гнусным Сяо Мао продолжали творить бесчинства и грабить народ, а потом и вовсе пошли на службу к японцам и начали предавать партизан. В столице провинции делал то же самое губернатор - милитарист. Во всем Китае проводил ту же политику Чан Кай-ши.

События вокруг Лицзячжуана совершаются теперь с поразительной быстротой. Бегут через деревню гоминдановские войска, район занимают японцы. Японцев выбивают солдаты Восьмой армии. Ли Жу-чжэня смещают, но племянники его идут в «ударную бригаду» губернатора, которая громит «Лигу», захватывает уездный город, казнит Маленького Чана, закопав его живым в землю. Партизанам приходится теперь бороться с двумя одинаково жестокими врагами. Солдаты Восьмой армии опять освобождают деревню.

Вот какие события совершаются в Лицзячжуане. Много перемен! И все они приводят к одной, самой главной — к перемене в сознании Те-со, Лын Юаня, Бай Гоу и других бедняков-крестьян, которые уже знают теперь, с кем и как им бороться. Они встают на путь Маленького Чана.

«Я думаю, что теперь в нашей деревне только одному Ли Жу-чжэню да его племянникам жить было бы невозможно. У них ведь все на обмане строилось. Но кого же сейчас обманешь? Деньги в рост дать? Но кому они нужны? Избить? А кто тебе спину подставит? Накричать? Но кто тебя слушать будет? Вот и судите сами: могли бы они в нашей деревне жить?.. За эти восемь лет войны мы превратили старый Лицзячжуан в новый. Это и есть наш главный итог!».

Так говорит новый староста Лицзячжуана. Но пока он вместе с жителями подводит итог переменам, из города приезжает Те-со. Он привозит плохие вести: Япония капитулировала, но правительство отдало приказ японцам не сдавать оружия войскам Восьмой армии. Против нее выступили войска Чан Кайши вместе с разным солдатским сбродом Янь Си-шаня. В стране начинается гражданская война.

Свободная деревня встает на новый бой. Она провожает бойцов. Среди них и сам Те-со и его сын, подпасок...

На этом автор прерывает свою повесть. Но жизнь пошла дальше. Она уже диктует теперь китайским писателям страницы новых произведений, в которых рассказывается о том, как народ победил изменников-гоминдановцев вместе с их американскими друзьями, как создал он великую Китайскую народную республику и как коммунисты уже выводят миллионы пробужденных ими бедняков на иную, светлую дорогу жизни.

Сам Чжао Шу-ли не хочет отставать от современности. Тем же простым и ясным языком хорошо знающего китайскую деревню литератора он рассказывает теперь о новых переменах, в ней происходящих. Эти рассказы читает весь демократический Китай. Они помогают и нам узнавать, как изменяются судьбы наших друзей на Востоке.

К. БУКОВСКИЙ

ЧЖАО ШУ-ЛИ. **Перемены в Лицзячжуане.** Повесть. Перевод с китайского. Издательство иностранной литературы. 1949. 171 стр. Цена 6 р. 75 к.

«Солнце над рекой Сангань»

После разгрома и изгнания японцев сложной жизнью живет китайская деревня Теплые воды. Борьба, развернувшаяся между гоминдановскими войсками и Народно-освободительной армией, приводит в движение всех жителей деревни. Кулаки и помещики ждут поражения коммунистов и полного восстановления своего прежнего, неограниченного господства. Бедняки уже расправили плечи, осмелели и готовы перейти в наступление на своих угнетателей. Но вековая привычка к покорности и страх перед теми, кто всегда давил и душил деревню, все еще живут во многих и мешают им перейти к решительным действиям. В этих условиях под руководством коммунистов в Теплых водах проводится земельная реформа.

Писательница Дин Лин.

Таково вкратце содержание романа китайской писательницы Дин Лин «Солнце над рекой Сангань». На этом чрезвычайно жизненном материале автор создал яркое произведение, правдиво отображающее сложный процесс революционного становления народа, его борьбу и победу.

Роман Дин Лин как бы знаменует собой и становление самой демократической китайской литературы, которая, повернувшись лицом к революционным силам нового Китая, все более художественно ярко и зримо показывает их в своих произведениях. Тематически и во времени роман этот служит прямым продолжением повести молодого китайского прозаика Чжао Шу-ли «Перемены в Лицзячжуане». События в нем развиваются в том же направлении.

Чувствуя, куда идет дело, из деревни Теплые воды бегут помещики. Но главный кровопийца, Цянь Вэньгуй, еще не хочет сдаваться. Он ждет помощи американцев, а пока, чтобы приспособиться, посылает сына в войска коммунистов, отдает дочь за милиционера, проводит фиктивный раздел земли между членами своей семьи.

Все это ставит втупик не только сельских активистов, но даже некоторых членов присланной из района бригады коммунистов. Что же говорить о самих жителях деревни, особенно о тех, кто еще верит во всемогущество богатых людей, в их вечность? Однако руководитель партийной организации села батрак Чжан Юймин и председатель Крестьянского комитета Чэн Жэнь понимают, что крестьян надо поднимать на проведение реформы.

Большую работу проводят вожаки деревни для того, чтобы повести жителей дальше, чтобы они покончили со своим страхом и колебаниями и разделили между собой землю бежавших помещиков. Вожакам мешает пустословие интеллигента-коммуниста Вэнь Цая. Им вредят предатель Чжан Чжэн дянь и шаманка Бо. И против сельских активистов стоит Цянь Вэньгуй, все еще владеющий своими богатствами и все еще пугающий бедняков своей властью и слухами, которые он распространяет.

Вот тут-то и явился на помощь вожакам коммунист, уездный агитатор Чжан Пинь. Любимец крестьян еще со времени партизанской борьбы, он пешком пришел в деревню и сразу же расшевелил всех.

Он критикует нерешительность сельских коммунистов, и они арестовывают Цянь Вэньгуя.

Этот арест решает все. Деревне становится ясно, что новый строй побеждает, что к старому возврата нет. Суд над деревенским кровопийцей выливает наружу народную ненависть. Свои обиды и требования к Цянь Вэньгую высказывают даже те, кто всю жизнь дрожал перед ним.

Раздел земли и имущества Цянь Вэньгуя завершается накануне национального праздника. Сломав последние путы, деревня бесповоротно становится на путь новой жизни.

Писательнице, хорошо знающей, как совершался великий перелом в китайской деревне, удалось ярко показать силу простых людей, когда ими руководят коммунисты. Лучшие страницы книги посвящены коммунистам, их неразрывной связи с народом.

Когда в бывшем помещичьем саду член районной бригады коммунист Ян Лян встретился с бедняком Го Цюанем, бедняк сказал:

— Вы хорошие люди. Разделили имущество богатых среди бедняков...

— Кто же мы такие? Почему занимаемся этим? — улыбаясь, спросил Ян Лян.

— Вы Восьмая армия, — уверенно ответил старик и тоже улыбнулся. — Компартия! Так приказал вам голова, председатель Мао!

Горячая любовь к вождю китайского народа Мао Цзэдуну проявляется на каждом шагу. На собрании, где коммунисты объявляли крестьянам, что земля отдается тем, кто ее обрабатывает, эта любовь проявилась во всей своей безграничности.

Борьба двух сил — реакции и демократии — на последних страницах романа еще не закончена. Идут ожесточенные бои Народно-освободительной армии с гоминдановскими войсками. Чтобы ускорить разгром врага, крестьяне включаются в борьбу.

«Народ взял в руки управление страной, и поворота к старому быть не может».

Эта мысль, завершающая книгу, пронизывает ее всю от начала до конца. В памяти надолго остаются могучая воля и разум коммунистической партии Китая, светлые образы коммунистов — народных вожаков, образы простых тружеников, познавших радость свободы и света.

В. АКШИНСКИЙ

ДИН ЛИН. **Солнце над рекой Сангань.** Роман. Перевод с китайского. Издательство иностранной литературы. 1949. 298 стр. Цена 15 руб.

Что читать о Китае

Г. В. ЕФИМОВ. **Очерки по новой и новейшей истории Китая.** Госполитиздат. 1949. 435 стр.

Книга, как сказано в предисловии к ней, ставит своей целью показать историю китайского народа на основных исторических этапах нового и новейшего времени. Этапы эти — от завоевания Китая маньчжурами и выступлений против них и против феодалов-помещиков китайского крестьянства в XVII — XVIII веках до национально-освободительной войны китайского народа в 1937 — 1945 годах.

Ф. ЗАПОРОЖСКИЙ. **Янки в Китае.** Путевые очерки. «Советский писатель». 1949. 150 стр.

Полтора года назад автору этой книги представилась возможность побывать в Китае: на берегах Янцзы, Хуанхэ, Чжуцзяна, в крупнейших городах страны: Шанхае, Кантоне, Нанкине и других, пробыть некоторое время на островах Формоза и Хайнань. И он наблюдал там, как вели себя американцы, помогая гоминдановцам подавлять борьбу китайского народа за его освобождение. Теперь уже в большинстве этих мест американцев нет. Китайские города свободны. Но очерки «Янки в Китае» продолжают представлять интерес.

X

Знатные вальцовщики прокатного цеха Новосибирского металлургического завода М. Д. Нестеренко (слева) и М. И. Дидовец, выполняющие нормы на 125—130 процентов.

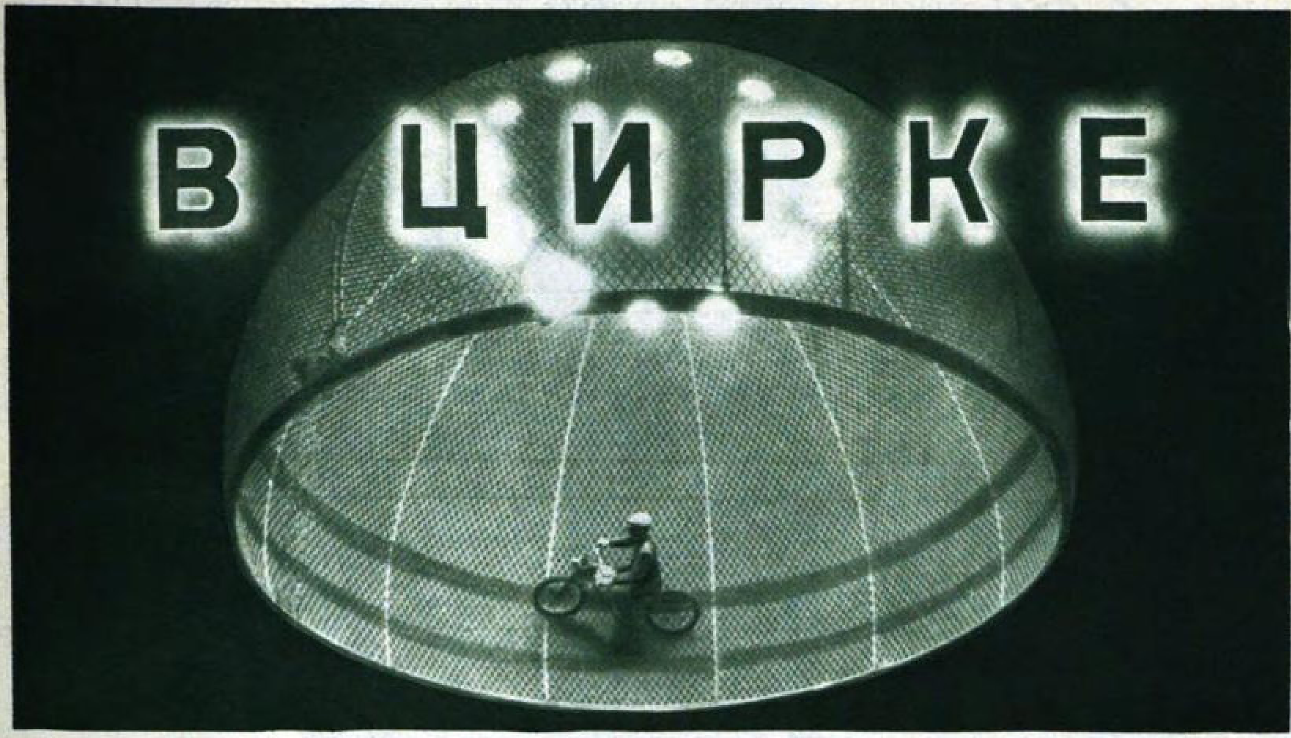
Фото М. Савина

Герои Социалистического Труда звеньевые колхоза «Льновод», Новосибирской области, А. Я. Скачкова (слева) и А. А. Родникова учатся в областной школе по подготовке руководящих кадров колхозов.

Фото М. Савина

В ЦИРКЕ

В Московском государственном цирке. Петр Маяцкий демонстрирует свой новый аттракцион — «шар смелости».

Л. СЛАВИН

Цирк всегда праздничен. На его круглой арене, не увядая, цветут бодрость, сила, смелость, веселье. Недаром дети обожают цирк. Он близок им своей жизнерадостностью, яркостью, сказочностью.

Разве не сказочно, что мотоциклы вместо того, чтобы ездить по земле, взвиваются под купол? А лошади вместо того, чтобы тащить телегу, танцуют вальс? Разве не сказочно, что пила вместо того, чтобы пилить, поет человеческим голосом, а медведи, которым положено бродить по лесу, катаются среди людей на велосипедах?

И самое пленительное в том, что эта сказочность совершенно реальна. Каждый понимает, что в ней нет ничего сверхъестественного: волшебство Веры Сербиной, танцующей гопак на проволоке, — это волшебство человеческой ловкости; чары Александра Кисса, жонглирующего огненными факелами, — это чары, рожденные напряженным трудом; колдовство Евгения Милаева, балансирующего системой лестниц, — это колдовство, рожденное чувством равновесия, присущего каждому из нас, но доведенного упорными упражнениями до безошибочного мастерства. Каждый понимает, что все эти чудеса извлечены из ловкости и силы человека, его воли, его бесстрашия.

Любви к цирку все возрасты покорны. И не только возрасты, но и профессии, характеры, звания. Это поистине народное зрелище — одна из древнейших привязанностей человечества.

Более, чем какой-либо другой вид зрелища, цирк связан с вековыми традициями. И все же он меняется. Но — по-одному в капиталистических странах и по-другому — у нас. Там он все больше отходит от классической строгости, вырождаясь в бессмысленные мюзик-холлы. У нас он испытывает могущественное и, я сказал бы, благодетельное влияние массового развития в нашей стране физкультуры и спорта.

Интересны биографии участников аттракциона «Шар смелости», ныне демонстрируемого в цирке. Руководитель этой группы Петр Маяцкий — в прошлом инструктор по спорту и мотоциклетный гонщик. Вячеслав Маяцкий — бывший чемпион Харькова по легкой атлетике и велоспорту. Надежда Маяцкая и Анатолий Коваль — также бывшие спортсмены.

Цирковой манеж становится как бы сценическим продолжением многочисленных стадионов и гимнастических залов нашей страны. Оттуда он принес строгое благородство и чистоту форм атлетических и гимнастических номеров. Он прибавил к этому занимательную выдумку, артистический блеск исполнения и театральную пышность костюмов (кстати, весьма удачных в нынешней программе).

К таким соединениям относится, несомненно, выдающийся номер, продемонстрированный в программе «Дружба смелых» группой балансеров. Ее руководитель Евгений Милаев ложится на свою широкую, основательную спину и подымает вверх ноги, широко разведя их. На подошвах его устанавливается большая лестница. На ней — другая. И на ее верхушке, под самым почти куполом, другой участник группы делает гимнастические упражнения. Изумителен момент, когда на лестнице находятся одновременно четыре артиста группы. Все это держится на подошвах Е. Милаева, неподвижных, как быки мостов. Так же неподвижен зоркий взгляд рекордсмена-балансера, устремленный в какую-то далекую точку на куполе. Это — чудо глазомера.

Перед появлением жонглеров А. и В. Кисс высоко над ареной повисает саксофон. Это интригует. Саксофон долго висит, бездействуя, и вы вскоре забываете о нем, наблюдая виртуозное искусство Александра Кисса, который работает с такой чистотой и увлечением, что кажется, нет ничего легче, чем жонглировать множеством разнообразных по весу и по форме предметов. Техника освоена полностью.

Но подобно тому, как ружье, упомянутое в начале хорошо построенного рассказа, не может не выстрелить в конце его, так труба, повиснувшая в начале циркового номера, не может не заиграть в конце его. И она заиграла.

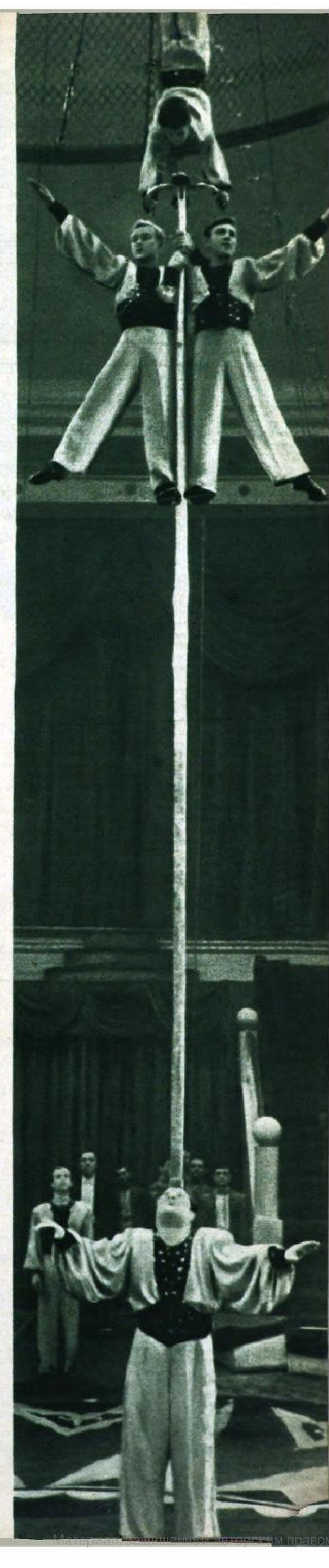
Правда, для этого пришлось построить довольно сложное сооружение. На голове Александра Кисса был водружен длиннющий шест, на верхушке шеста устроилась Виолета Кисс, — таким образом она, наконец, добралась до саксофона и довольно мило сыграла на нем песенку. Нельзя скрыть при этом, что верхушка этой шаткой пирамиды чувствовала себя более непринужденно, чем ее основание.

В программе нет недостатка в номерах акробатических и гимнастических. Пожалуй, их даже избыток, хотя в отдельности каждый неплох. Цирковая молодежь — Падерины — показала хорошую вольтижировку. С большим чувством ритма работают на турниках Копытины.

В искусстве акробатов присутствует математика. Какой точный расчет понадобился акробатам на качелях Беляковым, чтобы совершать свои сложные головокружительные прыжки и к тому же в бешеном темпе! Беляковы словно порхают над ареной, принимая в воздухе диковинные положения и неизменно, как кошки, становясь на ноги в точно рассчитанном месте.

Дрессировщик В. Филатов с эквилибристкой медвежонком Люсей.

Выступление рекордсменов-балансеров Е. Милаева и его группы.

Фото Л. Великжанина (ТАСС).

иногда на плечах у своего партнера.

Танцы Веры Сербиной заслужили бы одобрение, даже если бы она плясала их просто на земле. Но это балет на проволоке! К своему акробатическому искусству она прибавила талант характерной танцовщицы, притом с такой естественностью, что временами забываешь, что она пляшет на тонкой нити, протянутой высоко в воздухе.

Любители конного спорта были разочарованы скупым показом дрессированных лошадей. Старому мастеру М. Д. Анисимову попросту негде развернуть свое искусство в этом кратком номере.

Неуклюжий и милый Каран д'Аш не зря стал любимцем публики. Не говоря уже о множестве маленьких остроумных шуток и хорошо поставленных трючков, которыми он походя пересыпает программу, некоторые из его интермедий возвышаются до уровня острой и метко направленной сатиры. Каран д'Аш выходит на манеж, волоча уродливую куклу в опереточно-военном мундире. Публика разражается смехом, узнав метко схваченные черты предателя Тито. Артист с забавно деловым видом принимается накачивать в куклу воздух автомобильным насосом и говорит при этом с неподражаемым юмором: «Американцы раздувают Тито». А кукла все пухнет и вдруг с громким треском лопается под гомерический смех публики.

Что касается до клоунов Никулина и Шуйдина, то эти несомненно способные артисты явно тоскуют по хорошему репертуару. Публика — тоже.

И вот, наконец, «медвежий цирк» — блестящий образец дрессировочного искусства Валентина Филатова. Особенно приятно в этом номере то, что никто в «медвежьей труппе» не имеет запуганного вида. Кажется, что звери сами увлечены игрой, в которой они принимают участие.

Кавказская медведица Люся эквилибрирует на шаре. Мурат и Мишка изображают хотя и дружескую, но довольно едкую пародию на «человеческий» бокс. А когда Майка, стоя...— я чуть не сказал: на руках — на передних лапах, задними проделывает сложную эквилибристику, честное слово, медведь-артист даже несколько обесценивает такой же номер, проделанный человеком-артистом в той же программе. Уж если даже медведь может такое...

Как и люди, эти удивительно выученные звери имеют по нескольку цирковых специальностей. «Боксер» Мурат, «жонглер» Таймур и «эквилибристка» Люся садятся на велосипеды и ездят по арене, совершенно свободно ориентируясь, когда и как поворачивать и объезжать препятствия. И это самый блистательный номер «медвежьего цирка».

Другой гвоздь программы — «шар смелости». Использование мотоцикла в цирке — вещь не новая. Езда на треке, даже на вертикальной стене — все это было. У заслуженного артиста Петра Маяцкого, о котором мы уже упоминали в нашей статье, родилась идея перенести аттракцион с земли под самый купол цирка, то есть ездить на мотоцикле внутри огромного полого шара, подвешенного в воздухе. Естественно, чтобы зрелище было видимым, шар должен быть прозрачным.

Обладая техническим образованием, П. Маяцкий разработал конструкцию ажурного, сетчатого, металлического шара. Артист сам изготовил чертежи, сам руководил на заводе постройкой, нередко становясь за станок.

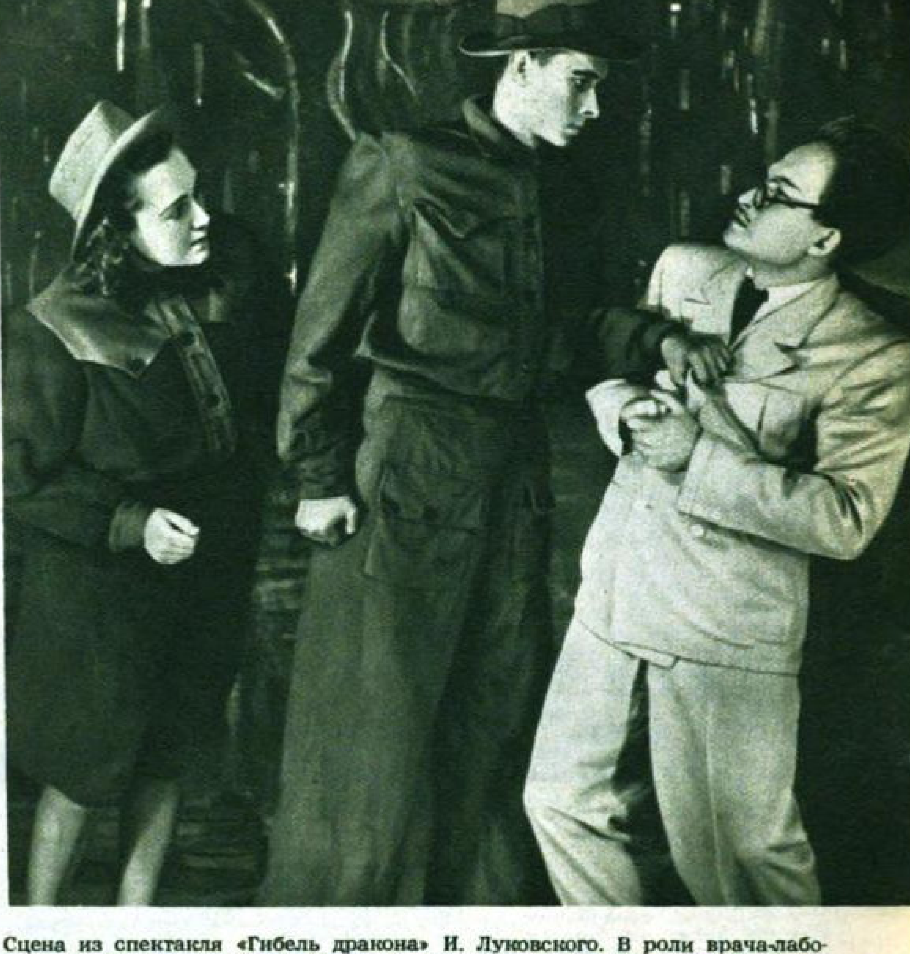
Вообразите четыре высоких столба, похожих на пилоны висячего моста, и на них под высоким и гулким куполом цирка покоится огромный прозрачный шар. Внутри его с бешеной скоростью по всем направлениям, с немыслимыми углами наклонения, подчиняясь законам центробежной силы, мчатся мотоциклы и велосипеды.

Потом П. Маяцкий остается один в шаре. С головокружительной быстротой описывает он концентрические круги на мотоцикле. Он подымается по спирали все выше и выше, он взлетает во вторую, верхнюю, половину шара. И в этот момент нижняя половина отделяется и идет вниз, повинуясь натяжению тросов с земли, а Маяцкий продолжает кружить по стенкам верхней половины шара над открытой пропастью цирка!

Это сильное зрелище. Публика с понятной горячностью приветствует блестящую демонстрацию отважного искусства артистов.

Зримые черты

Е. РЯБЧИКОВ

Сцена из спектакля «Гибель дракона» И. Луковского. В роли врача-лаборанта О. Сторожковой — В. Можаева, журналиста А. Синицына — В. Промский, японского ученого Хито Имасима — А. Марычев.

Фото Г. Капустянского.

Сибирский город Сталинск — один из самых молодых городов страны. Он возник 20 лет назад в некогда лесистой и заболоченной Кузнецкой котловине. Ныне это один из наиболее благоустроенных, красивых и живописных городов страны.

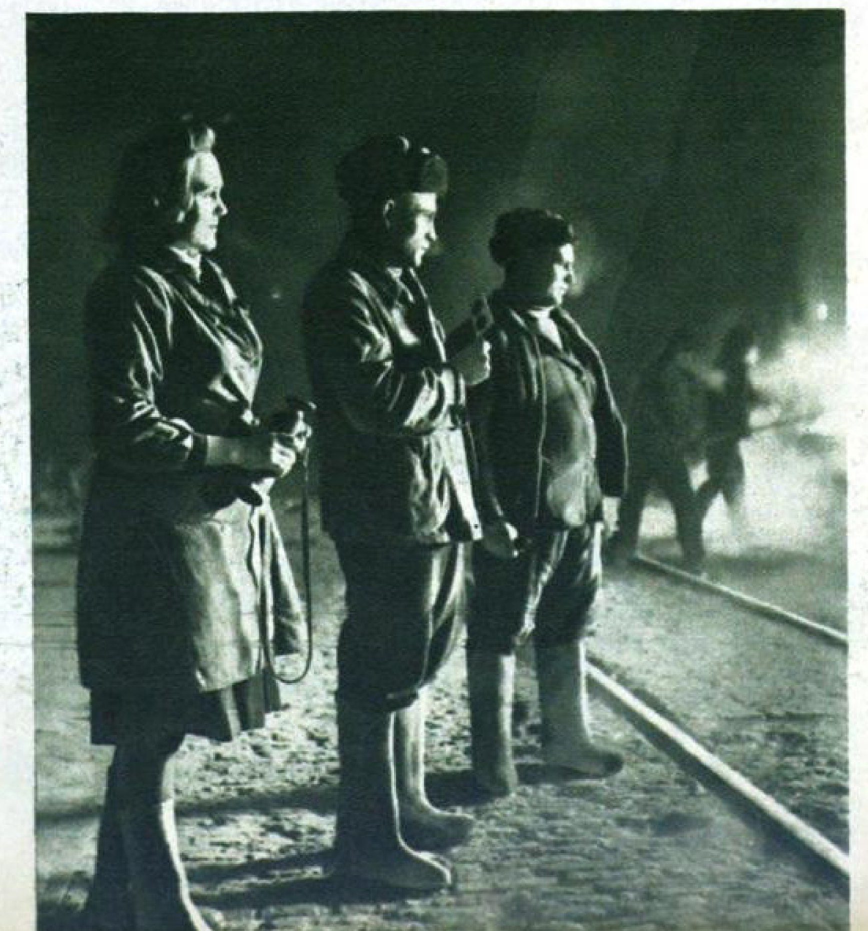
Здесь по инициативе товарища Сталина создан исполин металлургии — Кузнецкий металлургический комбинат. Вокруг города чернеют бесчисленные шахты. Сталинск — город угля и металла. Но он славен и своей научной и культурной жизнью. Издалека стекается студенчество в институты, техникумы и училища Сталинска. И там, где два десятка лет назад еще вольно и спокойно шел на водопой дикий зверь, — там окрашено зимнее небо алым заревом доменных печей, огненными реками идет металл, звучит в великолепных дворцах культуры задумчивая арфа, в научных кабинетах металлурги открывают новые законы технологии, садоводы оберегают от морозов яблони и виноградные лозы.

Утром, когда запевают гудки, армия металлургов и шахтеров Сталинска идет на работу. В бесконечном человеческом потоке, устремляющемся в километровый тоннель, проложенный под заводом, вы увидите героев сталинских пятилеток, новаторов, стахановцев, прославленных коксовиков и доменщиков, сталеваров и прокатчиков. Эти люди работают по самому строгому графику. Они знают цену каждой секунде. Планирование труда стало законом их жизни.

Приметим в бурлящем человеческом потоке трех человек. Оживленно беседуя, идут лучший сталевар Михаил Привалов, бригадир газовщиков Алексей Марычев и лаборант экспресс-лаборатории первого мартеновского цеха Валя Можаева. Труд для них — источник радости и вдохновения. Поэтому, даже находясь вне завода, они говорят о заводе, о проблемах технологии, о графике, о материалах. Прислушайтесь к их беседе. Друзья захвачены не только техническими проблемами, к которым они относятся, как исследователи и ученые, — они с горячностью обсуждают и проблемы искусства.

В морозное и снежное сибирское утро идут они, трое металлургов, на завод и говорят о творческом методе Станиславского, о художественном стиле, о социалистическом реализме. А рядом доносятся отрывки разговоров о новых книгах и научных опытах, об экспериментах стахановцев и прослушанных лекциях, о международных событиях и хоккейном матче. Если бы удалось застенографировать все, о чем говорят рабочие, пока идут на завод, получилась бы волнующая документальная повесть о богатстве духовного мира советского человека, о беспредельно широких светлых горизонтах, которые открыла перед ним большевистская партия.

В первом мартеновском цехе Кузнецкого металлургического комбината имени И. В. Сталина. Слева направо: лаборантка В. Можаева, бригадир газовщиков А. Марычев и старший сталевар М. Привалов у мартеновской печи.

Отлично работают металлурги Сталинска. Отлично организуют они и свой досуг. По вечерам тысячи огней загораются в театрах, Дворце металлургов, в клубах, институтах, библиотеках, школах. В этот час вы можете увидеть знакомых нам Алексея Марычева, Валю Можаеву и Михаила Привалова в театре металлургов: Алексея и Валю — на сцене, Михаила — в зрительном зале.

В Сталинском дворце металлургов работает 23 коллектива художественной самодеятельности, а в цехах и общежитиях — еще 24. Более 5 тысяч рабочих выступает в спектаклях и концертах. Пять тысяч!.. Стоит задуматься над этой цифрой. Рабочие-артисты читают Станиславского и слушают лекции об искусстве, они смотрят спектакли Театра имени Вахтангова и сами выезжают со своими постановками на шахты и в колхозы. Они варят сталь и играют на сцене.

Рабочие-артисты Сталинска имеют в своем распоряжении театр металлургов, сценические площадки в клубах, цехах и общежитиях, музыкальные и балетные классы во Дворце металлургов. Опытные мастера сцены руководят художественной самодеятельностью. В Сталинск приглашают из Москвы и Ленинграда, из Киева и Новосибирска лучших артистов, певцов и режиссеров, которые здесь не только выступают, но и делятся своим опытом с талантливой молодежью.

В какой другой стране можно найти завод, рабочие которого имели бы десятки духовых и струнных оркестров, 50 хоров, цеховые ансамбли песни и пляски, тысячу чтецов?

Алексей Марычев окончил ремесленное училище и пошел работать в мартеновский цех. Мастер-коммунист Петр Федорович Короткий позаботился о комсомольце, передал ему свой опыт и знания. Коммунисты цеха помогли ремесленнику стать специалистом своего дела: теперь Алексей — бригадир. Подметив в нем любовь к театру, ему посоветовали заниматься в коллективе художественной самодеятельности. Прошли годы. За это время Алексей сыграл роли в спектаклях «Мещане», «На бойком месте», «Любовь Яровая», «Русские люди», «Ленушка», «Сказка о правде». Опытные артисты отмечают яркое сценическое дарование молодого рабочего и тепло отзываются об его актерской работе.

Творцы металла становятся творцами и новых культурных ценностей.

В Париже

Центральные районы Парижа охвачены кольцом «зоны» — кварталов, состоящих из трущоб. Люди ютятся здесь в лачугах, приспосабливают для жилья старые вагоны, развалившиеся киоски.

Ирина ИЗМАЙЛОВА

Письмо из Франции

В течение нескольких дней мы терпеливо просматривали вечерние парижские газеты с их кричащими заголовками, шумливыми сенсациями и нескончаемым потоком светских сплетен.

Одна газета, захлебываясь, рекламирует петушиные бои. «Пари в миллион франков! Бой продолжается, пока один из соперников не упадет мертвым!» — кричат газетные строки. На столбцах другой газеты жирным шрифтом — циничное объявление какого-то кабаре: «Сегодня выборы «мисс Порок»... В фешенебельном парке Багатель объявлена «ночь розы». Реклама расписывает: «На этом ужине все будет розовое. На розовых тарелках — розовые креветки, в бокалах розовое вино, дамы с букетами роз, на сцене — балет «Розовое покрывало»...

Куда там Лувру, Пантеону или собору Нотр-Дам конкурировать с подобными развлечениями! Исторические ценности Парижа рекламируются меньше, чем всякие «увеселения» в злачных местах. Здесь простой коммерческий расчет: состоятельный турист оставит больше денег в ночном клубе или на «пятидесятилетии» аристократического ресторана «Максим», чем в кассе музея...

На диких, нелепых забавах и держится так называемый «парижский сезон», когда в город съезжаются со всего мира пресытившиеся богатые бездельники.

Для них под охраной 80 полицейских, присланных префектом полиции, устраивается «ночь драгоценностей» — бал, где есть возможность для жен спекулянтов покрасоваться в своих диадемах, колье, браслетах и где «королевой» избирается дама, на которой надето драгоценностей на самую крупную сумму.

Для богатых тунеядцев рекламируются и «ночь кружев» (мужчины должны явиться в кружевных жабо!); «день драг (старинных экипажей) в Булонском лесу, на который светские дамы съезжаются в экипажах XVIII и XIX веков; кабачок «Небытие», в котором сидят на настоящих гробах, пьют вино из черепов, а официанты щеголяют в костюмах погребальных служащих...

Билет на любой из балов светского Парижа стоит от 20 до 25 тысяч франков. Это почти вдвое больше месячного жалованья среднего француза — рабочего или служащего. Но что эти деньги значат, например, для аргентинского миллионера Додеро, который летом 1949 года истратил на свои французские увеселения 200 миллионов франков, как пышно и восторженно оповещала парижская желтая пресса!

Удивить пресыщенное воображение развлекающегося богача, оглушить его нивесть каким вздором, ослепить помпой ста двадцати «ночей-балов», которые были устроены в этом сезоне для туристов с плотным бумажником,— такова цель газетной рекламы, изображающей парижскую повседневность постоянно «жизнерадостной», полной показного блеска.

Иной раз эти затеи для состоятельных бездельников прикрашиваются лицемерной благотворительностью. Кошачья выставка, организованная парижским кошачьим клубом «Кэт-клуб» (есть и такой!), как гласило официальное извещение, устраивалась в пользу одной из деревень, пострадавших в войну от вражеских бомбардировок. Неизвестно, много ли денег собрали там для этой деревни, но кошки, принадлежащие богатым дамам, холеные, сытые, сидели в изящных, увитых свежими цветами клетках, на бархатных и парчовых подушках. Вокруг все было залито светом прожекторов: суетящиеся кинорепортеры снимали кошек и их хозяек. На стенах висели портреты «кошек-чемпионов», повязанных трехцветными лентами (национальный флаг), а также эскизы и модели модных собачьих и кошачьих зимних попонок, одна из которых носила название: «Конец собачьей жизни!»...

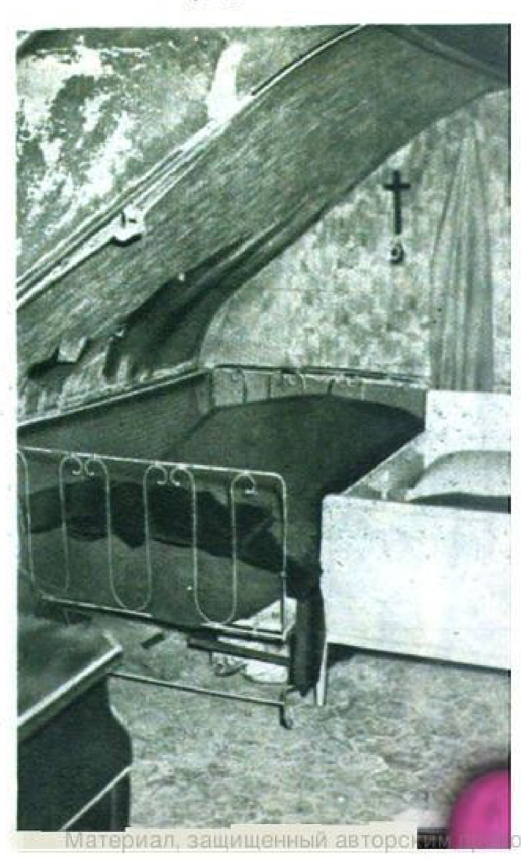
Недавно прожигатели жизни были приглашены на ужин в известный парижский дорогой ресторан. Там они могли лицезреть очередную «звезду» светского общества — пуделя, специально доставленного на самолете из Латинской Америки под охраной двух сыщиков. Собака, как писали газеты, была застрахована в 20 миллионов франков. Богатая американская чета, желая щегольнуть тем, что для нее такие суммы — пустяки, купала в ресторане драгоценного пуделя в ведре с шампанским.

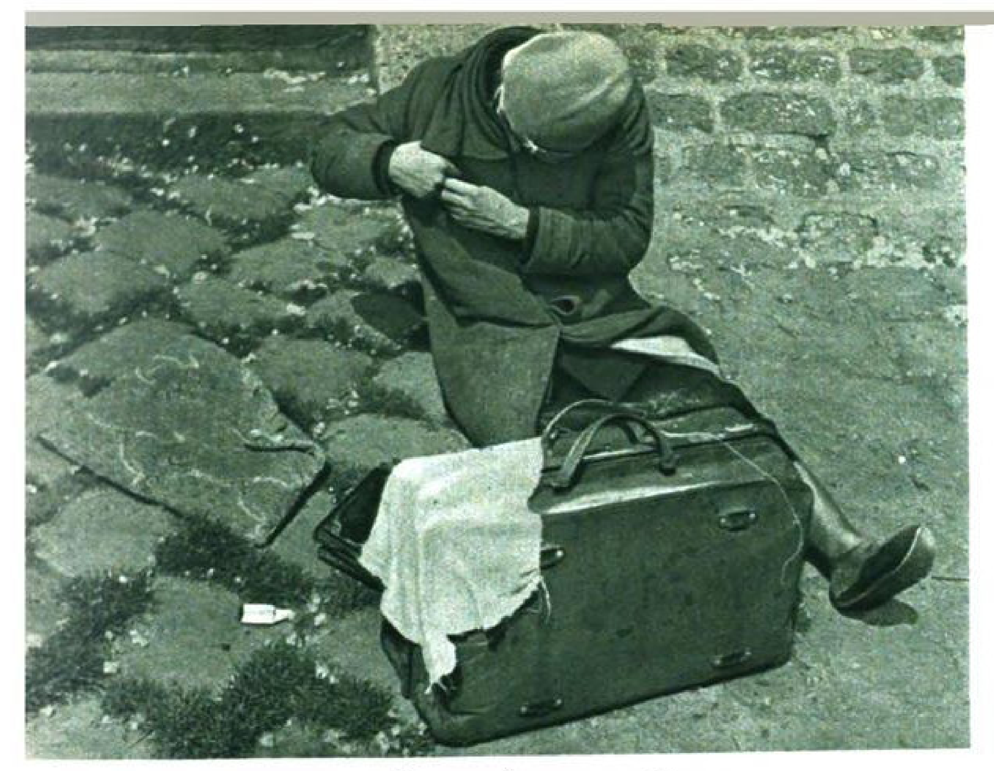
Вся эта шумиха, мишура, показная роскошь, которые с помощью продажных журналистов рекламируются на весь мир, не могут, однако, скрыть оборотную сторону парижской жизни.

Попробуйте посетить прославленный Версальский дворец, и вы поймете, почему о нем стараются поменьше упоминать в газетах. Когда-то Версаль — со своим замечательным парком, раскрывавшим перед посетителями чудеса искусства садовников, с эффектными фонтанами, бесчисленными мраморными статуями — привлекал всеобщее внимание. Сейчас он в запустении. Дворцовый архитектурный ансамбль имеет самый печальный вид, особенно внутри. Сырость, запущенность, следы разрушения — все это осталось с военного времени. Протекают крыши, изъедены червями стропила, стенная живопись отваливается, осыпаются фрески с потолков, разрушаются картины. В сырой день в залах попросту льет дождь. В знаменитой «Галлерее битв» (батальная живопись) течет так, что пол приходится покрывать опилками.

Еще хуже в парке: попорчены и протекают знаменитые бронзовые фонтаны «Нептун», «Дракон», другие фонтаны поросли травой. Мебель дворца после реэвакуации так и стоит заколоченной. Чтобы спасти Версаль, надо потратить 2 миллиарда франков, а правительство отпустило... 60 миллионов. О подлинной реставрации не приходится и говорить. Беспрерывно меняющимся правительствам мало дела до национальных памятников культуры... Впрочем, и для коммунального хозяйства города ничего не сделано за годы после войны...

В одной из парижских чердачных квартир.

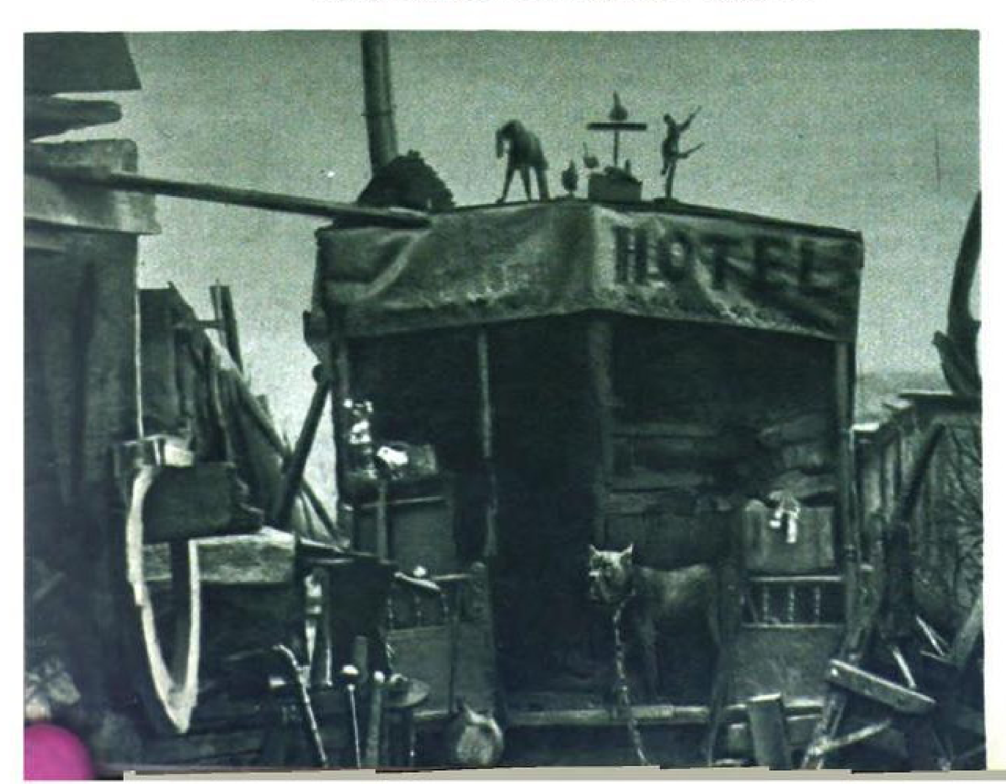

Бездомный на улицах Парижа.

Обычная квартира рабочей семьи в Иври — пригороде Парижа. Из 45 тысяч жителей пригорода 7 тысяч больны туберкулезом.

Старый фургон, превращенный в «жилище».

Пройдите немного подальше от шумных Больших бульваров и залитых цветными огнями Елисейских полей, и вы столкнетесь с другим Парижем, вы увидите его нищету.

В городе много бездомных людей, бродяг поневоле. Нередко вы видите даже днем в станциях метро бесприютных стариков, заплативших за билет, чтоб укрыться от холода и подремать на узкой скамейке подземной платформы. После полуночи, когда метро закрывают, их выгоняют. Бездомные пристраиваются тогда на бульварах, в садах. Их жалкие фигуры, закутанные в рваное тряпье, скорчившиеся от сырой стужи парижской зимы, часто попадаются ночью на бульварах, у вокзалов, в закоулках Большого рынка.

Кризис жилья — тяжелое бедствие Парижа. Ничего нового не строится. Война, запущенность домов, сырость (даже и сейчас в Париже отапливается лишь часть зданий) — все это разрушает жилой фонд. В шикарных кварталах порой два — три человека живут в большом особняке. Но это богачи, представители двухсот семейств. Иное в кварталах трудового люда: там ютятся по 8—10 человек в комнатушке.

Недавно парижане узнали из сенсационных репортерских заметок о «Диогенах на набережной Берси». Случившееся столь отвратительно, что упражнять на этом свое остроумие могут только люди, окончательно потерявшие совесть.

На набережной Берси (район винных складов) много пустых бочек. Для тех, у кого нет крыши над головой, и это — пристанище. Семья бедняков Пино-Таккар с пятью детьми устроилась на зиму в нескольких таких бочках. Однажды самый маленький из детей, новорожденный в возрасте нескольких недель, заболел тяжелым бронхитом. Мать понесла его в государственный приют, пытаясь спасти. Но это произошло в воскресенье, и, пока ее гоняли из одной канцелярии в другую, ребенок умер. Бездомных родителей, которых не принимал ни один отель (многосемейным обычно не сдают комнат) и которым отказали в заботе о больном младенце, тут же арестовали под ханжеским предлогом — «за преступную небрежность»...

В Париже запрещено просить милостыню. Надо хотя бы формально иметь какое-то занятие, чтоб не придралась полиция. На площади Этуаль сидит на асфальте художник; цветными мелками он рисует на тротуаре затейливый готический собор с узкими стрельчатыми окнами и узорными витражами. На земле шапка, в которой было несколько мелких монет. Такие зрелища совсем не редки. В Латинском квартале, где живет студенчество, нуждающиеся люди бродят с блокнотами по ресторанам и кафе, прося разрешения зарисовать вашего ребенка или предлагая гравюру, акварель.

В окраинных кварталах издавна выступают маленькие уличные оркестры, популярные среди населения. Аккордеонист, скрипач и барабанщик наигрывают песенки, певец напевает мотив и пытается продать ноты. Почти всегда возле музыкантов оживленный полукруг зрителей: женщины с базарными сумками, ребята, остановившийся на велосипеде почтальон... Все охотно слушают, подпевают, но, увы, нот сейчас почти никто не берет...

— Удается что-либо заработать? — спросили мы у скрипача.

— Куда там! Развлекаем почти даром,— вздохнул осунувшийся парень в потрепанной бархатной куртке. — Что за ремесло! Всего заработка за неделю нехватает даже на день — два, чтоб поесть. А сейчас еще вечера холодные. Зимой нам труднее: ведь и публика мерзнет...

Пройдите туда, где нет неоновых объявлений, ближе к дымным улицам окраин,— там нужда повседневная, затяжная парижская нищета. Особенно тяжело живут старые кадровые рабочие в отставке и вдовы солдат, погибших во время войны: на пенсионные гроши не поешь досыта и хлеба.

К ним теперь прибавились и многочисленные безработные, выброшенные с закрытых, по воле американских «покровителей», авиационных, металлообрабатывающих и других заводов.

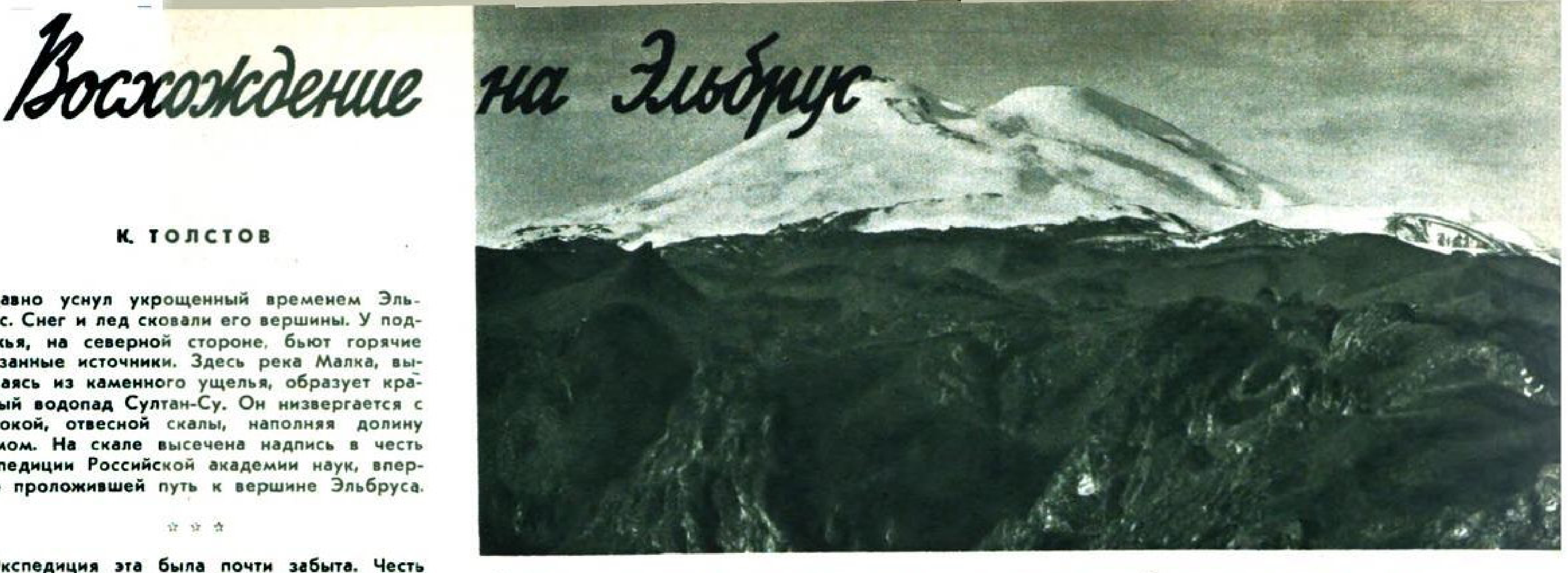
Спросите у газетчика, до поздней ночи продающего газеты на улице, каков его заработок. Оказывается, 60—70 франков в день (это на наши деньги один рубль). Он еще добавит, что надо постоянно бегать с улицы на улицу, иначе газетные киоски (более зажиточные конкуренты) заявят протест.

Забыты и инвалиды войны. Одну артель увечных в течение двух лет выселяли одиннадцать раз из занимаемого дома. Выселяли с полицией. А куда идти? Министр по делам бывших участников войны отделывался посулами, но жилья не дал. Парижские рабочие собрали между собой трудовые гроши, чтоб помочь увечным прокормиться. Часты в городе трагические демонстрации безногих в тележках, людей на костылях, ослепших военных, требующих справедливого отношения к своему тяжелому положению.

Парижский день обилен самоубийствами. Нужда, безысходные тяготы жизни — такова главная причина. Две подруги открыли газ: нет возможности жить на жалкие гроши — или на улицу или смерть. Покончил с собой рабочий-металлист, уволенный и оставшийся без пособия. Бросился с Триумфальной арки на мостовую старик 63 лет — страшна была его старость. Помощник счетовода, уволенный чиновник, художник, отец, у которого обоих сыновей убили на войне в Индокитае, инвалид, не находящий работы, — таковы люди, упоминаемые в ежедневной хронике, жертвы капиталистического города, не нашедшие другого выхода, кроме смерти. Одна из буржуазных газет недавно подсчитала,— видимо, для «сенсации»,— что за неделю в Париже было 59 самоубийств.

Много отчаяния в отравленном воздухе капиталистического мира, не всем удается устоять в жизненной борьбе. Но люди труда знают, что только единой волей и сплоченностью можно побороть режим нищеты и народных бедствий. Демонстрации, забастовки на транспорте, метро, на заводах (как это было недавно в Париже и по всей Франции) — вот чем отвечают трудящиеся на антинародную политику правительства, выполняющего приказы своих заокеанских империалистических хозяев.

Восхождение на Эльбрус

К. ТОЛСТОВ

Давно уснул укрощенный временем Эльбрус. Снег и лед сковали его вершины. У подножья, на северной стороне, бьют горячие нарзанные источники. Здесь река Малка, вырываясь из каменного ущелья, образует красивый водопад Султан-Су. Он низвергается с высокой, отвесной скалы, наполняя долину шумом. На скале высечена надпись в честь экспедиции Российской академии наук, впервые проложившей путь к вершине Эльбруса.

* * *

Экспедиция эта была почти забыта. Честь первовосхождения на Эльбрус приписывалась, а на Западе и поныне приписывается англичанину Дугласу Фрешфильду, который с помощью местных проводников поднялся на восточную вершину Эльбруса в 1868 году. Но это неправда! Высочайшая вершина в Европе впервые достигнута за 39 лет до Фрешфильда нашим соотечественником Килларом Хашировым. Мы говорим: неправда, а не заблуждение, так как Фрешфильд, как будет видно из дальнейшего, заведомо знал, что идет по следам Киллара.

Вместо одиночек, поднимавшихся на Эльбрус до революции, тысячи человек побывали на его вершинах в наше время, но редко кто шел по пути первовосходителя — с северной стороны.

В июле 1948 года группа московских альпинистов спортивного общества «Наука» — в составе С. Репина, А. Констансова, И. Евсеева и автора этих строк — решила пройти по пути экспедиции Российской академии наук, чтобы окончательно развенчать легенду о Фрешфильде и подтвердить новыми данными, что первым достиг в 1829 году вершины Эльбруса наш соотечественник.

...Утром мы выехали из Кисловодска. Прекрасный день, на небе ни облачка. Машина медленно набирает высоту, и наконец мы въезжаем на гребень. Отсюда открылся изумительный по красоте и величию вид. На юге, за волнистым морем зеленых предгорий, возвышается двуглавая, сверкающая на солнце вершина Эльбруса. Мощные ледники голубовато-серебряными лентами стекают вниз с его склонов. Нигде не видно гор, сравнимых с Эльбрусом, и грандиозность этой панорамы превосходит памирские виды, где горные великаны теряются в массе вершин и хребтов.

Шофер легко убедил нас в том, что, продвигаясь дальше пешком, мы даже «сократим» дорогу. Поверив ему, мы надеваем увесистые рюкзаки и только к концу дня приходим в Долину нарзанов. При лунном свете продолжаем путь, стараясь наверстать потерянное время. Ночью ставим нашу маленькую палатку и засыпаем под шум дождя.

На следующий день мы шли при дожде и сильном ветре. Трудно, но мы обязаны прибыть в альпинистский лагерь «Большевик» по ту сторону Эльбруса в установленный срок, иначе нас будут разыскивать спасательные группы. На отдых останавливаемся у костра гостеприимных пастухов кабардинского колхоза имени Сталина. Они подробно расспрашивают нас о жизни страны и о новостях за ее рубежом. Наше намерение подняться на Эльбрус встречается недоверчивыми улыбками.

Утром при отличной погоде идем дальше. Путь к вершине кажется очень длинным. Мы затрачиваем много сил, переходя через хребты предгорий, пересекая многочисленные ручьи и речушки.

Эльбрус все ближе и величественнее. Наконец мы на гребне хребта, за которым видны долина реки Малки и мощный каскад водопада Султан-Су. Позже, в темноте, вдали белеют вершины Эльбруса, залитые светом луны. И вот еще одна ночь позади. Проходим перевал Кояшек и спускаемся в широкую, совершенно плоскую котловину Ирахик-сырт.

В середине дня отдыхаем на красивых альпийских лугах у светлых ручьев. Сверяем по карте путь подъема. Выясняется, что здесь 120 лет назад стоял лагерь экспедиции генерала Г. А. Емануеля.

После того как первая попытка генерала Эристова в 1817 году подняться на Эльбрус

На камне выбита глубокая, четкая надпись: «1829».

кончилась неудачей (его отряд в 200 человек попал под лавину и почти весь погиб), в 1829 году была снаряжена Российской академией наук экспедиция для исследования горы.

Отправившись из Петербурга в середине июня, экспедиция в конце месяца выступила из Пятигорска и прибыла в отряд генерала Емануеля. Отряд шел долиной Малки. Проливные дожди сильно мешали продвижению. Емануель стал лагерем на высоте 8 тысяч футов. 21 июля он собрал казаков и кабардинцев, сопровождавших экспедицию, и объявил, что выдаст награду в 400 рублей каждому, кто достигнет вершины.

В 10 часов утра академики А. Купфер и Э. Ленц с помощниками вышли из лагеря и в 4 часа дня достигли снеговой линии. На рассвете 22 июля они начали дальнейший подъем. Вскоре путь сделался очень трудным. Приходилось вырубать ступеньки в твердом снегу. Вот как описывал восхождение Купфер:

«Хотя долина позади нас была закрыта туманом, погода была прекрасной. Луна достигла середины небесного свода, и светлый блеск ее диска составлял приятный контраст с синевой неба, которое было цвета индиго. Туман пеленой расстилался у наших ног, но вскоре лучи солнца разорвали его. Долина открылась нашим ослепленным глазам, и перед нами развернулась панорама гор, образующих первую цепь Кавказа».

«Мы двигались то по прямой линии, то зигзагом, смотря по трудности пути. Поспешность, с которой мы стремились достигнуть вершины раньше, чем снег будет размягчен солнцем, истощала наши силы, и мы в конце концов должны были останавливаться для отдыха почти на каждом шагу. Разреженность воздуха такова, что дыхание не в состоянии восстанавливать потерянные силы. Кровь сильно волнуется. Мои губы горели, глаза страдали от ослепительного блеска солнца, хотя я по совету горцев зачернил порохом лицо около глаз. Все мои чувства были притуплены, голова кружилась. Наконец, мы решили отдохнуть под огромной скалой черного трахита».

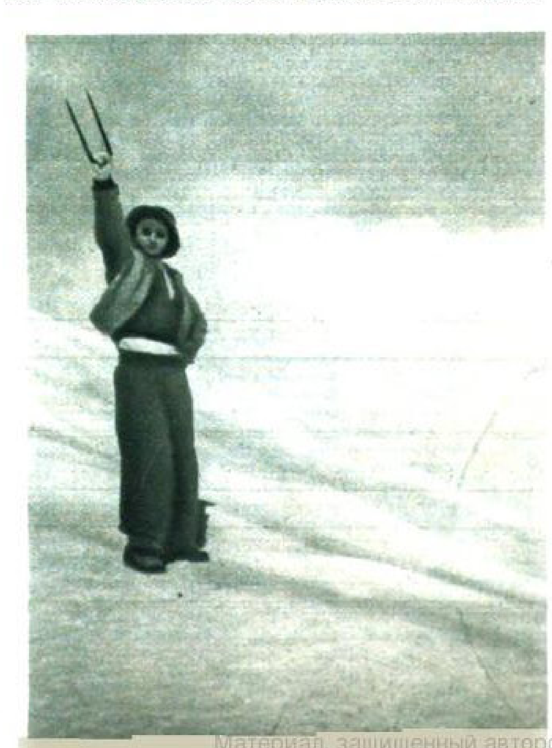
«Ленц, сопровождаемый двумя горцами и казаком, подвигался все выше по лестнице скал. Добравшись до последнего уступа, он увидел, что от вершины его отделяет еще снежное поле, но снег сделался настолько мягок, что они на каждом шагу проваливались до колен. Полдень уже миновал. Наконец, Ленц решил вернуться».

«Спуск был очень труден и опасен. Снег проваливался, под нашими ногами образовывались дыры, которые позволяли видеть ужасающие пропасти. Казаки и горцы связали себя попарно веревками. В течение этого замечательного дня Емануель наблюдал за нашим движением при помощи превосходной зрительной трубки. Он заметил одного человека, который опередил всех и вышел на гряду скал, образующих самую вершину. Емануель не мог более сомневаться, что один из нас достиг вершины».

«Генерал приказал ударить в барабан и произвести несколько ружейных салютов, чтобы оповестить весь лагерь об этом замечательном событии».

«Киллар, который достиг вершины, сумел лучше нас воспользоваться утренним холодом. Он значительно раньше нас миновал границу вечных снегов, и, когда Ленц достиг места своей последней остановки, Киллар уже возвращался с вершины. Будучи бесстрашным охотником, он отлично знал страну и поднимался на значительные высоты. Он вернулся в лагерь раньше нас, чтобы получить от Емануеля награду за свою отвагу, но тот ждал

Вот она, двузубая вилка экспедиции Емануеля.

возвращения всех нас, чтобы сделать церемонию более торжественной. Он вручил награду на глазах всего лагеря; подняли также бокалы».

Так описывалось первое восхождение на Эльбрус.

* * *

Основательно отдохнув последний раз на траве, мы идем дальше к Малиен-дерку, по которому поднимались первовосходители. Этот ледник сильно изрезан. Двигаемся по правым скалам, быстро набирая высоту, и устраиваем площадку для палатки метров на 100 ниже снега. Где-то здесь провели ночь и первовосходители.

Нам надо выйти как можно раньше, чтобы воспользоваться смерзшимся ночью снегом. Еще при свете луны мы снимаем палатку и идем вверх. Твердый снег очень удобен для движения. Крутизна склона увеличивается, мы надеваем кошки и, обходя трещины, держим путь на гряду скал. Затем поднимается над гребнем солнечный диск, и яркий блеск сверкающего снега заставляет надеть защитные очки. Вскоре мы минуем начало гряды и начинаем брать подъем. Далеко внизу, слева, видно большое плато перевала Ирик. Его острые скалы напоминают черные паруса среди снежного моря.

К 8 часам наша группа поднялась от места ночевки на 1100 метров. Это очень хорошо. Ведь в отличие от обычных восхождений на Эльбрус с юга мы идем на этот раз с грузом снаряжения и продуктов, и к тому же без предварительной тренировки. На высоте 4800 метров встречаем удобную площадку под скалой, защищенную от ветра ледяным гребнем, и устраиваемся на завтрак.

Полная кастрюля льда с помощью маленького походного примуса быстро превращается в кипяток и в кофе. Внезапно рядом я замечаю железное острие, которое на несколько сантиметров торчит из груды камней. Бросаюсь туда и с криком: «Штык экспедиции Емануеля!» — с трудом вытаскиваю его из камней. Но это не штык, а своеобразная, двузубая стальная вилка длиной в 30 сантиметров, с отверстиями на полукруглой части, — очевидно, для прикрепления деревянной рукоятки. Несомненно, это образец ледового снаряжения экспедиции 1829 года. В то время не было ледорубов, и такие вилки облегчали движение по ледовым и фирновым склонам.

Я располагаюсь для завтрака на большом плоском камне, но Евсеев тянет меня: «Встань, посмотри!». На камне выбита глубокая, четкая надпись «1829» и высечен крест. Сомнений нет, мы на месте остановки экспедиции. Отсюда Емануель наблюдал за Килларом и мог с достоверностью установить, что он достиг вершины, которая близка и четко видна.

О восхождении Киллара не мог не знать Фрешфильд. Он поднимался с проводником Ахия, тем самым кабардинцем, который дошел с Ленцем до седловины. Ахия в своих воспоминаниях рассказывает, что Фрешфильд положил бутылку с запиской о восхождении в груду камней, сложенную Килларом. Заметим, что умер Ахия в 1918 году, прожив 130 лет, а при восхождении с Фрешфильдом ему было 80 лет!

Налицо явная недобросовестность Фрешфильда, присвоившего себе честь первовосхождения. С обычной спесью английских колонизаторов он относится к «туземцам», как именуются в его мемуарах проводники, так много сделавшие для успеха дела, хотя сам Фрешфильд пишет, что проводники указали весь путь подъема и что был момент, когда он хотел уже повернуть обратно, но настойчивость проводников спасла положение.

Первый победитель Эльбруса, Киллар Хаширов, имея примитивное снаряжение, добился успеха благодаря личной отваге, настойчивости, уменью правильно выбрать путь и время подъема, рассчитать силы. Его не устрашили и суеверия того времени, предсказывавшие гибель всякому, кто осмелится ступить на вершину Эльбруса.

Емануель в своем рапорте доносил, что Киллар в 11 часов достиг вершины, «показав первую возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся доныне неприступной».

В целом экспедиция Российской академии наук на Эльбрус имела полный успех.

* * *

...После отдыха и завтрака мы поднимаемся дальше вдоль гряды скал. Безоблачное небо и ослепительное солнце. Справа широкие трещины и мощные ледяные сбросы.

Но в горах очень быстро наступают перемены. Вскоре становится жарко. Мы останавливаемся и ищем спасения от теплового удара. Дует горячий ветер — фен, верный признак приближения плохой погоды в горах. Я залезаю в узкую щель между скалами, непрерывно наполняю шляпу снегом и сижу под струями душа. Фен исключительной силы держит нас в плену с 11 до 4 часов. К вечеру он слабеет, но мы достаточно устали. Ставим палатку, выложив вокруг нее барьер из камней.

Вскоре начинается шторм. Резкий ветер рвет палатку, снежная пыль бьет в лицо. Каменная ограда оказывает нам большую помощь: без нее палатку могло бы снести. Утром и весь следующий день шторм продолжается с неослабевающей силой. Не видно дальше чем на 20 метров. Еще ночь, и опять такое же утро. Мы находимся на высоте 4900 метров, и до седловины по вертикали остается только 400 метров. В середине дня ветер ослабевает. Складываем палатку и идем вверх, но не долго. На высоте 5100 метров ветер нарастает, наступают сумерки, и мы принуждены вновь укрываться. Ветер рвет застежку палатки, примус зажечь не удается.

Медленно приближается утро. Мнения разделяются: Констансов за спуск по знакомому, уже раз пройденному пути. Евсеев предлагает обогнуть восточную вершину Эльбруса по той высоте, на которой мы находимся, а затем спуститься на юг, к Приюту одиннадцати, Релик и я за продолжение пути, ибо седловина близка; мы связываемся веревкой, чтобы ветер не снес нас по одиночке, и медленно идем вверх. Чем ближе к седловине, тем сильнее ветер. Наконец вот и седловина. Ветер достигает предельной силы. Продвигаемся спиной к нему, в облаках снежной крупы, которая волнами приносится с южной стороны. При особенно сильных порывах мы принуждены останавливаться. Я вспоминаю парашютный прыжок и прихожу к выводу, что на крыле самолета ветер слабее.

Справа и слева вершины Эльбруса. До них только 300 метров! Конечно, обидно после всего пройденного пути не одолеть этого расстояния, тем более что теперь мы можем сбросить рюкзаки и идти налегке. Но мы понимаем, что если ветер еще усилится, нас просто снесет с горы. Я смотрю на восточную вершину, где впервые получил альпинистское крещение. В тот раз мы пять суток пережидали шторм на Приюте одиннадцати. Да, погода зачастую устраивает серьезный экзамен восходителям.

Начинаем спуск, ветер постепенно слабеет. В середине дня приходим к Приюту одиннадцати. Утром при ярком солнце спускаемся вниз, в долину, к цветущим альпийским лугам и стройным лесам. Белые конусы Эльбруса остаются позади.

СПОСОБНЫЕ СПОРТСМЕНЫ

Республиканская колхозная спартакиада была для Узбекистана событием большой общественной значимости. Она не только выявила способных спортсменов — Азана Рахманкулова, Хамиза Садыкова, Сону Абдулаеву и других, — но ярко свидетельствовала об огромных успехах, каких добилась за годы советской власти в своем культурном развитии узбекская деревня. Спартакиада показала, что физическая культура и спорт все глубже входят в быт узбекского народа.

До революции в Узбекистане не только не было ни одного стадиона, но даже мало-мальски устроенных спортивных площадок. Сейчас в республике шесть стадионов и более семисот площадок. Но и этого уже мало. Строительство спортсооружений идет непрерывно. Строят не только площадки, но и гимнастические залы и бассейны.

Сона Абдулаева — победительница в соревновании по гранате. Фото А. Капустянского

Не так давно водный спорт в Узбекистане вовсе не культивировался. Да и где было им заниматься: рек в республике немного, а те, что есть, слишком бурливы и быстры, чтобы можно было на них состязаться в стильном плавании. Но теперь даже в таком «сухопутном» городе, как Ташкент, есть своя хорошая водная станция: сооружена она на искусственном Комсомольском озере.

Минувшим летом в соревнованиях на первенство республики, состоявшихся на этой станции, узбекские пловцы обновили десять республиканских рекордов.

Растет мастерство спортсменов солнечной республики. Добрая слава идет о боксерах Узбекистана. Московским и ленинградским любителям бокса известен молодой ташкентский врач Илья Давыдов, как настойчивый и сильный боец-средневес.

Хорошей репутацией пользуются и узбекистанские футболисты. В нынешнем году команда мастеров Ташкентского дома офицеров заняла в розыгрыше первенства Советского Союза (по второй группе) четвертое место в Центральной зоне. Еще более примечательны успехи сельских футболистов. Иные колхозные команды республики уже не только настигли по классу игры городские коллективы, но во многом превзошли их. Разве не отраден тот факт, что звание чемпиона республики по футболу носит команда колхоза «Полярная звезда»?

Но особенной популярностью пользуется в Узбекистане легкая атлетика. Это, конечно, не случайно. В свое время республика вырастила немало талантливых легкоатлетов и среди них — многократного чемпиона и рекордсмена СССР по барьерному бегу Овсянникова. Традиция эта существует и сейчас. Достижения легкоатлетов республики были наглядно продемонстрированы на последнем первенстве Советского Союза в Москве.

Мастер спорта Фарида Хасанова участвовала в соревнованиях на 800 метров и в финальных забегах на 400 метров. Она показала хорошие результаты. Легкоатлетам хорошо известно имя и другой ташкентской спортсменки, Надежды Борисовой-Севрюковой. Она, правда, добилась пока более скромных успехов, нежели ее старшая сестра — мировая рекордсменка и чемпион Европы по толканию ядра Татьяна Севрюкова, — но все же она является одной из сильнейших спортсменок страны.

С еще бо́льшим успехом выступали на всесоюзных соревнованиях узбекистанские легкоатлеты-мужчины. В предварительных забегах обратил на себя внимание молодой ташкентский спринтер Юрий Шеломицкий. Добившись последовательно права участия в полуфинале и финале бега на 100 метров, он пробежал дистанцию в прекрасное время — 10,7 секунды, установив новый рекорд республики. Самаркандский студент Юрий Финке занял третье место в прыжках в высоту с разбега, преодолев планку, установленную на высоте 186 сантиметров.

Ростом числа спортсменов, высокими спортивными достижениями встречает юбилей Советского Узбекистана молодежь солнечной республики.

С. КЛЕНОВ.

Ташкент.

Новый сосед

Рисунок Г. Валька

Варвара КАРБОВСКАЯ

Звонок?..

Василий Петрович выскакивает из своей комнаты и стремглав мчится к телефону, который находится в коридоре. Но, как на зло, его обгоняет дочка соседей Зайцевых — Лида. Она бежит, подобрав подол длинного вечернего платья и оставляя за собой нежный аромат гиацинта. Трубка уже в ее руках, и на всю квартиру звучит хорошо поставленный, звонкий голос, — сейчас он кажется Василию Петровичу нестерпимо фальшивым и препротивным.

— Да, да! Я слушаю...

— Это, наверно, меня...—взволнованно говорит Василий Петрович.

Но Лида делает отрицательный жест и обаятельно улыбается трубке.

— Дима? Ну, что же вы! Через час Новый год...

— Лида, я вас прошу, — умоляюще шепчет Василий Петрович и даже прижимает руку к груди, хотя в эту минуту ему хочется стукнуть по рычажку. — Я вас прошу, не висите на телефоне хоть сегодня! Мне должны звонить из родильного дома...

Лида моргает великолепными ресницами и понимающе кивает прелестно причесанной головкой:

— Дима, я не могу больше разговаривать, тут у нас ждут ребеночка, он должен вот-вот родиться. Что? Нет, я просто сочувствую, как соседка. Значит, вы сейчас выезжаете? Ну, то-то же!

Кажется, на этом можно бы кончить разговор? Но нет, Лида не была бы актрисой, если бы отказалась от эффекта, как говорится, под занавес. И, мгновенно почувствовав себя Мариной Мнишек, а собеседника Диму — Дмитрием-самозванцем, она произносит с неподражаемым лукавством:

— Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа. С тобою, князь, она меня мирит...

— Начинается! — в отчаянии стонет Василий Петрович, потому что он прекрасно знает: когда Лида декламирует по телефону, ее от трубки не оторвешь.

Лида учится в Гитисе, что в переводе на общедоступный язык означает: институт театрального искусства. Она влюблена в театр и ежедневно читает кому-нибудь монологи по телефону. Да как читает! То заразительно смеется на весь коридор, то горячо шепчет слова любви, то плачет навзрыд настоящими слезами — и все это в трубку. В обыкновенное время это бывало даже занятно: свой театр на дому, но не сейчас, когда нервы бедного Василия Петровича напряжены до крайности.

— Довольно! Вешайте трубку, — сдавленным голосом говорит он, бледнеет и делает угрожающий шаг вперед.

Лида испуганно таращит синие глаза и исчезает, шелестя подолом нарядного платья.

«Вот они, милейшие, добрососедские отношения! — не в силах успокоиться, думает Василий Петрович. — Притворная вежливость: «Здрасте, добрый вечер!», — а когда у человека душа разрывается, никто, никто не подойдет с искренним словом участия!»

Он закуривает и нервно шагает взад-вперед по коридору, а в голову, как нарочно, лезут пугающие мысли:

«А вдруг нечаянно подменят ребеночка?.. Хотя, кажется, они надевают браслеты на ручку... А вдруг перепутают браслетики?..»

Он шагает мимо дверей Зайцевых. Слышны громкие голоса, смех. Он нервничает, бросает недокуренную папиросу в угол и набирает номер.

— Родильный дом? Дежурная? Извините, пожалуйста, это опять инженер Прохоров вас беспокоит... Ну да, потому что я знаю, что у вас нет хорошего правила позвонить, ободрить, · поздравить, наконец!.. Как? Ну, даже если в одну ночь одиннадцать отцов, что ж такого?.. Осчастливить одиннадцать человек добрым словом — это тоже чего-нибудь да стоит!.. Нет, товарищ дорогой, я вам нравоучения не читаю, вы не обижайтесь, но вы войдите в мое положение... Как?.. Ну, разумеется, вы же специалист, на вас огромная ответственность... — Василий Петрович льстит изо всех сил и даже раскланивается перед трубкой. — В общем мы с вами договорились, вы будете звонить! Только вот что... — он оглядывается и прикрывает трубку рукой, — телефон у нас общий, я могу не услышать, а соседи, — знаете, какой это бесчувственный народ? Разве кто-нибудь подойдет к телефону, когда знают, что не их вызывают... Тем более сегодня встреча Нового года, никому нет дела. Так что вы звоните долго-долго, хорошо?

Снова закурив, он меряет коридор большими шагами. Дверь соседней квартиры открывается, и появляется тучная фигура Зайцева Ивана Сергеевича. Он укоризненно качает головой:

— Что же это вы, Василий Петрович, так все-таки нельзя...

Василий Петрович останавливается и чувствует, что начинает закипать, как чайник на газовой плите.

— Вам что, Лида нажаловалась, что я прогнал ее от телефона?

— Да нет, дорогой мой, просто нехорошо...

— Сам знаю, что нехорошо! Грубо. Но только умоляю, не трогайте меня, а то я и с вами поссорюсь! Я нервничаю, я жду звонка из родильного дома.

Зайцев разводит руками.

— Вот, ей богу, да вы дайте мне слово сказать. Лидушка прибежала расстроенная, говорит: «Отец, иди, зови Василия Петровича к нам, а то он мыкается по коридору, как неприкаянный...» И, знаете, душа моя, это очень нехорошо в новогоднюю ночь мыкаться по коридору. Значит, весь год будете околачиваться в коридорах... — шутит Иван Сергеевич.

Василий Петрович смущен, Иван Сергеевич настаивает:

— Идемте к нам, не упрямьтесь. Вот и Маргарита Ивановна приглашает. Маргоша, скажи ты этому одержимому, что, в конце концов, все это не так уж страшно!

На пороге стоит приветливая седая Маргарита Ивановна:

— Правда, Василий Петрович, я вам скажу откровенно, я пятерых детей родила — и ничего особенно страшного. Но вот, действительно, когда внуки родятся, места себе не находишь: вся душа изболеет и за роженицу и за внучонка. Так что я вас очень хорошо понимаю. Милости просим, на людях веселее.

Василий Петрович что-то сконфуженно бормочет, отнекивается, но супруги Зайцевы тянут его к себе.

В квартире у них празднично и многолюдно.

— Наш сосед, Василий Петрович Прохоров! — возглашает Зайцев. — Ждет от Нового года нового, большого счастья.

— Не больше четырех кило, — деловито подсказывает Маргарита Ивановна.

Василий Петрович хоть и растроган, но начинает беспокоиться, что за всем этим шумом ему не услышать телефонного звонка. Широкоплечий Дима, которого вызывала Лида, великодушно предлагает:

— Давайте установим дежурство у телефона. Первые пойдем в коридор мы с Лидой.

Нет, нет, Василий Петрович даже пугается. Он представляет себе, как зазвонит-зальется телефон, а Дима с Лидой будут стоять в прихожей у вешалки, обнявшись, и будут чувствовать себя, как в раю, а в рай телефонные звонки не долетают.

— А как вы его назовете?

— А?! — Василий Петрович оглядывается: это, кажется, его спрашивает маленькая блондинка в очках. — Как мы его назовем? Жена хочет — Леночкой, а я — Павликом.

— Кем-то он будет лет через двадцать, этот наш новый сосед? — мечтательно говорит Зайцев.

— Вратарем! — басит широкоплечий Дима.

Василий Петрович нервно вздрагивает, как будто уже видит неотвратимый мяч, посланный беспощадной ногой, который вот-вот опрокинет навзничь его ребенка... Или еще хуже: влетит в сетку ворот, и тысячи зрителей завопят в общем порыве негодования!.. Нет, у вратарей должны быть очень выносливые родители, а он так боится за ребенка!..

— Товарищи! Он будет драматургом! — азартно кричит Лида. — И он напишет для меня такую пьесу!..

— ...в которой ты будешь играть бойкую старушку, потому что пьесу Павлик сможет написать не раньше как лет через тридцать. Ведь не собираешься же ты в пятьдесят лет играть молодые роли?

— Боже, как трудно растут драматурги!

Но Василий Петрович опять не согласился: драматургам так часто достается в газетах...

— Позвольте мне! Я от души,— говорит один из гостей; у него располагающая, добродушная внешность, розовые щеки и пунцовый галстук на шее. — Я от всей души: пусть он будет бухгалтером!

— Бу... Ка-ак?! — Василий Петрович даже перестает прислушиваться к коридорным звукам. — Нет, ни в коем случае!

— А почему, интересно узнать? — обижается гость. — Ага, вы думаете, что бухгалтер — сухарь, когда он отказывает вам в авансе или заставляет провести в цехе рационализацию? А может быть, у бухгалтера в этот миг душа трепещет и поет в порыве разумной экономии?

— Погоди ты, трепетная душа! — прерывает Зайцев. — Павка будет выбирать профессию через восемнадцать лет. Может быть, бухгалтерия тогда не понадобится.

— Бухгалтерия вечна! — истово произносит краснощекий гость. — У народа-богача бухгалтер — первый работник.

Кто-то из молодежи кричит:

— Нет уж, пускай он пойдет по нашему, по лесному делу! Пускай не отсиживается в Москве под папиным крылышком, а выезжает в степь!

— Подождите, но тогда Павке нужно нынче же приступать к работе, а через двадцать лет он будет только похаживать по готовеньким лесам...

Блондинка в очках волнуется:

— Я бы хотела видеть его врачом! Талантом в медицинском мире, который положит конец раку, туберкулезу...

— Стыдитесь, Ирина Петровна! Не переваливайте свою работу на хрупкие плечи ребенка, когда это ваша задача ближайших лет!

— Но постойте, тогда Павке ре-

Почему мы так говорим

Сжечь свои корабли

Выражение «сжечь свои корабли» живет в языках десятков народов много столетий. Так говорят об отрезающих себе путь к отступлению, возврату к прошлому.

Происхождение этого выражения таково.

Более чем за 300 лет до начала нашего летосчисления Сиракузы (самый богатый город Сицилии) были осаждены карфагенянами. Несмотря на тяжелую военную обстановку, тиран Сиракуз Агафокл решил напасть врасплох на карфагенян на их земле. Оставив в Сиракузах основные свои силы, он выбрал удачный момент, пробился с частью своих войск через линию осады и, ускользнув на 60 кораблях от погони, быстро высадился в Африке. Здесь он сжег свои корабли, чтоб они не достались неприятелю, и, отрезав таким образом какой бы то ни было путь к отступлению, немедленно двинулся вперед. Благодаря неожиданности он разбил втрое превосходивших его войска карфагенян.

Такой же смысл, как «сжечь свои корабли», имеет и выражение «уничтожить за собой мосты».

Победитель Куликовской битвы Дмитрий Донской в ночь на 8 сентября 1380 года «повеле мосты мостити на Дону» и, переправив свои войска, по преданию, уничтожил мосты, отрезав себе путь к отступлению и вселив в воинах уверенность в победе.

Шут гороховый

Бобовые и, в частности, горох относятся к числу древнейших растений, которые возделывал человек. С горохом некогда были связаны верования и обряды, смысл и значение которых давно забыты. Но следы этих обрядов сохранились у нас во многих местах почти до Великой Октябрьской социалистической революции.

В числе действующих лиц во время святочных забав был и ряженый, окутанный гороховой соломой. В конце масленицы возили соломенное чучело — шута горохового, напоминавшего женщину с распущенными волосами: так «провожали масленицу».

Подобные обычаи были и у других славянских народов. В Чехии, например, на святках по домам ходили ряженые и в их числе «медведь», весь обмотанный гороховой соломой.

Ею в некоторые дни украшали себя на Руси и скоморохи, шуты, известные с незапамятных времен. Еще на росписях стен киевского Софийского собора, построенного в XI веке при Ярославе, изображены скоморохи. Былины рассказывают, как Добрыня пришел на пир к Владимиру в скоморошьем наряде:

Говорит солнышко Владимир князь:
«Малая скоморошина!
За твою игру великую,
За твои утехи за нежные
Без меры пей зелено вино,
Без расчету получай золоту казну!..»

Церковь боролась со скоморохами и народными увеселениями, запрещая «скверная и бесовская действа и игрища». Шут поэтому нередко отождествлялся с чортом. Вместо «чорт с ним» иногда говорили «шут с ним», «ну его к шуту» и т. п.

От этих же обычаев и нелепо одетого человека называли «шутом гороховым».

И. УРАЗОВ

ШАШКИ

Под редакцией мастера
Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

Комбинационная партия

Б. Городецкий (белые) — Л. Хейф (черные)

Играна в полуфинале XII чемпионата СССР. Казань, 1949 год.

1. c3 — d4 h6 — g5; 2. g3—h4 b6 — a5; 3. d4 — c5 d6 : b4; 4. a3 : c5 c7 — b6; 5. c5 — d6 e7 : c5; 6. e3 — d4 c5 : e3; 7. d2 : h6 f6 — e5; 8. h2 — g3 g7 — f6; 9. f2 — e3 h8 — g7 (такая система развития в дебюте «Обратная игра Бодянского» весьма часто применяется в турнирной практике); 10. e3 — f4 e5 — d4; 11. b2 — a3 (обычно здесь играют 11. ...f4 — g5) b8 — c7? (этот ход ведет к проигрышу: следовало играть 11. ... b6 — c5); 12. g1 — h2! d8 — e7 (если 12. ... b6 — c5; то 13. f4 — e5! и выигрывают, так как на 13. ...d4 — c3 последует 14. c1 — d2, а на 13. ...d4—e3— 14. a1 — b2; f6 : d4; 15. e3—f4 с проходом в дамки. Другие ходы также проигрывают); 13. c1—b2! b6 — c5; 14. f4—e5! d4 — e3

15. a3 — b4!!

Смертельный удар! Теперь позиция черных рушится:

15. ... c5 : c1

Лучшего ничего нет.

16. e1 — d2 f6 : d4
17. d2 : f4 c1 : g5
18. h4 : e3 Черные сдались.

Примечания Б. Городецкого.

НЕХИТРЫЕ ЗАДАЧИ

ДЕТСКИЕ КУБИКИ

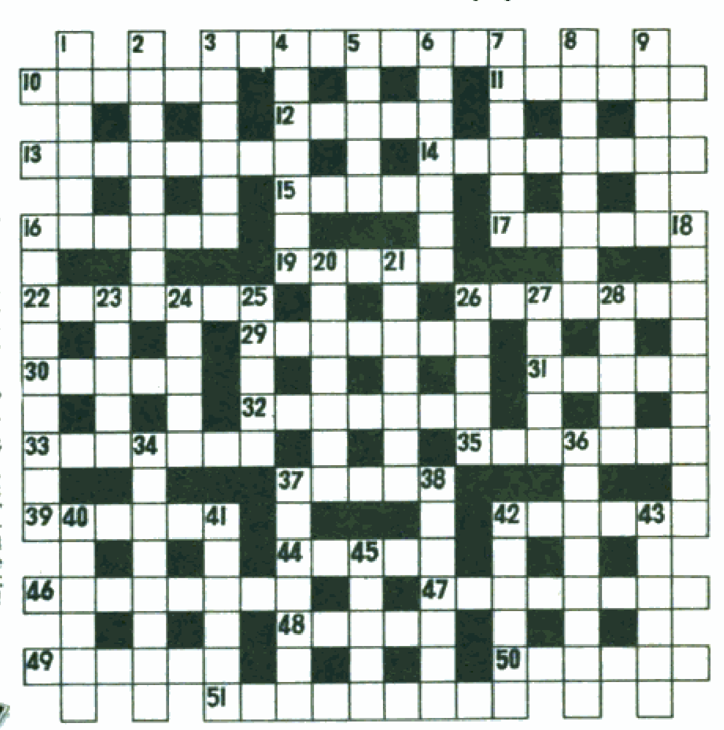
Мастеру, изготовлявшему детские игры, дали деревянные кубики с длиной стороны каждой грани 4 сантиметра. Но для того, чтобы наклеить на кубики нужные для игры буквы и цифры, требовалась вдвое большая площадь. Кубиков мастер получил строго ограниченное количество. Как он вышел из положения?

ЗАПАСЫ УГЛЕКИСЛОТЫ
(Задача-шутка)

Ученые подсчитали, что в воздухе содержится около двух миллиардов тонн углекислоты. Известно, что растения за год потребляют примерно 60 миллионов тонн углекислоты.

Через сколько времени запасы углекислоты в воздухе иссякнут?

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. План развития народного хозяйства. 10. Металлическая рыбка. 11. Музыкальный инструмент. 12. Конская упряжь. 13. Войсковое подразделение. 14. Персонаж пьесы Чехова «Вишневый сад». 15. Смоковница. 16. Метательный снаряд. 17. Благоухание. 19. Советский поэт. 22. Опера Даргомыжского. 26. Прибор. 29. Искусственный водоем. 30. Ткань. 31. Радиолокационный прибор. 32. Род войск. 33. Музыкальная пьеса. 35. Нарисованное изображение. 37. Место стоянки самолетов. 39. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Таланты и поклонники». 42. Результат посева. 44. Вид городского транспорта. 46. Сооружение в доме. 47. Город в РСФСР. 48. Машина для подъема груза. 49. Нарост у растений. 50. Платье. 51. Сотрудник типографии.

По вертикали:

1. Опера Спендиарова. 2. Вид спортивного состязания. 3. Тропическое дерево. 4. Совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве. 5. Город во Франции. 6. Птица. 7. Часть света. 8. Знаменитая актриса Малого театра. 9. Часть текста. 16. Цветная бумажная лента. 18. Название пролива. 20. Народный герой XVII века. 21. Ягода. 23. Река, впадающая в Каспийское море. 24. Хищный зверек. 25. Верхняя часть капители колонны. 26. Стихотворение Пушкина. 27. Часть оснастки корабля. 28. Роман Тургенева. 34. Тело в виде многогранника. 36. Человек, родившийся там-то. 37. Город на Северном Кавказе. 38. Электрический прибор. 40. Столица советской республики. 41. Город в Сибири. 42. Взаимное соглашение. 43. Выступающая часть здания. 45. Гастрольная поездка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 2

По горизонтали:

1. Электрификация. 7. Полководец. 8. Жердь. 9. Флокс. 11. Достижение. 14. Оплата. 16. Скалка. 18. Экипаж. 20. Нотница. 22. Варенье. 23. Место. 24. Фасад. 25. Обочина. 26. Консоли. 27. Посуда. 30. Стерня. 31. Стекло. 35. Готовность. 37. Отпор. 38. Дождь. 39. Автострада. 40. Благосостояние.

По вертикали:

1. Эгида. 2. Клочок. 3. Ракитник. 4. Изотерма. 5. Афелий. 6. Ягель. 8. Животноводство. 10. Справедливость. 12. Флотоводец. 13. Планировка. 15. Триллион. 17. Карбонит. 19. Плед. 21. Арфа. 22. Воск. 23. Манс. 28. Ортодокс. 29. Демокрит. 32. Подвиг. 33. Стадия. 34. Жолоб. 36. Шоссе.

шительно нечего будет делать, если мы все за него переделаем!

— И-и, матушка, такие ли еще дела предстоят!

Звонок... Все смолкают. Василий Петрович бледнеет и скрывается в коридоре. Зайцев говорит шопотом:

— Без трех минут двенадцать. Раскупоривайте бутылки...

Дверь открывается, на пороге виновато улыбающийся Василий Петрович.

— Что?!..

— Ничего, товарищи, напрасно вы меня пригласили, право: вам одно только беспокойство. Это дежурная звонила. Просто так, из вежливости, а может быть, из чувства противоречия. Поздравляет с Новым годом...

И только в два часа ночи раздался долгожданный звонок. Его перехватили Дима и Лида, тотчас переставшие целоваться при первом звуке телефона.

— Кого? Инженера Прохорова? Говорите, говорите, это все равно, мы соседи... Василий Петрович, идите скорей, она не хочет разговаривать с соседями!

Все гости высыпали в коридор. Василий Петрович прижимал трубку к похолодевшему уху, и она прыгала в его дрожащей руке.

— М... м... мальчик? О-о... Хороший?! Все благополучно? Милая, спасибо вам! Четыре кило?

— Сейчас четыре, а со временем догонит до восьмидесяти, — авторитетно сказал краснощекий бухгалтер.

А Василий Петрович растроганно улыбался в трубку:

— Да, да, это соседи меня вызывали... Как?.. Нет, очень хорошие, чудесные люди!.. Ну, мало ли что я говорил, это было в прошлом году, а люди, знаете как, из года в год становятся все лучше. Спасибо вам, дорогая! Как?.. Нет, именно есть за что! Иногда два слова могут сделать человека счастливым, а мы подчас на эти два слова скупимся. Нет, нет, я не про вас! Я о вас самый лучший отзыв напишу!.. Одну минуточку, еще вопрос... а вы его, голубушка, не перепу... Нет, нет, вы не обижайтесь, я же знаю, что вы на ответственном посту, я просто так, на всякий случай... Как?.. Да, да, я понимаю, будут звонить еще одиннадцать отцов... Передайте им всем мой отцовский привет!

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 00805 Подписано к печати 9/I—50 г. Изд. № 65. 5½ печ. л. Тираж 381 000 Заказ 3324. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Министерство рыбной промышленности Союза ССР

Главрыбсбыт

ПОКУПАЙТЕ

ЗЕРНИСТУЮ, ПАЮСНУЮ
И ПАСТЕРИЗОВАННУЮ

ИКРУ

В ФИРМЕННЫХ МАГАЗИНАХ ГЛАВРЫБСБЫТА и других гастрономических магазинах.

Пастеризованная икра расфасована в герметически укупоренные стеклянные баночки весом по 28, 56, 84 и 112 граммов и может длительно храниться при комнатной температуре, не теряя своего качества и вкуса.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ ГЛАВРЫБСБЫТА
В МОСКВЕ:

Октябрьская пл., 5.	**Тел. В 1-52-81.**
Ул. Дзержинского, 22.	**» К 0-93-50.**
М. Колхозная пл., 10/31.	**» К 0-33-01.**
Ул. Чернышевского, 19.	**» К 7-31-22.**
Таганская ул., 49.	**» Ж 2-67-04.**
Пятницкая ул., 3.	**» В 1-69-83.**
Зацепский проезд, 1/2.	**» В 1-25-73.**
Тишинский рынок.	
Садово-Кудринская, 28/30.	**» Д 1-78-64.**
Таганская пл., 6.	**» Ж 2-63-82.**
Арбат, 7.	**» Г 1-30-42.**
Серпуховский вал, 3.	**» В 2-49-23.**
Ул. Горького, 55.	**» Д 1-38-91.**

Цена 3 руб.

